

ISSN 2307-2539

№1 (25) • 2019

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серёгин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Д.С. Коробов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
Л.С. Марсадоллов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
М.Д. Фрачетти, Ph.D., профессор (США);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес издателя и редакции:

656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211,
телефон: 8 (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.,
с 2016 г. выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2019.

Зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ
№ФС 77-65056. Дата регистрации
10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№1 (25) • 2019

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2019

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshepkin, Doctor of History, Professor;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate
of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academi-
cian, Russian Academy of Science (Russia);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
D.S. Korobov, Doctor of History, Professor (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology, Professor (Hungary);
M.D. Frachetti, Ph.D., Professor (USA);
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

The address of the publisher and the publish-
ing house: office 211, Lenina av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of “The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research”
© Altai State University, 2005–2019.

Registered by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Commu-
nication, Information Technologies and
Mass Communications.
Registration certificate PI №FS 77-
65056. Registration date 10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф.</i> Исследование многослойных разнокультурных комплексов Верхнего Причумышья: Усть-Шамониха-I	7
<i>Руденко К.А.</i> Металлургическое производство VI–VII вв. н.э. на Тетюшском II городище в Татарстане	16
<i>Садыков Т.Р., Каспари Дж., Блохин Е.К.</i> Раннескифский курган Туннуг-1: результаты первых работ на южной периферии памятника	29
<i>Серегин Н.Н., Васютин С.А.</i> Раннесредневековые оградки комплекса Коо-I в Восточном Алтае (по материалам раскопок А.С. Васютина)	39
<i>Шуников М.В., Козликин М.Б., Михиенко В.А.</i> Каменные индустрии среднего палеолита из южной галереи Денисовой Пещеры: материалы раскопок 2003 года	51

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Saran S., Tengis S., Nyamdorj D., Enkhbat G. and Turbat Ts.</i> Analysis of a lacquer cup from the Xiongnu Grave in Tamir Valley, Mongolia	60
--	----

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Варенов А.В.</i> Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуя и ритуальные одеяния древнего царства Шу	69
<i>Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Фрибус А.В.</i> Ритуальный приклад раннего железного века из могильника Семиярка-IV (Восточный Казахстан)	86
<i>Нурмуханбетов Б.Н., Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С.</i> Коллекция предметов вооружения сакского времени из могильников Моалалы и Шубарат	99
<i>Шнайдер С.В., Колобова К.А., Филимонова, Алишер кызы С., Кривошапкин А.И.</i> Туткаульская линия развития: комплексы с геометрическими микролитами на территории Памиро-Алая	109

АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ

<i>Загваздин Е.П.</i> Спасательная археология Тобольска	138
<i>Камалеев Э.В.</i> Археологические исследования на территории Табынской крепости XVIII–XX вв. в Центральной Башкирии	147
<i>Кряжевских А.Л.</i> История изучения и перспективы дальнейшего исследования погребальных памятников позднего Средневековья и Нового времени на территории г. Хлынова-Вятки	157
<i>Курлаев Е.А.</i> «Церковная археология» как направление исследований	169
<i>Список сокращений</i>	179
<i>Сведения об авторах</i>	180

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Kungurov A.L., Kungurova O.F.</i> Research of Multilayered Culturally Different Complexes of the Upper Prichumyshie: Ust-Shamonikha-I	7
<i>Rudenko K.A.</i> Metallurgical Manufacture of the VIth – VIIth Centuries Ad on the Tetushi II Hillfort in Tatarstan	16
<i>Sadykov T.R., Caspari Dg., Blochin E.K.</i> The Early Scythian Burial Mound Tunnug-1: Preliminary Results of the Excavation of the Southern Periphery	29
<i>Seregin N.N., Vasyutin S.A.</i> Early-Medieval Enclosures of the Koo-I Complex in the East Altai (based on excavations by A.S. Vasyutin)	39
<i>Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Mikhienko V.A.</i> The Middle Paleolithic Stone Tool Industries from South Chamber of Denisova Cave: Based on Data from the 2003 Excavations	51

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Саран С., Тэнгис С., Нямдорж Д., Энхбат Г., Турбат Ц.</i> Изучение лакового изделия из раскопанных хуннских курганов в долине Тамира, Архангай (Монголия)	60
--	----

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Varenov A.V.</i> Bronze Human Statues From Sanxingdui and Ritual Garments of Ancient Shu Kingdom	69
<i>Grushin S.P., Merts I.V., Merts V.K., Fribus A.V.</i> Early Iron Age Ritual Object from Semiyarka IV Burial Ground (Eastern Khazakstan)	86
<i>Nurmukhanbetov B.N., Tulegenov T.Zh., Ivanov S.S.</i> The Collection of Weapon of the Saka Period from the Shubarat and Molaly Burial Mounds	99
<i>Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Alisher kyzy S., Krivoshapkin A.I.</i> Tutkaul Line of Development: Complexes with Geometric Microlites in the Territory of the Pamir Alai	109

THE ARCHAEOLOGY OF THE LATE MIDDLE AGES AND THE NEW AGE IN THE URAL-VOLGA REGION: FROM ARCHAEOLOGICAL SOURCES TO HISTORICAL RECONSTRUCTIONS

<i>Zagvazdin E.P.</i> Resque Archaeology of Tobolsk	138
<i>Kamaleev E.V.</i> Archaeological Study in the Territory of the Tabynsk Fortress of the XVIII th – XX th Centuries in Central Bashkiria	147
<i>Krjazhevskih A.L.</i> The History and the Prospects of Studying the Burial Mounds of the Late Middle Ages and Modern Times in the Territory of Hlynov-Vyatka	157
<i>Kurlaev E.A.</i> «Church Archeology» As a Direction of Research	169
<i>Abbreviations</i>	179
<i>Authors</i>	180

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902«638»(571.150)

А.Л. Кунгуров¹, О.Ф. Кунгурова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Финансовый университет при правительстве РФ, Барнаульский филиал, Барнаул, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОСЛОЙНЫХ РАЗНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПРИЧУМЫШЬЯ: УСТЬ-ШАМОНИХА-I

Верхнее Причумышье – это регион, объединяющий две разных орографических зоны: Бийско-Чумышскую возвышенность и Салаирский кряж. В настоящее время эта территория является одним из наиболее исследованных археологических микрорайонов. Особенности формирования долины Чумыша привели к образованию долинно-балочного рельефа с большим количеством выразительных микродолин, мысов и малых притоков. В различные периоды истории участки долины, наиболее удобные для проживания и реализации присваивающего и производящего хозяйства, заселялись неоднократно. На ряде памятников зафиксированы сочетания разновременных поселений и грунтовых некрополей. Часть подобных комплексов (Усть-Васиха-2, Степь-Чумыш маслозавод, Коврижки-1 и 2) полностью или частично опубликованы. В статье представлены результаты изучения материалов многослойного памятника Усть-Шамони́ха-I, расположенного в юго-западных отрогах Салаира. Кроме культурных слоев большемысской, быстрианской и одинцовской культур, на памятнике исследовано погребение сrostкинской культуры. Настоящей работой авторы открывают цикл исследований, посвященных публикации многослойных памятников региона – комплексам Коврижка, Куюк и Улус.

Ключевые слова: Верхнее Причумышье, Салаир, поселение, погребение, керамика, пест, железный нож, бронзовое зеркало, подвеска, серьги, бусы, ранний железный век, быстрианская культура, сrostкинская культура, датировка.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-01

Введение

Отрезок долины Чумыша в месте расположения устьевого зоны р. Шамони́хи (Чумани́хи, длина водотока около 3 км), разделяет отроги Салаира (правый борт) и северо-восточные склоны Бийско-Чумышской возвышенности. По физико-географическому районированию это Уруно-Ненинский район Салаирской провинции Кузнецко-Салаирской области страны Горы Южной Сибири. Скальные подстилающие отложения – песчаники, сланцы и конгломераты среднего-верхнего отделов кембрийской системы. Устьевая зона р. Шамони́хи сложена песчаниками. Ландшафт региона возвышенный дренированный (элювиальный) лесо-лугово-степной. Распространены холмисто-увалистые эрозионно-денудационные цокольные предгорные равнины, перекрытые плащом лессовидных суглинков и лессов с разнотравно-злаковыми остепненными лугами на выщелоченных черноземах в сочетании с редкими березовыми байрочными лесами на темно-серых почвах [Алтайский край..., 1978].

Археологический комплекс Усть-Шамони́ха-I занимает мыс, образованный левым берегом Шамони́хи (северо-северо-восточный край), правым бортом долины Чумыша (западная оконечность) и логом длиной около 100 м, ограничивающим его с юга. Мыс цокольный, имеет параметры 120×80 м и высоту, снижающуюся от 16 м около основания до 5 м по бровке (209–198 м над у.м.). Координаты археологического комплекса – 53°08'05.62" с.ш., 86°01'08.58" в.д. Через основание мыса проходит наезженная грунтовая дорога, идущая от с. Победа (1,6 км) до фермерского хозяйства, расположенного на правом берегу Шамони́хи, и далее вниз по течению Чумыша (рис. 1).

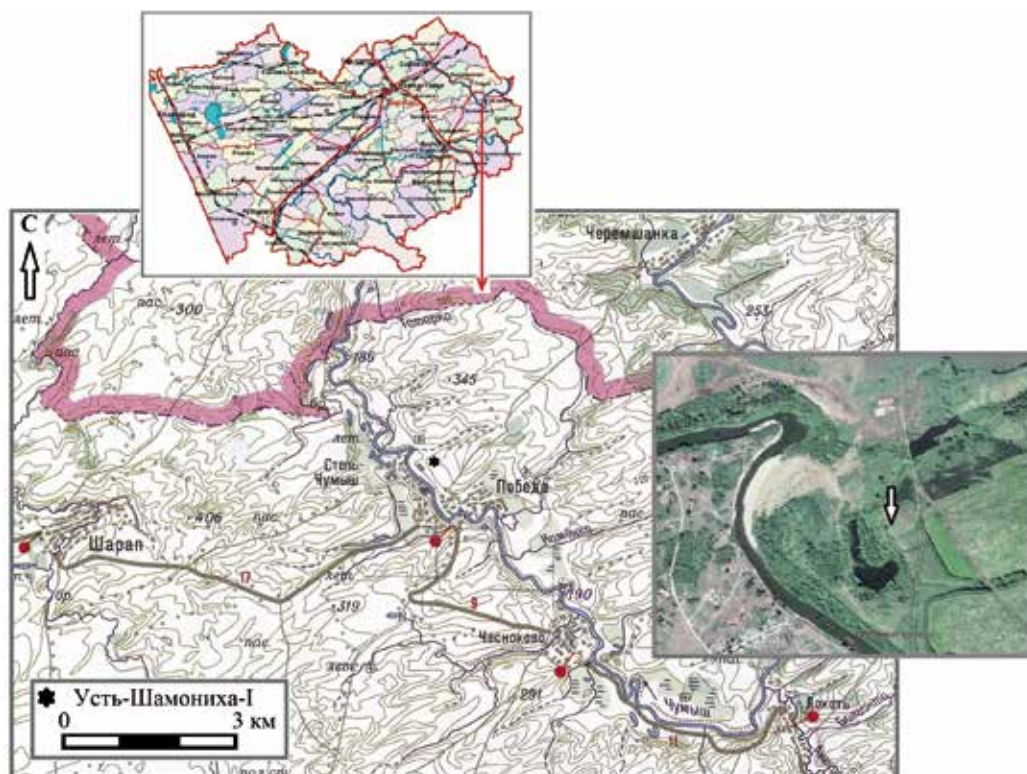

Рис. 1. Расположение археологического памятника Усть-Шамони́ха-I

Полученные результаты и их обсуждение

Для выявления наличия археологического памятника на перспективном для поиска мысе в 1990 г. был заложен шурф площадью 4 кв. м, в юго-западном углу которого фиксировалось заполнение ямы. При расширении шурфа в небольшой раскоп (12 кв. м) для исследования объекта было выявлено погребение (рис. 2.-1-3) периода раннего средневековья (IX–X вв. н.э.) [Горбунов, 1992]. На следующий год площадь раскопа была увеличена до 30 кв. м с целью выявления других погребальных комплексов, однако их обнаружено не было. Вокруг погребения зафиксированы хаотичные перекопы, видимо, одновременные захоронению. Создавалось впечатление, что строители могилы искали на площади мыса место с более мощным рыхлым отложением, однако везде под почвенным слоем и маломощным горизонтом суглинка находился цоколь мыса. В итоге могильная яма была просто выдолблена в песчанике на глубину 0,2–0,25 м (рис. 2.-1, 2).

Кроме погребения, в раскопе документированы культурные слои энеолитической большемысской культуры, быстрианской культуры раннего железного века и единичные фрагменты одинцовской керамики периода раннего средневековья.

Большемысская культура представлена комплексом каменных изделий из 17 артефактов и двумя фрагментами керамики (обломки тулова сосудов средних размеров), украшенной оттисками гребенчатого штампа и гребенчатой «качалкой» (рис. 3.-1, 2). Каменная индустрия представлена техникой расщепления и четырьмя орудиями. Первая группа артефактов состоит из мелких (3) и средних (4) вторичных отщепов, кварцито-

вого обломка, аморфных сколов из кремнистого материала (2) и зеленоватого алевролита (2). Представлена также заготовка для рубящего изделия из плитки зеленоватого алевролита, грубо оббитая сколами с двух сторон (рис. 3.-6). Орудия:

– скобель на пластинчатом сколе средних размеров; рабочая кромка сформирована на правом продольном крае с вентральной стороны крупными притупляющими сколами и ретушью, образывавшими зубчатый абрис края (рис. 3.-4);

– фрагмент диска возможным диаметром около 4,5 см, толщиной до 0,5 см (рис. 3.-5); диск изготовлен из окремненного сланца и отшлифован с двух сторон, край имеет двустороннюю аккуратную оббивку, что позволяет определить изделия как дисковое скребло;

– массивный скребок высокой формы и «сегментовидных» очертаний из алевролита; рабочий край овальной формы обработан оббивкой и мелкой притупляющей ретушью (рис. 3.-3);

– первичный скол со следами использования.

Несмотря на небольшую выборку, большемысский комплекс достаточно показателен (прежде всего, за счет характерной керамики). Следует отметить то, что в регионе

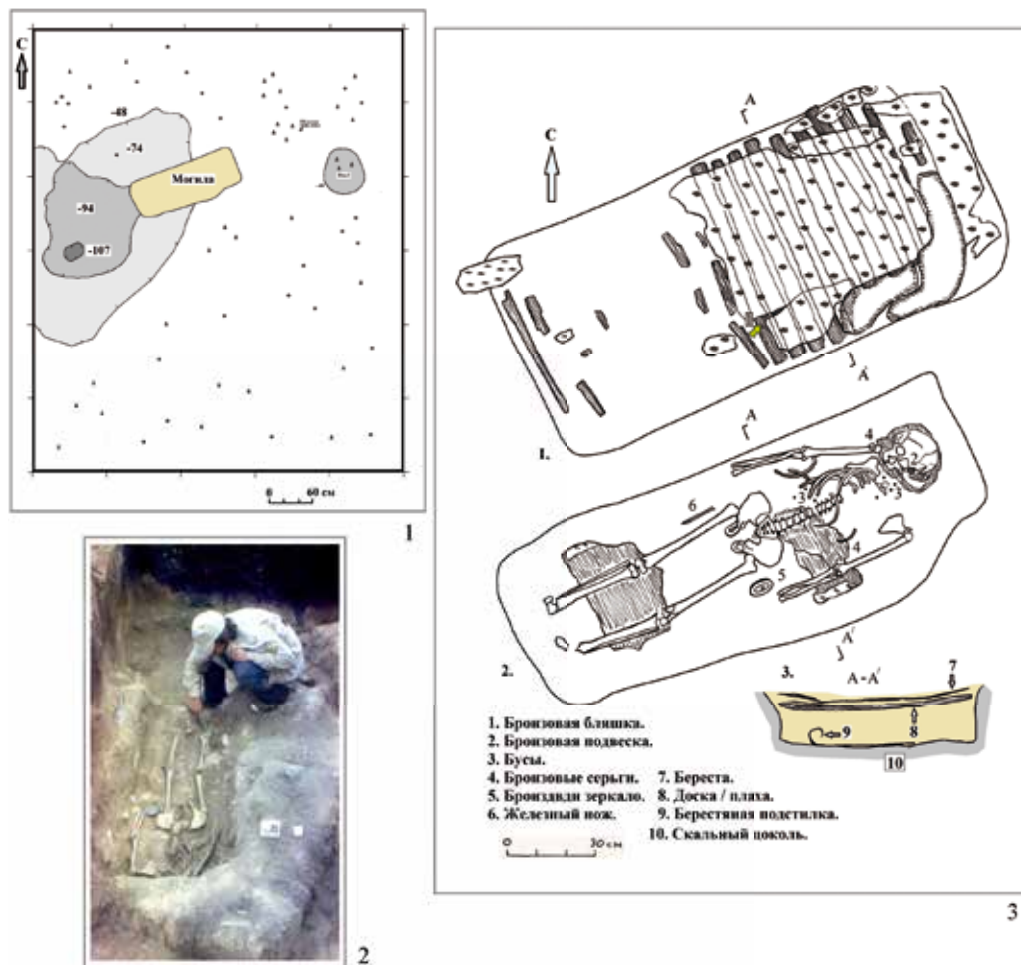

Рис. 2. Раскоп (1), погребение сrostкинской культуры (2) и его исследование (3)

находки энеолитического времени представлены единично. Кроме Усть-Шамоники-I, известна находка большемысского венчика с р. Повеляиха, в 5 км выше по течению Чумыша [Кунгуров, 2005].

Быстрянская культура представлена девятью фрагментами орнаментированной керамики, обломками сосудов без орнамента (35 экз.), аналогичными по технике изготовления, обжигу и цвету орнаментированной посуде, одним обломком литейной формы, костью крупного рогатого скота, керамическим пряслицем.

Рис. 3. Находки из раскопа на памятнике Усть-Шамоники-I:
1, 2, 8-19 – керамика; 3-7 – камень

К раннему железному веку относится также яма №1, в которой найден обломок керамики с рассеченным валиком (рис. 2.-1; 3.-12). Форма всех сосудов – закрытая, баночная. Орнамент представлен «жемчужником» и наклепными валиками. «Жемчужник» – с разделителем в форме наклонно-полукруглых, овальных (рис. 3.-9) и «семечковидных» оттисков-наколов (рис. 3.-11, 13). В одном случае ниже строки «жемчужника» с разделительными ямками овальной формы расположен наклепной валик с косыми оттисками по верхнему срезу (рис. 3.-8). Кроме этого, валик представлен на трех обломках тулова, видимо, верхней части сосудов баночной формы (рис. 3.-12, 15, 16). Все валики рассечены наклонными оттисками гладкого штампа. Один фрагмент венчика сосуда баночной формы украшен строкой оттисков вертикального гладкого штампа, расположенной по самому краю фрагмента перед округлым наружным срезом венчика.

Пряслице (обломок) высокой формы и трапециевидного сечения, т.е. оба торца имеют различный диаметр (рис. 3.-17). Поверхность большего диаметра является «лицевой» и украшена солярным орнаментом. Он представляет собой радиальные прочерченные от центрального отверстия к краю линии, между которыми в видимом беспорядке расположены круглые ямки-наколы различного диаметра. Некоторые размещены прямо на линиях. Количество ямок различное. На сохранившемся фрагменте размещены шесть и восемь оттисков, остальные обломаны. Литейная форма не позволяет определить характер изделия, для изготовления которого она предназначалась.

Кроме керамических изделий, к раннему железному веку может относиться каменный пест (рис. 3.-7). Артефакт изготовлен из естественной отдельности окремненного песчаника подквадратного сечения, расширяющейся к одному из торцов, на котором расположена рабочая кромка. Она оформлена пикетажем и оббивкой. Судя по характеру изношенности, пест предназначался для дробления и растирания твердого субстрата (шамот, дресва). Одна из нижних плоскостей отколота в процессе утилизации изделия (найдена в яме №1), скол апплицируется с основным орудием.

Одинцовская культура представлена двумя обломками венчиков баночного сосуда и горшка с отогнутым наружу венчиком. Первый сосуд украшен двумя рядами наклонных треугольных отпечатков ниже венчика. По срезу венчика нанесены наклонные оттиски гладкого штампа (рис. 3.-18). Второй сосуд орнаментирован строкой круглых ямок под отогнутым наружу венчиком с «обратными жемчужинами» (рис. 3.-19).

Погребение сrostкинской культуры, как уже упоминалось ранее, выдолблено устроителями в цоколе мыса. Яма подпрямоугольной формы, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Размеры ее – 1,75×0,8 м (по верхнему абрису) и 1,7×0,65 м (по дну). Глубина 0,2 м от кромки цоколя, 0,5 м от уровня материка – серой лессовидной супеси (рис. 4.-1), 1,05 м от поверхности. На дне ямы располагалась достаточно сложная погребальная конструкция из бересты и деревянных досок (рис. 2.-3; 4.-1). На дне камеры был расстелен внешней стороной вниз продольный лист бересты, на который уложена умершая. Края листа со временем (до заполнения пустоты камеры грунтом) завернулись вовнутрь. После совершения погребального ритуала камера была перекрыта поперечными «брусковидными» досками (не менее 20). Параметры досок: длина 0,7–0,75, ширина 0,04–0,05 м, толщина около 0,03 м. Доски составляли потолок камеры. Их торцы упирались в стенки камеры, так как дно могилы по ширине было уже линии «потолка» (рис. 2.-3). Сверху потолок был перекрыт листом бересты, уложенным, как и нижний, перекрывавший дно, внешней стороной вниз, перидермой вверх.

Умершая женщина (определение – А.Р. Кима) лежала на листе бересты вытянуто на спине, головой на северо-восток. Кости скелета имели достаточно плохую сохранность (видимо, из-за воздействия бересты), отсутствовали кисти рук, часть стоп и ребра.

Погребальный инвентарь составляет типично «женский» набор (хранится в МАЭА ИФ АлтГУ, колл. №154). Судя по расположению находок, некоторые артефакты перемещены, возможно, жившими в могиле грызунами. Умершая женщина имела две серьги (рис. 4.-4, 5), при этом правая размещалась «в районе» уха, а левая около левого локтя (рис. 2.-3). Семь сердоликовых бусин располагались в районе шеи, представляя собой, скорее всего, ожерелье (рис. 4.-6). Возможно, частью ожерелья является подвеска, из-

Рис. 4. Материалы сrostкинского погребения из Усть-Шамонихи-1:
1 – реконструкция погребальной конструкции; 2 – створка игольника;
3 – подвеска из сломанной булавки; 4, 5 – серьги; 6 – нашивки и бусы; 7 – зеркало;
8 – черешковое изделие (2, 3–5, 7 – бронза; 6 – бронза, сердолик; 8 – железо)

готовленная из наверхия сломанной бронзовой булавки (рис. 4.-3) [Панкова, Тагоев, 2012]. После утери владелицей булавки стержня изделия, в наверхии, выполненном в «орнитологическом» мотиве, было просверлено отверстие. Таким образом, часть булавки трансформировалась в подвеску. Ниже, в правой части грудной клетки умершей, найдены три бронзовые полусферические нашивки с парными симметричными отверстиями для крепления на основе (рис. 4.-6). В верхней части правой бедренной кости, с ее наружной стороны, находился железный предмет с длинным черенком круглого сечения, на котором сохранились остатки деревянной рукояти (рис. 4.-8). Рабочая кромка сильно окислена, поэтому назначение изделия определить невозможно. С наружной стороны проксимальной части левой бедренной кости обнаружено круглое бронзовое зеркало с петлей (рис. 4.-7). Над левой частью таза, на деревянном перекрытии, при зачистке встречена половинка бронзового игольника в форме глухаря с распушенным хвостом, украшенная растительным орнаментом (рис. 4.-2). Судя по всему, створка игольника оказалась на перекрытии благодаря деятельности грызунов.

Зеркало из могилы памятника Усть-Шамони́ха-I – единственное целое изделие из находок сросткинской культуры Алтая этого типа. Оно анализировалось рентгенофлюоресцентным методом сначала в Государственном Эрмитаже, а затем в АлтГУ. При его первоначальной отливке был допущен брак, который мастер попытался устранить. Данное обстоятельство обозначило исследователям АлтГУ необходимость получить в ГЭ два результата – нормальный участок зеркала и «долив», устраняющий первоначальный брак. Они оказались близки между собой [Тишкин, 2008, с. 80]. Исходя из этих данных, можно заключить, что починка, по всей видимости, осуществлялась в той же мастерской и схожим металлом. Несмотря на существенный брак, ремесленная работа была реализована и в конце концов попала на территорию Причумышья, где и обнаружена в погребении сросткинской культуры [Тишкин, Серегин, 2011, с. 83]. При всестороннем исследовании рентгенофлюоресцентным спектрометром находки в АлтГУ получены данные, свидетельствующие о сложном сплаве, основу которого составляет медь при значительной доле олова и меньшей – свинца. Остальные элементы демонстрируют естественные (рудные) примеси. Зафиксированное более повышенное содержание серебра в металле, которым заделывали отверстие в диске изделия из Усть-Шамони́ха-I, скорее всего, «технологическая необходимость решения проблемы брака» [Тишкин, Серегин, 2011, с. 83].

Зеркало имеет характерную для китайских изделий центральную шишку-петлю и деление на концентрические зоны при отсутствии орнамента [Горбунов, 1992, рис. 3]. Отмечено, что в поздний период эпохи Тан (618–907) получают распространение некачественные зеркала и начинается резкий упадок техники их изготовления [Тишкин, Серегин, 2011, с. 104].

Заключение

Многослойные разновременные памятники Верхнего Причумышья приурочены к мысам, сформированным в устьевых зонах небольших речек и ручьев. Подобных орографических образований в регионе достаточно, и многие использовались в различные периоды истории как некрополи, временные и постоянные поселения. Усть-Шамони́ха-I содержит свидетельства использования в качестве кратковременной охотничье-рыболовецкой стоянки большемысской культуры (IV–III тыс. до н.э.). В раннем железном веке на мысу в устье р. Шамони́ха располагалось кратковременное поселение кочевников быстринской культуры (2-я половина I тыс. до н.э.). В период раннего средне-

вековья на площади мыса останавливались жители одинцовской культуры (2-я половина IV – V в. н.э.), некрополь которых – «Татарские могилки» (Куюк-1) – расположен практически напротив устья Шамоники, на противоположном левом борту Чумыша в устье р. Корначак. Как некрополь мыс Усть-Шамоники-1 использовался в период распространения в регионе населения сrostкинской культуры (грязновский этап; 2-я половина IX – 1-я половина X в.) [Горбунов, 1992].

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 143–155.
- Алтайский край : атлас. Т. 1. М. ; Барнаул : ГУГК, 1978. 222 с.
- Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск : б.и., 1992. С. 86–87.
- Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Леонтьева Д.С. Новые находки каменных орудий на неолитических поселениях Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 73–78.
- Кунгуров А.Л. Погребальные комплексы быстрианской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Вып. V. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 114–117.
- Кунгуров А.Л. Памятники железного века верхнего Причумышья // Алтайский сборник. Вып. XVIII. Барнаул : АО Всерос. фонда культуры, 1997. С. 221–240.
- Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха-2 на Чумыше // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 39–54.
- Кунгуров А.Л. Археологические памятники и находки в Целинном районе // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. Вып. 1. С. 5–41.
- Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 111–126.
- Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их рентгенофлюоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древнего и современного обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 78–81.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул : Азбука, 2011. 144 с.
- Панкова С.В., Торгоев А.И. Тюркоязычные кочевники раннего средневековья: эпоха каганатов // Кочевники Евразии на пути к империи : Каталог выставки. СПб. : Славия. 2012. С. 180–183 (текст), 183–195 (раздел каталога).

References

- Abdulganeev M.T., Kungurov A.L. Kurgany bystryanskoj kul'tury v mezhdurech'e Bii i Chumysha [Mounds of Bystryanskaya Culture in the Area between the Biya and the Chumysh]. Pogrebal'nyj obryad drevnih plemen Altaya [Funerary Rites of the Ancient Tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 143–155.
- Altajskij kraj : atlas [Altai Krai: Atlas. Vol. 1. T. 1. M. ; Barnaul : GUGK, 1978. 222 p.
- Gorbunov V.V. Pogrebenie IX–X vv. na r. Chumysh [The Burial of the IXth – Xth Centuries on the Chumysh River]. Problemy sohraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arheologii Altaya [Problems of Conservation, Use and Study of the Archaeological Sites of Altai]. Gorno-Altajsk, 1992. Pp. 86–87.
- Grushin S.P., Kungurov A.L., Leont'eva D.S. Novye nahodki kamennyh orudij na neoliticheskikh poseleniyah Altajskogo kraja [New Finds of Stone Tools in the Neolithic Settlements of the Altai Territory]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Issue XXIII. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 73–78.
- Kungurov A.L. Pogrebal'nye komplekсы bystryanskoj kul'tury [Funerary Complexes of Bystryanskaya Culture]. Problemy ohrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya. Vyp. V [Problems of Protection, Study and Use of the Cultural Heritage of Altai. Issue V]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. Pp. 114–117.

Kungurov A.L. Pamyatniki zheleznoogo veka verhnego Prichumysh'ya [The Sites of the Iron Age of the Upper Prichumyshiye]. *Altajskij sbornik. Vyp. XVIII* [Altai Collection. Issue XVIII]. Barnaul : AO Vseros. fonda kul'tury, 1997. Pp. 221–240.

Kungurov A.L. Mnogoslojnoe poselenie Ust'-Vasikha-2 na Chumyshe [The Multi-layered Settlement of Ust-Vasikh-2 on the Chumysh]. *Drevnie poseleniya Altaya* [Ancient Settlements of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 39–54.

Kungurov A.L. Arheologicheskie pamyatniki i nahodki v Celinnom rajone [Archaeological Sites and Finds in the Tselinny Region]. *Polevye issledovaniya v Verhnem Priob'e i na Altae* [Field Studies in the Upper Ob and in Altai]. Barnaul : Izd-vo BGPU, 2005. Issue 1. Pp. 5–41.

Kungurov A.L., Gorbunov V.V. Sluchajnye nahodki s Verhnego Chumyssha (po materialam muzeya s. Pobeda) [Random Finds from the Upper Chumysh (according to the materials of the museum in Victory)]. *Problemy izucheniya drevnej i srednevekovoj istorii* [Problems of Studying Ancient and Medieval History]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001. Pp. 111–126.

Tishkin A.A. Zerkala rannego srednevekov'ya na Altae i rezul'taty ih rentgenofluorescentnogo analiza [Mirrors of the Early Middle Ages in Altai and the Results of Their X-ray Fluorescent Analysis]. *Vremya i kul'tura v arheologo-ehnologicheskikh issledovaniyakh drevnego i sovremennoogo obshchestv Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh territorij: problemy interpretacii i rekonstrukcii* [Time and Culture in Archaeological and Ethnographic Studies of Ancient and Modern Societies of Western Siberia and Adjacent Territories: Problems of Interpretation and Reconstruction]. Tomsk : Agraf-Press, 2008. Pp. 78–81.

Tishkin A.A., Seregin N.N. Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevnej i srednevekovoj istorii Altaya (po materialam Muzeya arheologii i ehnoigrafii Altaya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta) [Metal Mirrors as a Source for the Ancient and Medieval History of Altai (according to the materials of the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai State University)]. Barnaul : Azbuka, 2011. 144 p.

Pankova S.V., Torgoev A.I. Tyurkoyazychnye kochevniki rannego srednevekov'ya: ehpoza kaganatov [Turkic-speaking Nomads of the Early Middle Ages: the Era of the Kaganates]. *Kochevniki Evrazii na puti k imperii : Katalog vystavki* [Nomads of Eurasia on the Way to the Empire: Exhibition Catalog]. SPb. : Slaviya, 2012. Pp. 180–183 (text), 183–195 (section of the catalogue).

A.L. Kungurov, O.F. Kungurova

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

*²Finance University under the Government of the Russian Federation,
Barnaul Branch, Barnaul, Russia*

RESEARCH OF MULTILAYERED CULTURALLY DIFFERENT COMPLEXES OF THE UPPER PRICHUMYSHIE: UST-SHAMONIKHA-I

Upper Prichumyshe is a region comprising two different orographic zones, the Biysk-Chumysh highland and the Salair Ridge. Currently, it is one of the most studied archaeological microdistricts. The peculiarities of the Chumysh valley formation led to the formation of a valley-beam relief with a large number of expressive micro-valleys, capes and small tributaries. In different periods of history, the areas of the valley that were most convenient for living and implementation of appropriating and producing economy were settled several times. On a number of sites, combinations of settlements of different periods and soil necropolis were recorded. Some of these complexes have already been published – Ust-Vasikha 2, Steppe-Chumysh oil plant, Kovrizhki 1 and 2 published partly or in full [Kungurov, 1997, 1998, 2005]. The article presents the results of the study of materials of the multi-layered site Ust-Shamonikha 1 located in the south-western foothills of Salair Ridge. In addition to the cultural layers of Bolshemysskaya, Bystryanskaya and Odintovskaya cultures, the burial of the Srostkinskaya culture was investigated on the site. With this work, the authors open a cycle of research works devoted to the publication of multi-layered sites of the region – the Kovrizhka, Kuyuk and Ulus complexes.

Key words: Upper Prichumyshiye, Salair, settlement, burial, ceramics, beater, iron knife, bronze mirror, pendant, earrings, beads, the Early Iron Age, Bystryanskaya culture, Srostkinskaya culture, dating.

**МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО VI–VII ВВ. Н.Э.
НА ТЕТЮШКОМ II ГОРОДИЩЕ В ТАТАРСТАНЕ**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с металлургическим производством племен именьковской археологической культуры (IV–VII в. н.э.). За последние 50 лет были изучены горны для плавки металла и другие артефакты, связанные с этим видом ремесла у населения именьковской культуры, однако не было достаточных данных о их датировке, контексте функционирования. Раскопки на Тетюшском II городище в Татарстане позволили заполнить эту лауну. Здесь была изучена производственная площадка, на которой находились металлургические горны наземного типа. Сохранились основания горнов и нижняя часть стенок. Рядом с этой площадкой были изучены плавильные ямы. Одна из них была сделана в котловане заброшенной хозяйственной ямы. Вторая представляла собой специально вырытую яму для плавки руды. Датируются все эти объекты VI–VII вв. н.э. Судя по стратиграфии раскопа, первой была устроена площадка с горнами. Она функционировала достаточно долго. Здесь располагалось два горна, один из которых после выплавки был разобран, а на его месте поставлен второй, остатки которого и были зафиксированы при раскопках. После горнов плавка металла стала осуществляться в ямах. Они были небольших размеров и не имели сложных конструкций. Такие объекты были впервые интерпретированы на памятниках именьковской культуры.

Ключевые слова: именьковская культура, металлургия, горны, Тетюшское-II городище, археология.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-02

Введение

Металлургическое производство населения именьковской культуры изучено достаточно хорошо. Многолетние исследования Ю.А. Семькина в этой области позволили представить различные стороны данного явления. К настоящему времени опубликованы горны, связанные с металлургией железа, а также материалы раскопок именьковских поселений, где жители занималась этим ремеслом [Семькин, 1986, с. 131–136; 1998, с. 167–184; Старостин, 1968, с. 222; Руденко, 1998, с. 185–197; Вязов, Семькин, 2016, с. 57–58]. К сожалению, большая часть из вышеупомянутых объектов была либо разрушена в древности после использования, либо сильно повреждена в период функционирования поселения; один горн находился вне пределов селения, и дать ему однозначную культурно-хронологическую интерпретацию было сложно [Сташенков, 2009, с. 76]. Датировались эти материалы IV–VII вв. н.э. – как вся именьковская культура в целом.

Интересный металлургический горн явного типа был изучен на I Новинковском селище на Самарской Луке [Сташенков, 2009, с. 76–88]. Д.А. Сташенков [2009, с. 79] утверждает, что он датируется III–IV вв. н.э., т.е. является самым ранним из известных в именьковской культуре. В нем, по его мнению, могли плавить железную руду, медь и даже производить обжиг керамики.

В меньшей степени изучена именьковская металлургия цветных металлов и связанное с ней ювелирное производство. О ней чаще всего судили по косвенным признакам: находкам тиглей, обломков литейных форм, наличию шлаков [Старостин, 1977, с. 37; Матвеева, 2003, с. 45]. Выявленные на I Щербетском островном селище мастерские были настолько разрушены водами Куйбышевского (Жигулевского) водохранилища, что трудно судить даже о характере этих объектов [Сидоров, Старостин, 1970, с. 233–237].

Уникальный производственный комплекс, связанный с плавкой железа и получением бронзы, был изучен на Тетюшском II городище («Вшиха») в Тетюшском районе Татарстана. Городище расположено на северо-восточной окраине города Тетюши, на высоком мысу, образованном берегом Волги с севера и двумя оврагами с западной и восточной сторон [Руденко, 2010] (рис. 1). В ходе археологических исследований в 2007–2011 гг. на нем были выявлены следы металлургического производства [Руденко, 2016, с. 155–159], а в 2013 г. на раскопе IX в северной части памятника (рис. 1; 2) была обнаружена производственная площадка с несколькими объектами, которые имели четкую привязку к стратиграфической шкале городища [Руденко, 2018, с. 80–98]. Кроме того, с этой площадкой был связан и ряд культовых поделок, например миниатюрные глиняные фигурки животных [Руденко, 2014, с. 106–128].

В данной статье мы рассмотрим выявленные производственные объекты именковского времени, связанные с металлургическим производством на Тетюшском II городище. Они были зафиксированы в виде единого комплекса в южной части раскопа IX (рис. 2). Впервые на именковских памятниках такие объекты были изучены в корреляции со стратиграфией памятника.

Результаты исследований и их обсуждение

Первый объект: сооружение №2, вскрытое на $\frac{3}{4}$ (участки 9, 10), имело глубину –163 см*. Оно представляет собой яму для плавки металла неправильной прямоугольной формы, ориентированную в направлении ЮВ–СЗ. Стенки ее вер-

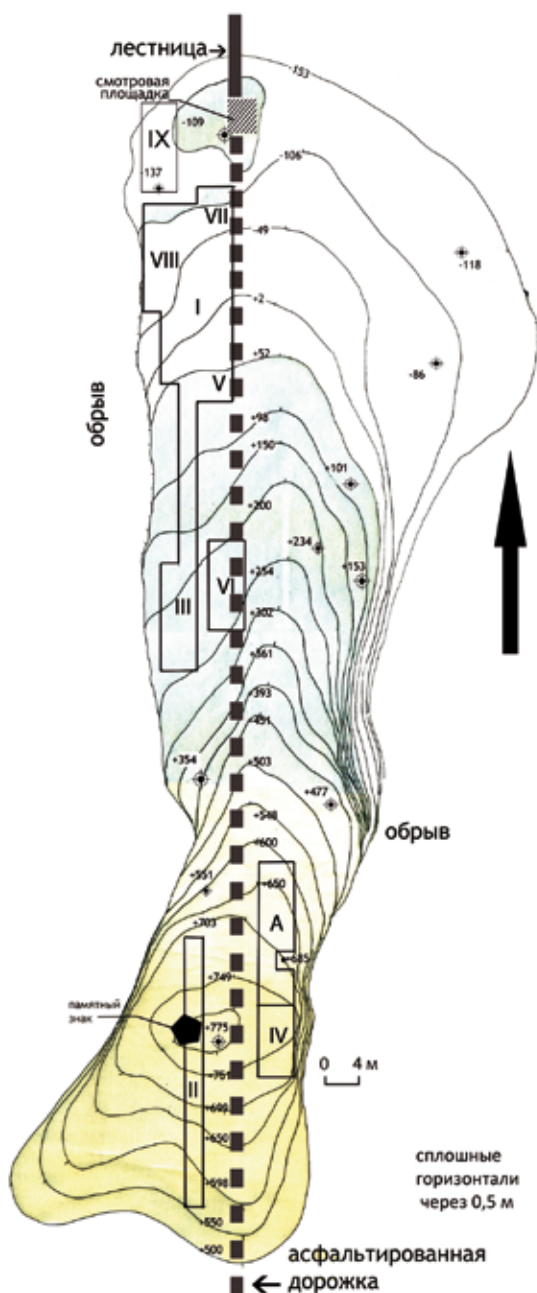

Рис. 1. Тетюшское II городище. Расположение раскопов 2007–2013 гг.

* Глубины указываются от «0» раскопа.

тикальные, чуть сужающиеся ко дну в нижней части; дно чашевидное (рис. 3). Выявлен объект на глубине $-72-92$ см в виде пятна подпрямоугольной формы (100×140 см) темно-серой супеси с включением угольков.

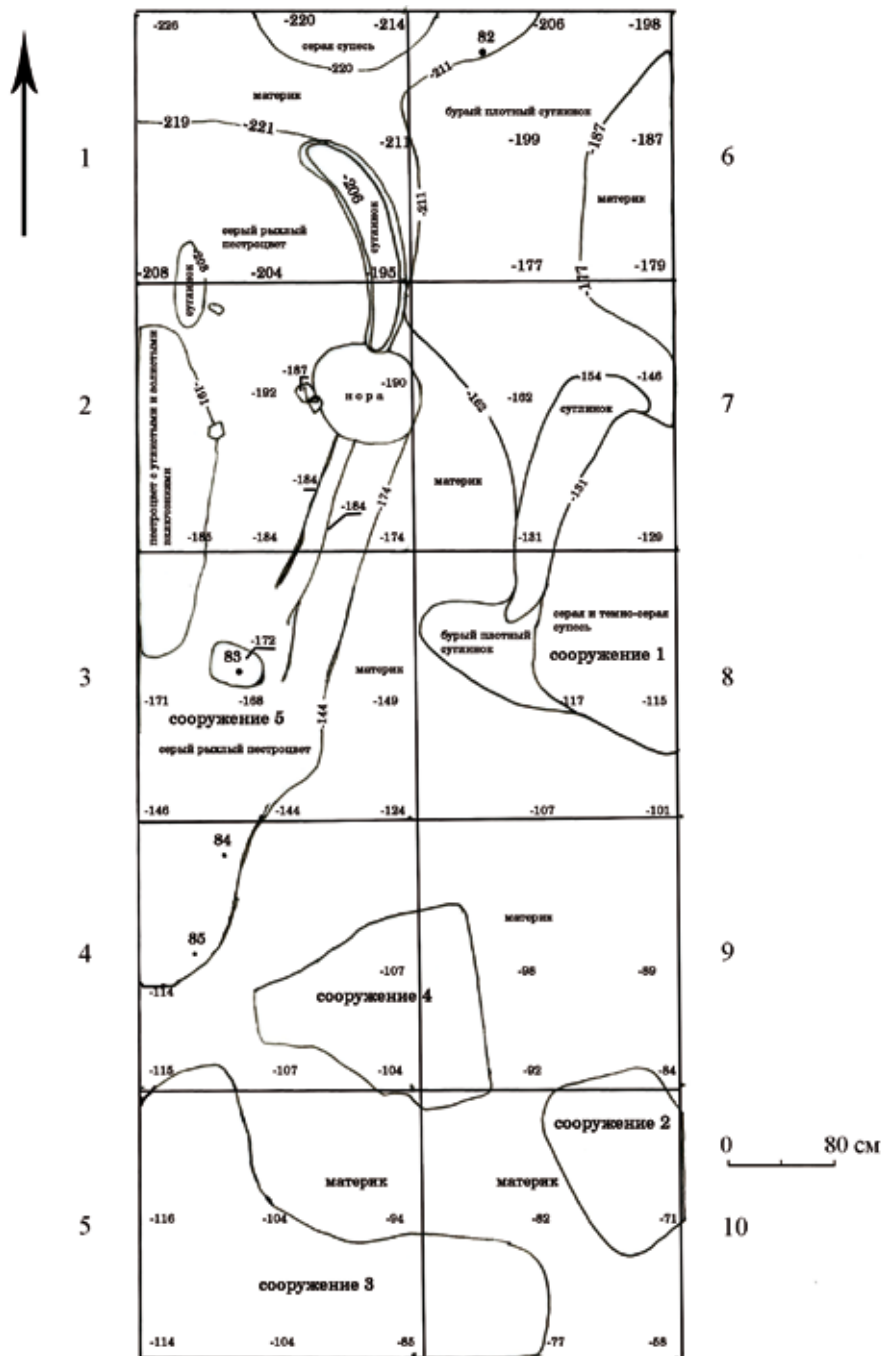

Рис. 2. Тегюшское II городище. Раскоп IX. План с нанесенными объектами

В верхней части яма была заполнена черной углистой, рыхлой супесью. В ней были обнаружены фрагменты именьковской керамики* и один известняковый камушек (5×6×2 см). Керамика (30 экз.) плохого качества, причем большая ее часть – расщепившиеся фрагменты стенок крупных сосудов (инв. №1939, 1940, 1942). Основная примесь – крупный шамот. Внешняя поверхность сосудов, от которых происходят фрагменты, заглажена очень грубо, неровно. Но вместе с ними найден один фрагмент со следами лощения (инв. №п1938).

К периоду производственного использования ямы относится линза бурого плотного пестроцвета в южной части сооружения с включениями кусочков обожженной глины и мелких фрагментов керамики; как и прокаленные участки суглинка красно-коричневого цвета, включающие куски глины ярко-красного цвета, ошлакованные до остекления поверхности (инв. №1927–1929), и мелкой гранулированной крошки. Здесь же на глубине –98 см найден обломок тигля (?) (рис. 3.-1, №1).

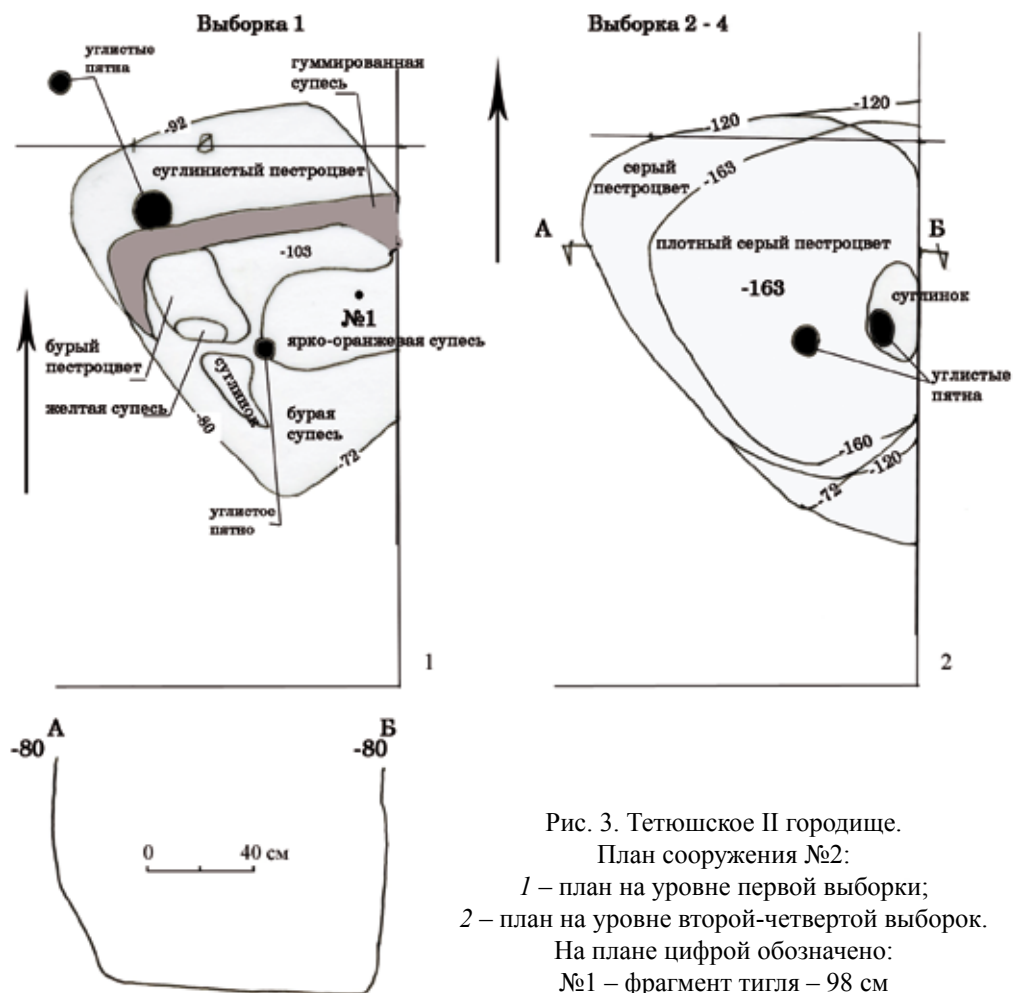

Рис. 3. Тетюшское II городище.

План сооружения №2:

1 – план на уровне первой выборки;

2 – план на уровне второй-четвертой выборок.

На плане цифрой обозначено:

№1 – фрагмент тигля – 98 см

* Находки хранятся в Тетюшском краеведческом музее. Инв. номер по полевой описи: II Тг-13.

Рис. 4. Тетюшское II городище. Раскоп IX.
Сооружение №2 на уровне второй выборки.
Вид с севера. Фото автора

ванной углистой супесью. Пространство между углистой полосой и ярко-оранжевой линзой занимают супесчаные отложения коричнево-желтого (в северной части), бурого (в южной и западной части) цветов с пестроцветными, суглинистыми и песчаными линзами незначительной мощности (рис. 3.-1). Здесь найдены фрагменты именьковской керамики, потрескавшейся от высокой температуры (инв. №1920–1926).

Нижняя часть котлована (–104–120 см) до того, как яма стала использоваться для плавки металла, была забутована плотным суглинистым пестроцветом (рис. 3.-2). В этом пестроцвете встречались прокаленные кусочки глины, угольки и необожженные мелкие фрагменты именьковской керамики (14 экз.), видимо, из культурного слоя. Из них 86% – это стенки лепных и подправленных на круге именьковских сосудов с шамотом в тесте. Однако имеются два фрагмента, где преобладающей примесью является песок (инв. №1972, 1973). Венчики в количестве 2 экз. (инв. №1974, 1975) – низкие с прямым срезом принадлежат горшковидным сосудам характерным для именьковской культуры. Вместе с фрагментами керамики был найден осколок кости животного и мелкий камушек.

На дне котлована ямы на глубине –121–136 см сохранились отложения, сформировавшиеся на последней стадии использования ее по первоначальному назначению – как ямы-кладовки. Это серый плотный пестроцвет, в котором были обнаружены фрагменты именьковской керамики (25 экз.), мелкие кости животных и небольшие известняковые камни (7×4,5×2; 7×6×3 см) со следами нагара и копоти (10 экз.). Встречаются так же глиняные конкреции и известняковые камешки белого цвета округлых форм – естественные образования в глине.

Под этими отложениями в центральной части котлована (рис. 4) зафиксировано пятно ярко-оранжевой рыхлой супеси (30×50 см), в которой встречаются фрагменты стенок именьковских сосудов. С севера оно окаймлено полосой черной рыхлой гуммированной супеси (с мелкими угольками), которая отделяет южную и центральную часть заполнения от северной, где котлован заполнен суглинистым плотным пестроцветом с включениями золы, мелких известняковых камешков и многочисленных фрагментов лепной шамотной керамики. На внешнем периметре черной полосы в западной части имеется круглое пятно диаметром 15 см, заполненное гуммиро-

Часть керамики (около 24%) из слоя серого пестроцвета очень плохого качества: расслаивающиеся, массивные фрагменты стенок лепных сосудов с грубо заглаженной поверхностью (все они небольшого размера: 4,5×1,7×0,6 см). Остальные фрагменты – со средним шамотом в глиняном тесте с ровной заглаженной поверхностью (инв. №1991–1999). Встречается и ошлакированная керамика (4 экз.), причем в одном случае фрагмент «сплавился» до состояния пемзы и стекла (инв. №1990). С учетом наличия костей животных* и рыб (18 экз.), а также состояния других находок очевидно, что это мусорный сброс, характерный для вторичного заполнения котлованов большинства заброшенных сооружений на этом памятнике.

Таким образом, для плавки металла в данном случае была использована ранее вырытая хозяйственная яма**, впоследствии забутованная на ½ глубины. Размер полезной площади сооружения составил 100×100 см при глубине 40 см. Плавка металла могла осуществляться непосредственно в самой яме, чему не противоречат вышеописанные данные***, но могли использоваться для этой цели помещенные в яму глиняные горшки, ошлакированные и пережженные фрагменты которых были найдены рядом с ней в культурном слое****. Для поддержания высокой температуры в процессе плавки скорее всего применялись меха. В таких ямах могли плавить железную руду, а также цветной металл****. Подчеркнем, что производственные объекты этого типа впервые интерпретированы на Тетюшском II городище*****. Ранее они исследователями в именьяковских древностях не выделялись.

Второй объект: сооружение №3 (участки 5, 10) имело глубину –139 см. Выявлено на глубине –77 см в виде очень рыхлого пятна в южном углу раскопа. Оно имело ярко-оранжевый цвет в западной части пятна и темно-серый – в его восточной части*****. Общие размеры пятна на уровне контуров: 300×100–140 см, причем восточная часть объекта представляла собой в плане почти правильный прямоугольник 100×200 см (рис. 5), со следами нор животных (рис. 6). После выборки было установлено, что яма имела прямоугольную форму с вертикальными стенками и плоским дном, которое имело небольшое понижение к западу, что было обусловлено естественным уклоном площадки в сторону оврага*****.

* На одной кости – ребре животного – зафиксированы следы механического воздействия: строгания и резания.

** Ее стратиграфический дневной уровень – основание IV р слоя [Руденко, 2018, с. 87, рис. 6].

*** Близ этой ямы были найдены шлаки и куски железных криц с запекшимися угольками и обожженными щепками.

**** Встречаются в культурном слое и многочисленные металлические шлаки небольшого размера.

***** С учетом отсутствия руд цветных металлов в окрестностях городища, как, впрочем, и в регионе, о скорее всего, местными ювелирами использовались утилизированные изделия (таковые были найдены на разных раскопах) либо специальные привозные бронзовые стержни-слитки, один из которых был обнаружен на раскопе VIII.

***** В раскоп частично вошла еще одна такая плавильная яма, впущенная в сооружение №5 (рис. 2). Так что описанная плавильная яма такого типа была не единственной на этой производственной площадке.

***** На уровне четвертого пласта на этом участке была зафиксирована темная углистая супесь с золистыми линзами, в одной из которых был найден фрагмент тигля (№70 по плану).

***** Скорее всего, этот уклон был сnivelирован, прежде чем здесь были возведены производственные объекты.

В западной части сооружения зафиксирована нижняя часть горна с подом: круглое пятно рыхлой охристо-оранжевой супеси диаметром 100 см с включением углистых линз, а также его разрушенные стенки в виде спекшихся кусков глины и прокаленного песка, рухнувшие в северо-западном направлении и «рассыпавшиеся» в длину на 60–80 см (рис. 5). В центре горна – участок сильно обожженной глины диаметром около 40 см, очевидно, это под горна с чашевидным углублением диаметром около 12 см в центре. По периметру нижней части горна прослежена полоса темной углистой супеси шириной 15–20 см (рис. 6–7), состоявшая из углистой массы, в которой встречались металлические шлаки среднего и крупного размера. Основание горна было прямоугольной формы (100×120 см) с неглубокой канавкой с северной стороны шириной 20–25 см, длиной около 40 см*, о точном назначении которой судить сложно**.

В восточной части сооружения (рис. 6) была выявлена круглая яма диаметром около 50 см с вертикальными стенками и плоским дном, заполненная рыхлой темно-серой супесью. Находки из нее представлены только маловыразительными фрагментами именковской керамики (30 экз.), большей частью происходящими из большой норы, сильно повредившей остатки этого объекта.

В заполнении котлована сооружения были найдены фрагменты именковской керамики (34 экз.), в основном стенки сосудов с заглаженной поверхностью***, размером в среднем 4×3,5×0,5 см (инв. №1948–1971), а также два венчика, один из которых, размером 5,6×5×0,5 см, был покрыт нагаром снаружи и изнутри (инв. №1943); второй фрагмент (3,5×3×0,6 см; инв. №1944) потрескался от жара и выкрошился. Интересен фрагмент донца сосуда (инв. №1947) со следами лощения по краю. Фрагменты костей в количестве 13 экз. мелкие, дробленые. Помимо них найдены обломки речных раковин. Индивидуальных находок нет.

Таким образом, второй объект (сооружение №3) – это часть рабочего места металлурга, представлявшее собой неглубокий котлован прямоугольной формы длиной около 3 м, расположенный недалеко от края мыса. В его западной части был устроен наземный плавильный горн с основанием прямоугольной формы (100–120 см); под которого был диаметром чуть больше 40 см, с чашевидным углублением посередине. Сам горн, насколько позволяют судить планиграфические наблюдения, был цилиндрической формы в нижней части, диаметром 100 см, со стенками толщиной до 20 см, постепенно сужавшимися кверху****. Предгорновая яма не зафиксирована. Не исключено, что в этом качестве могла выступать яма в восточной части объекта***** (рис. 6). Такую же конструкцию, видимо, имел и его предшественник – горн, разобранный ранее. Горны возвели в период формирования IVp слоя, после завершения функционирования ямы №5, дневной уровень которой относится к основанию слоя IVp.

* Основание и под горна располагались на отложениях ярко-оранжевой рыхлой супеси, являвшихся остатками предшествующего горна, от которого сохранилась только часть пода: чашевидная линза прокаленной глины диаметром около 20 см и толщиной 15–17 см. Она была зафиксирована в слое прокаленного песка и подстилающем его материковом суглинке.

** Возможно, она служила для слива металла.

*** Фрагмент с лощеной поверхностью только один (инв. №1946).

**** До нас дошли нижние части горнов с остатками подов и стенок высотой от 10 до 20 см, превратившиеся в прокаленные суглинистые и песчаные пятна ярко-оранжевого цвета.

***** Может быть, она относилась и к другому горну, не вошедшему в раскоп.

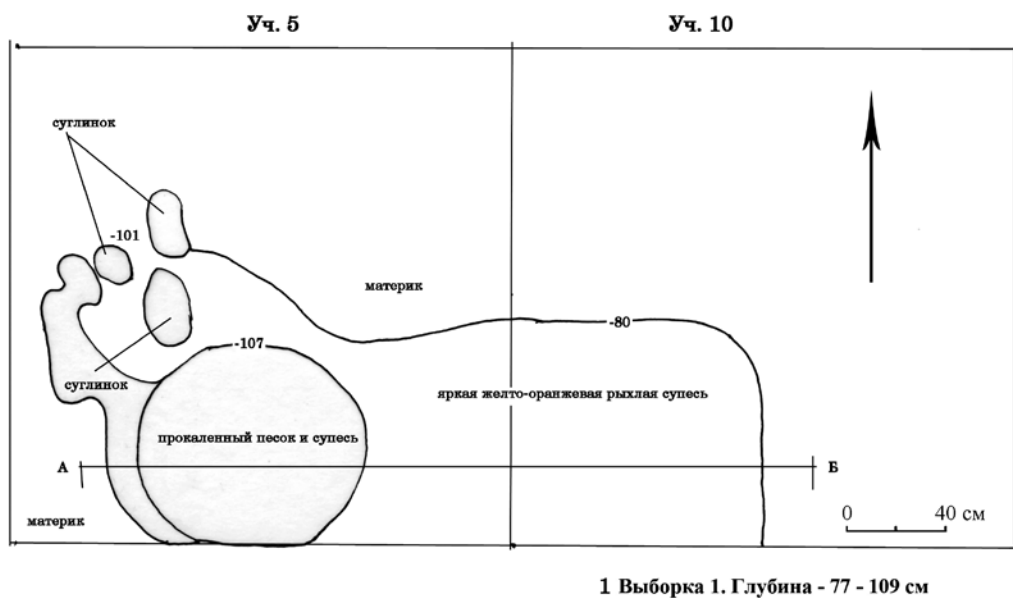

Рис. 5. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Сооружение №3. План первой выборки

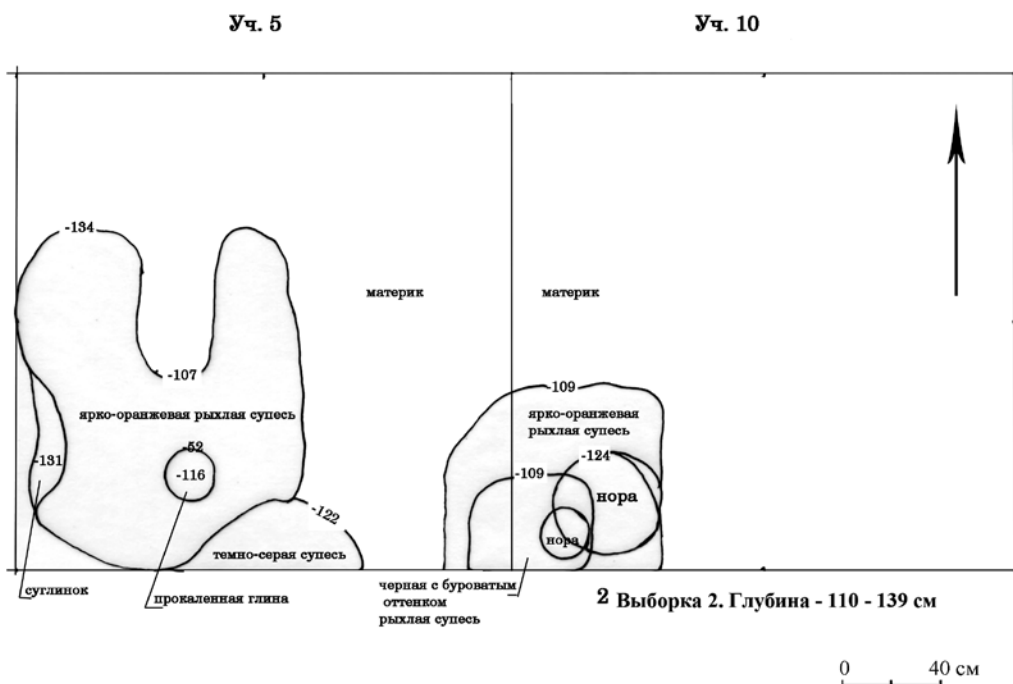

Рис. 6. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Сооружение №3. План второй выборки

Рис. 7. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Сооружение №3 на уровне первой выборки. Вид с севера. *Фото автора*

Третий объект: сооружение №4 (участки 4, 5, 9, 10) глубиной –140 см (рис. 8), было выявлено на уровне –79 см (рис. 2) в виде пятна темно-серой супеси трапециевидной формы, окаймленного по краю углистой полосой шириной 15–20 см (рис. 9). Это была правильная яма подквадратной формы, 180×160 см, вытянутая в направлении З–В (рис. 8). Стенки ее сужались ко дну, дно было плоским. В западной части объекта имелся выступ прямоугольной формы длиной 60 см и шириной 30–40 см. У северо-восточного угла сооружения зафиксирована круглая ямка диаметром 20 и глубиной 25 см, с вертикальными стенками и округлым дном. В заполнении ее на глубине –123 см найден фрагмент глиняного прясла (рис. 8.-№1; 10.-1).

Верхняя часть ямы до глубины –129 см была заполнена ярко-оранжевой рыхлой супесью с гумусными включениями, местами нарушенными норами мелких грызунов. В северо-восточной части объекта цвет заполнения был иной – оранжевый с буроватым оттенком. Размеры пятна при выборке – 140×150 см, в направлении З–В. В заполнении ямы найдены фрагменты именковской керамики (50 экз.), мелкие известняковые камни (3 экз.) и немногочисленные расколотые кости животных (10 фрагментов).

На глубине –130 см размеры ямы сократились, составив 110×60 см в направлении ЮЗ–СВ (рис. 8). Заполнение ее – рыхлая гуммированная супесь буро-коричневого цвета с включением угольков. В центре ямы была зафиксирована линза ярко-оранжевой супеси 50×40 см, окаймленная углистой полосой шириной до 20 см. В этой полосе встречены мелкие известняковые камушки и отдельные фрагменты именковской керамики. Севернее этой линзы отмечена нора животного с остатками сгнившей травы и соломы. В линзе ярко-оранжевой супеси на глубине –137 см найдено целое глиняное прясло* (рис. 10.-2).

Нижняя часть заполнения ямы до дна (–140 см) представляла собой охристый и серый пестроцвет, а также гуммированную рыхлую супесь. В ней были найдены: один фрагмент тонкостенного сосуда эпохи поздней бронзы (инв. №1878), стенки именковских сосудов с примесью среднего по размерам шамота в тесте (инв.

* Скорее всего, прясло попало в заполнение ямы из культурного слоя из норы животного.

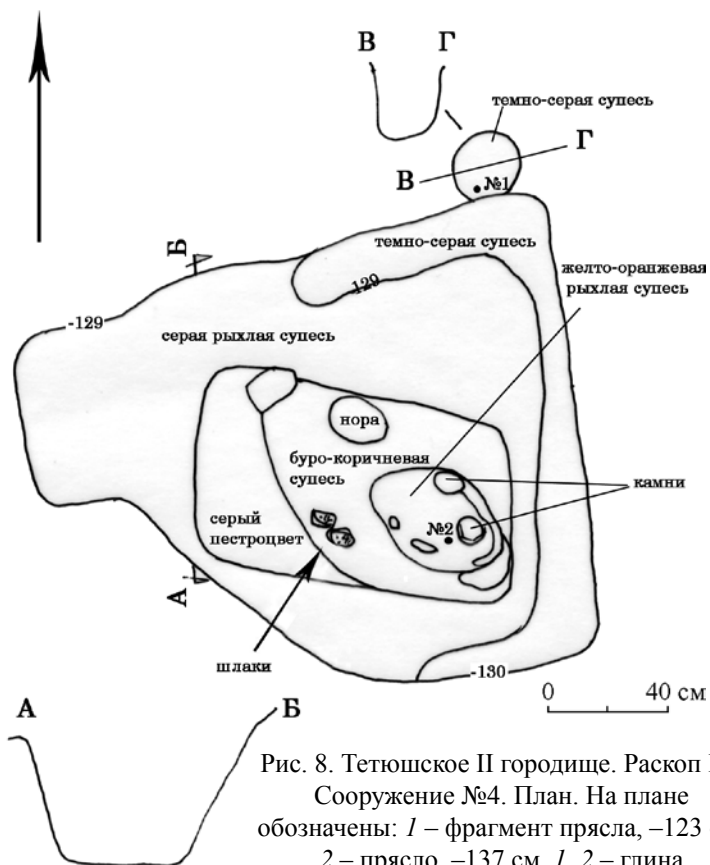

Рис. 8. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Сооружение №4. План. На плане обозначены: 1 – фрагмент прясла, –123 см; 2 – прясло, –137 см. 1, 2 – глина

Рис. 9. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Сооружение №4 на уровне первой выборки. Вид с юга. Фото автора

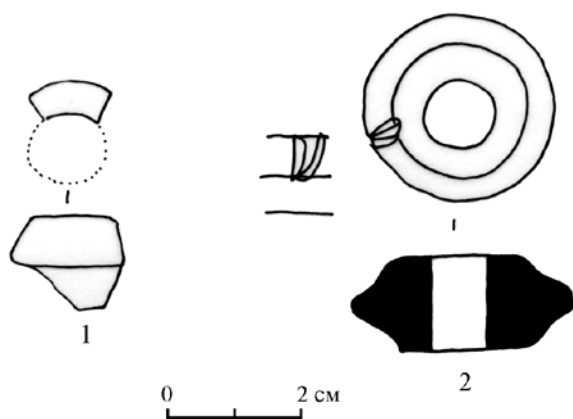

Рис. 10. Тетюшское II городище. Раскоп IX.
Глиняные прясла из сооружения №4

находки в ее заполнении. Можно предположить, что плавка металла в таких ямах осуществлялась в горшках. Не исключено, что они могли использоваться и для плавки металла в тиглях, обломки которых встречаются в культурном слое на участках, где расположены эти ямы.

Заключение

Таким образом, на производственной площадке Тетюшского II городища выявлены три типа производственных объектов: металлургические горны, ямы для плавки металла и приспособленные для таких целей, заброшенные котлованы хозяйственных построек. Все они относятся к IVр стратиграфическому слою Тетюшского II городища и датируются VI–VII вв. н.э. Наземные металлургические горны функционировали на первом этапе существования производственной площадки, причем разобранные после плавки остатки этих сооружений выбрасывались в котлованы бывших хозяйственных построек за пределами «промышленной зоны» на этом поселении, что было зафиксировано на раскопах 2011 и 2013 гг. [Руденко, 2016, с. 155–159]. Туда же попадали отработанные шлаки, вышедшие из употребления тигли, а также зола и уголь. После прекращения активной фазы деятельности горнов рядом стали сооружаться плавильные ямы или же для этих целей приспособлялись заброшенные котлованы хозяйственных построек предшествующего времени.

Библиографический список

- Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. Ульяновск : НИИ истории и культуры, 2016. 227 с.
- Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именковская культура : учебное пособие. Самара : Самарский ун-т, 2003. 160 с.
- Руденко К.А. Малополянское V селище // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) : материалы II Международной археологической конференции. Самара : СОИКМ, 1998. С. 185–197.
- Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань : Заман, 2010. 152 с.
- Руденко К.А. О магических и культовых предметах именковской культуры: к вопросу о мировоззрении населения Казанского Поволжья в эпоху великого переселения народов // Мировоззрение

населения Южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 106–128.

Руденко К.А. Металлургическое производство VI–VII вв. н.э. на II Тетюшском городище в Татарстане (предварительное сообщение) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Пермь : Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2016. С. 155–159.

Руденко К.А. Стратиграфия памятников именьковской культуры Казанского Поволжья // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2 (22). С. 80–98.

Семыкин Ю.А. О металлургических горнах именьковской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев : Изд-во Куйбыш. ун-та, 1986. С. 131–136.

Семыкин Ю.А. Материалы к истории металлургии железа эпохи средневековья Среднего Поволжья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1998. С. 167–184.

Сидоров В.Н., Старостин П.Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения // Советская археология. 1970. №4. С. 233–237.

Старостин П.Н. Маклашеевское II городище именьковской культуры // Ученые записки Пермского ГУ. №191. Пермь, 1968. С. 221–229 (Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV).

Старостин П.Н. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 г. // Древности Волго-Камья. Казань : Ин-т яз., лит., истории, 1977. С. 31–41.

Сташенков Д.А. Металлургический комплекс Новинковского I селища на Самарской Луке // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань : Школа, 2009. С. 76–88.

References

Vyazov L.A., Semykin Yu.A. Gorodishche i selishche Novaya Beden'ga: epoha Velikogo pereseleniya narodov v Ul'yankovskom Predvolzh'e [The Novaya Bedenga Settlement: the Era of the Great Migration of Peoples in the Ulyanovsk Pre-Volga Region]. Ul'yankovsk : NII istorii i kul'tury, 2016. 227 p.

Matveeva G.I. Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaya kul'tura : uchebnoe posobie [Middle Volga Region in the IVth – VIIth Centuries: Imenkovskaya Culture: Study Guide. Samara : Izd-vo Samarskogo un-та, 2003. 160 p.

Rudenko K.A. Malopoljanskoe V selishhe [Malopolyanskoe V Settlement]. Kul'tury evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysjacheletija n. je. (voprosy hronologii): Materialy II Mezhdunarodnoj arheologicheskoj konferencii [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millennium AD. (Issues of Chronology): Proceedings of the II International Archaeological Conference]. Samara: SOIKM, 1998. Pp. 185–197.

Rudenko K.A. Tetyushskoe II gorodishche v Tatarstane [Tetyushskoe II Settlement in Tatarstan]. Kazan' : Zaman, 2010. 152 p.

Rudenko K.A. O magicheskikh i kul'tovyh predmetah imen'kovskoj kul'tury: k voprosu o mirovozzrenii naseleniya Kazanskogo Povolzh'ya v epohu velikogo pereseleniya narodov [On the Magical and Religious Subjects of the Imenkovskaya Culture: to the Question of the Worldview of the Population of the Kazan Volga Region in the Era of the Great Migration of Peoples]. Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoj Sibiri i central'noj Azii v istoricheskoy retrospektive [World View of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospective]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-та, 2014. Issue VII. Pp. 106–128.

Rudenko K.A. Metallurgicheskoe proizvodstvo VI–VII vv. n.e. na II Tetyushskom gorodishche v Tatarstane (predvaritel'noe soobshchenie) [Metallurgical Production from the VIth – VIIth Centuries AD on the II Tetyushsky Settlement in Tatarstan (preliminary report)]. XV Baderovskie chteniya po arheologii Urala i Povolzh'ya : materialy vseros. nauch.-prakt. konf. [XV Baderovsky Readings on the Archaeology of the Urals and the Volga Region]. Perm' : Izd-vo Perm. gos. nac. issled. un-та, 2016. Pp. 155–159.

Rudenko K.A. Stratigrafiya pamyatnikov imen'kovskoj kul'tury Kazanskogo Povolzh'ya [Stratigraphy of the Sites of the Imenkovskaya Culture of the Kazan Volga Region]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №2 (Volume 22). Pp. 80–98.

Semykin Yu.A. O metallurgicheskikh gornah imen'kovskoj kul'tury [About the Metallurgical Furnaces of the Imenkovskaya Culture]. Kul'tury Vostochnoj Evropy I tysyacheletiya [Cultures of Eastern Europe, I Millennium]. Kujbyshev : Izd-vo Kujbyshevskogo un-та, 1986. Pp. 131–136.

Semykin Yu.A. Materialy k istorii metallurgii zheleza epohi srednevekov'ya Srednego Povolzh'ya [Materials on the History of Iron Metallurgy of the Middle Ages of the Middle Volga]. Kul'tury Evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy hronologii). Materialy II Mezhdunarodnoj konferencii [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millennium AD. (chronology issues)]. Samara : Izd-vo Samarskogo un-ta, 1998. Pp. 167–184.

Sidorov V.N., Starostin P.N. Ostatki rannesrednevekovykh litejnykh masterskih Shcherbet'skogo posele-niya [Remnants of Early Medieval Foundry Workshops of the Scherbet Settlement]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1970. №4. Pp. 233–237.

Starostin P.N. Maklasheevskoe II gorodishhe imen'kovskoj kul'tury [Maklasheevskoe II Settlement of Imenkovskaya Culture]. Uch. zap. Permsk. gos. un-ta. Vyp. 191. Perm', 1968. S. 221–229 (Trudy Kamskoj arheologicheskoi jekspedicii. Vyp. IV) [Scientific Notes of Perm State University. No. 191. Perm, 1968. Pp. 221–229 (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition. Issue IV)].

Starostin P.N. Raboty na Troicko-Urajskom I gorodishche v 1973 g. [Work on the Trinity-Uraiskey I Hillfort in 1973]. Drevnosti Volgo-Kam'ya [Volga-Kamya Antiquities]. Kazan', 1977. Pp. 31–41.

Stashenkov D.A. Metallurgicheskij kompleks Novinkovskogo I selishcha na Samarskoj Luke [Metallurgical Complex of Novinkovsky I Settlement on Samarskaya Luka]. Materialy i issledovaniya po srednevekovoj arheologii Vostochnoj Evropy [Materials and Studies on Medieval Archaeology of Eastern Europe]. Kazan' : Shkola, 2009. Pp. 76–88.

K.A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia

**METALLURGICAL MANUFACTURE
OF THE VITH – VIITH CENTURIES AD
ON THE TETUSHI II HILLFORT IN TATARSTAN**

The article deals with issues related to the metallurgical production of tribes of the Imenkovskaya archaeological culture (IVth – VIIth centuries AD). Despite the fact that for the last fifty years, the forges for smelting metal and other artifacts associated with this type of craft among the people of the Imenkovo culture have been studied, but there was not enough evidence on their dating and the context of functioning. Excavations at Tetushi II hillfort of ancient settlement in Tatarstan allowed filling this gap. The production site has been studied on which there were metallurgical furnaces of the ground type. The bases of the forges and the lower part of the walls are preserved. Melting pits near this site have also been studied. One of them was made in an abandoned household pit. The second one provided a specially dug pit for smelting ore. All these objects date to the VIth – VIIth centuries AD. Judging by the stratigraphy of the excavation, the a playground with horns was made first. It functioned for a long time. Here there were two forges, one of which was dismantled after smelting, and the second was put in its place, the remnants of which were recorded during excavations. After the forges, the smelting was done in the pits. They were small in size and did not have complex structures. Such objects were first interpreted on the sites of the Imenkovskaya culture.

Key words: metallurgy, mountain, Tetushi II hillfort, Imenkovskaya culture, archaeology.

РАНЕСКИФСКИЙ КУРГАН ТУННУГ-1: РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВЫХ РАБОТ НА ЮЖНОЙ ПЕРИФЕРИИ ПАМЯТНИКА

Курган Туннуг-1 расположен в Республике Тыва, в так называемой «Долине царей», но не на высокой речной террасе, а в низкой пойме, что позволяет надеяться на хорошую сохранность археологического материала. По предварительным данным он относится к самому раннему, «аржанскому» горизонту раннескифской культуры и, по всей видимости, несколько древнее кургана Аржан-1.

Первый год раскопок принес достаточно неожиданные результаты. Ранняя дата кургана была подтверждена и уточнена, но основные полевые работы проводились на периферии памятника, которая оказалась плотно застроенной объектами более позднего времени. В статье представлены отдельные объекты начала нашей эры и средневековья. Расположение погребальных и ритуальных объектов в низкой пойме всегда считалось нехарактерным для всех представленных в материалах памятника археологических культур, что потребует дополнительного объяснения с привлечением данных естественных наук и реконструкции палеоландшафтной и палеоклиматической ситуации для всех рассматриваемых периодов. Работы совместной российско-швейцарской экспедиции на памятнике будут продолжены.

Ключевые слова: Тува, Туннуг, Аржан, раннескифское время, погребальные конструкции, Кожель, ритуальные объекты, археология поймы.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-03

Введение

С полевого сезона 2017 г. стартовал проект по изучению раннескифского кургана Туннуг-1 в Пий-Хемском кожууне Республики Тыва, в междуречье рек Уюк и Туннуг. Памятник находится в так называемой «Долине царей», расположенной в западной части Уюкской котловины, где сосредоточено множество раннескифских элитных комплексов (рис. 1), но в отличие от них построен не на высокой речной террасе левого берега Уюка, а на правом берегу, в пойме.

Курган упоминается М.П. Грязновым [1980, с. 5], отдельно отмечается его предполагаемое типологическое сходство с Аржаном-1 и Аржаном-2 (который тогда еще не имел этого названия). Судя по полевому дневнику, исследователь посетил курган 22 августа 1971 г. (в воскресенье после обеда). В 2013 г. Д.В. и И.В. Рукавишниковы провели на памятнике геофизические исследования, результаты которых оказались несколько противоречивыми [Рукавишникова и др., 2015]. Можно отметить, что к тому времени появились первые аэрофотоснимки кургана, значительно усилившие к нему интерес, поскольку с земли закономерности его строения просматриваются значительно менее отчетливо. Общая структура поверхности насыпи однозначно напоминает структуру кургана Аржана-1, материалы и ранняя дата которого до сих пор стоят несколько особняком и продолжают оставаться предметом острых дискуссий.

В полевом сезоне 2017 г. нами были проведены разведочные работы, по результатам которых определены границы памятника, высказаны предположения о его строении и культурной принадлежности, получены первые радиоуглеродные даты [Caspari et al., 2018]. В полевом сезоне 2018 г. начались раскопки, на новых материалах дата была существенно уточнена (AMS-датированием отдельных древесных колец) и под-

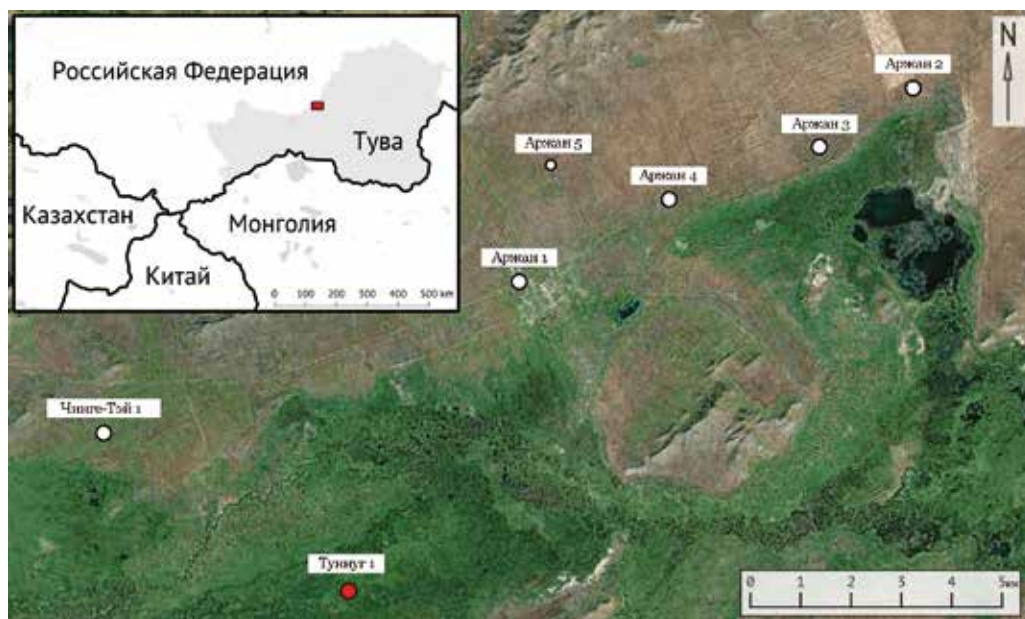

Рис. 1. Курган Туннуг-1 и расположенные рядом курганы раннескифского времени

тверждена в пределах 830–800 гг. до н.э. Таким образом, курган действительно относится к самому раннему периоду зарождения скифской культуры и представляет несомненный интерес.

Между тем основные полевые работы пока проводились не на площади кургана, а на периферии памятника. Раннескифские курганы представляют собой сложные погребально-поминальные комплексы, и изучение прилегающей к основной насыпи кургана территории на современном уровне исследования совершенно необходимо.

В рамках данного короткого сообщения не представляется возможным опубликовать все результаты полевого сезона 2018 г., многие наблюдения еще требуют дополнительного осмысления, подтверждения в ходе дальнейших исследований, однако первые выводы уже могут быть сделаны, и мы представляем отдельные результаты изучения окружающего курган пространства и связанные с этими результатами предположения и обобщения.

Объекты на периферии памятника

Результаты раскопок периферийного пространства вокруг кургана Туннуг-1 оказались во многом неожиданными. Была вскрыта значительная площадь к югу от основной насыпи, на которой открыты многочисленные объекты, относящиеся к более поздним эпохам. На околочурганной территории зафиксированы также материалы бронзового века (отдельные фрагменты керамики, кремневый наконечник стрелы) и скифского времени, но вне связи с выделенными комплексами. Ниже мы кратко опишем некоторые из объектов (расположение показано на рис. 2), после чего попробуем предварительно обобщить полученную информацию.

Объект 1 – подокруглая каменная вымостка в один слой диаметром 4 м (рис. 3.-1), в центре которой зафиксирован развал сосуда (рис. 4.-1). Кроме керамики, там же об-

наружены девять фрагментов костей животных, две кости младенца и керамическое пряслице. Весь материал находился среди камней, никакой ямы под объектом не зафиксировано.

Рядом собраны фрагменты еще одного сосуда (рис. 4.-2), возможно, относящегося к тому же комплексу.

Объект 2 – достаточно аморфная каменная вымостка в один слой размером до 1,5×1,5 м (рис. 3.-2), под которой в небольшой ямке обнаружен развал сосуда (рис. 4–5). Кроме керамики, среди камней найдено девять фрагментов костей животных.

Объект 3 – конструкция из 10 крупных каменных глыб, сложенных в кольцо и обложенных дополнительно более мелким камнем (рис. 3.-3). В центре – фрагменты сосуда. Кроме керамики, там же найдены четыре фрагмента костей животных.

Объект 4 – конструкция из кольца (или полукольца), сложенного из мелкого камня в неглубоком ровике (рис. 3.-4), в котором найдена керамика, представленная фрагментами одного сосуда, и 16 фрагментов костей животных.

Объект 14 – слившаяся цепочка из пяти небольших каменных колец, вытянутая в направлении ЗСЗ–ВЮВ. Общая длина 12 м при ширине до 2,5 м. Находки (керамика) встречены только в кольце 3. В ходе работы встречено также 56 фрагментов костей животных.

Керамика из всех этих объектов характерна для кокзельской археологической культуры первых веков нашей эры. Фрагменты и целые развалы сосудов этого времени встречались на раскопанной площади и вне связи с выделенными объектами (рис. 4.-6–10). Для этой же культуры является типичным именно такой вид памятника – надсосудная каменная конструкция, часто достаточно аморфная, хотя и достигающая иногда значительных размеров. Этот тип памятника обычно интерпретируется как «поминальник» [Садыков, 2016].

Находка отдельных (правая плечевая и правая бедренная) костей младенца среди камней объекта 1 пока не поддается однозначной трактовке. В памятниках этого типа человеческих останков обычно нет, но и в данном случае это не явно выраженное погребение. По всей видимости, в дальнейшем необходимо обращать отдельное внимание на фрагменты костей из насыпей «поминальников». Возможная интерпретация

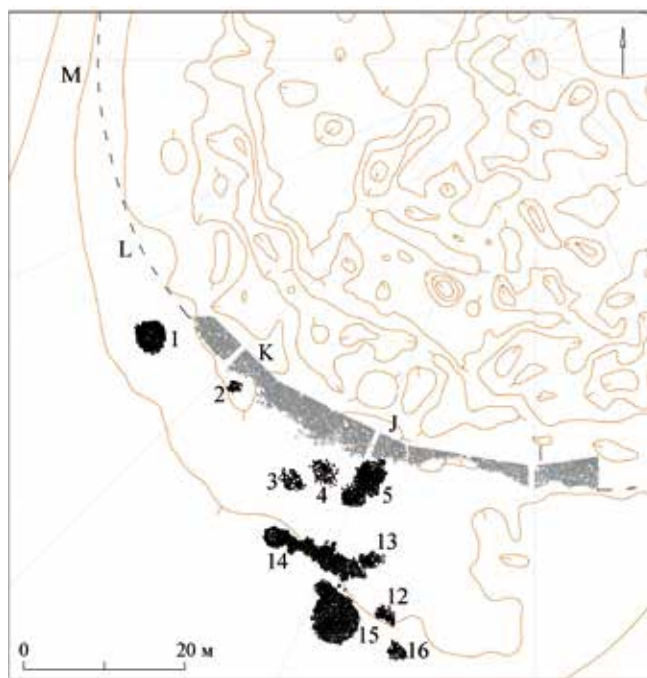

Рис. 2. Объекты на южной периферии кургана Туннуг-1, упоминаемые в тексте

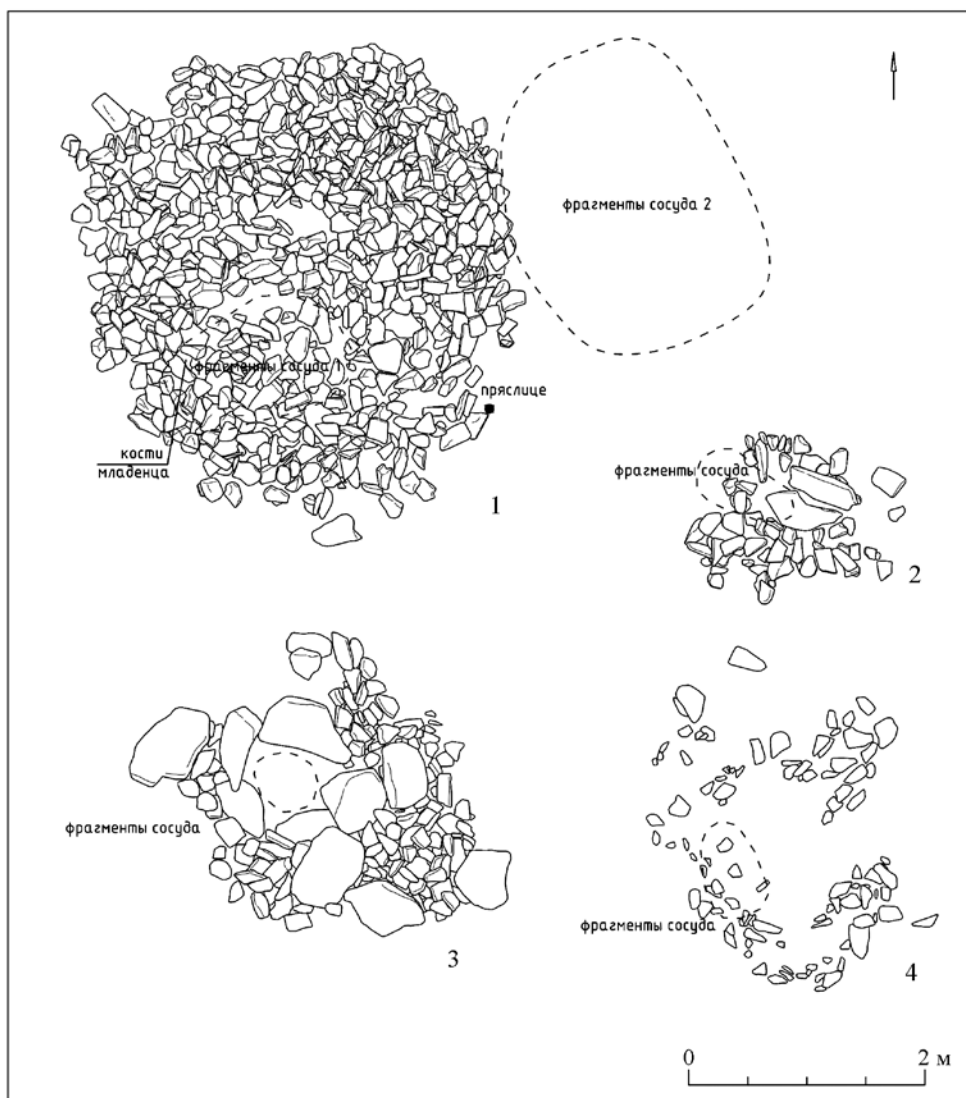

Рис. 3. «Поминальники» кокзельской археологической культуры

этого типа памятника, как места детского погребения (возможно, наземного или «воздушного»), кажется достаточно вероятной, но, безусловно, требует дополнительных подтверждений.

Объект 5 – достаточно аморфная каменная насыпь 8×3 м, вытянутая в направлении ЮЗ–СВ, непосредственно примыкавшая к насыпи большого кургана. Под насыпью выявлены два погребения – у северо-восточного края и в центральной части. Ямы неглубокие, погребенные положены вытянуто, головой на запад.

С умершими людьми зафиксированы немногочисленные железные предметы, позволяющие отнести объект к первым векам нашей эры. Этому не противоречат как поза и ориентировка погребенных, так и общая конструкция объекта.

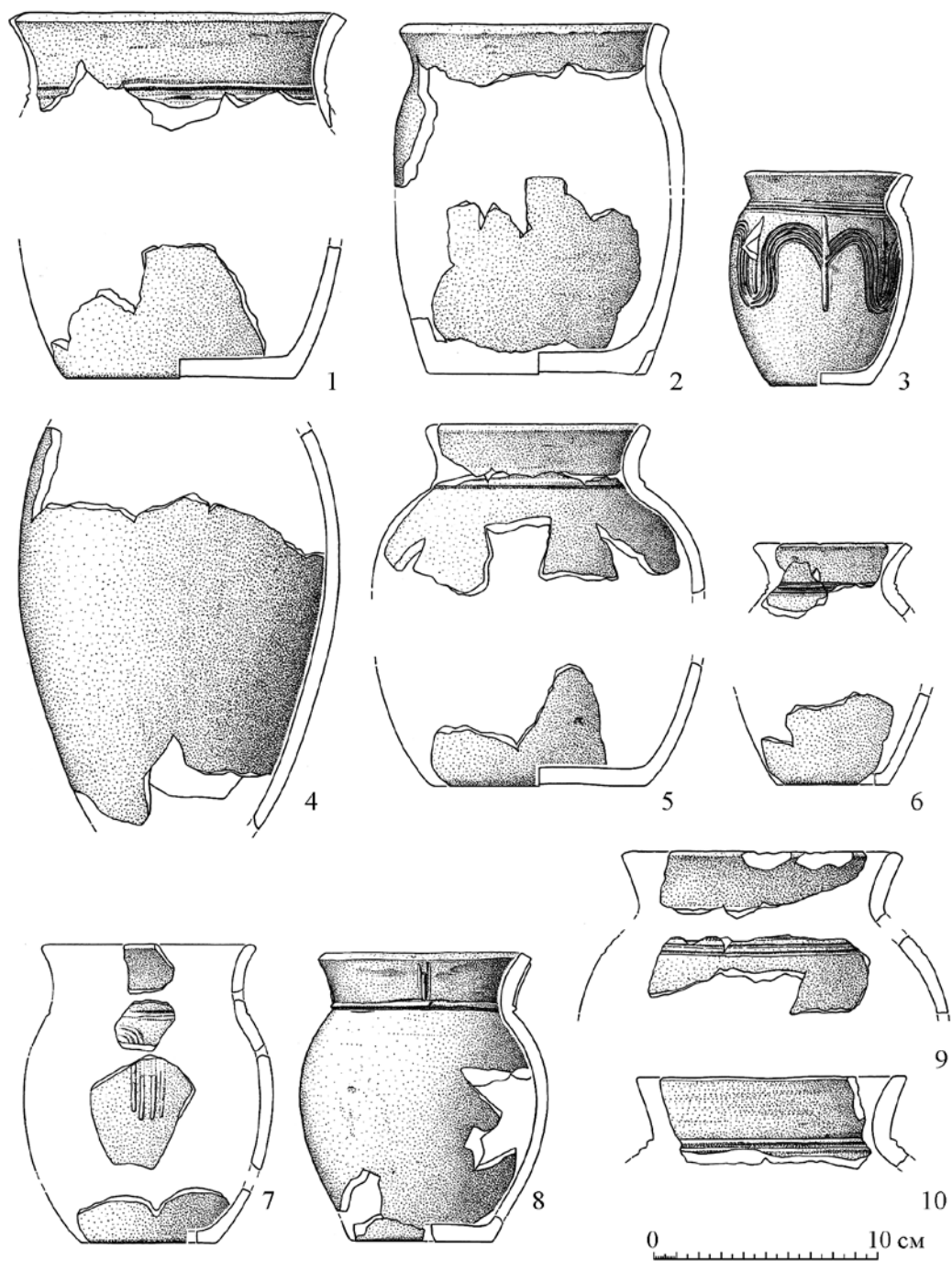

Рис. 4. Туннуг-1. Керамика кокзельской археологической культуры:
1, 2 – объект 1; 3, 4 – объект 12; 5 – объект 2;
6–10 – прикурганная территория

Объект 12 – аморфная каменная насыпь 2,5×1 м, вытянутая в направлении ЮВ–СЗ, под которой расчищено непотревоженное погребение в неглубокой яме. Погребение вытянутое, на левом боку, головой на запад, ноги в коленях чуть согнуты. Погребальный инвентарь – два сосуда кокэльской археологической культуры (рис. 4.-3, 4) и железный нож.

Объект 13 – достаточно аморфная каменная насыпь 4×2 м, вытянутая в направлении З–В. Под насыпью выявлена яма, в ходе разборки которой фиксировались отдельные человеческие кости. На дне ямы часть скелета сохранилась неперемещенной, положение погребенного вытянутое, головой на запад. В заполнении ямы встречено несколько фрагментов керамики начала нашей эры, два сильно корродированных неопределимых железных предмета и четыре фрагмента костей животных.

Объект 16 – достаточно аморфная каменная насыпь 2×2 м. Под насыпью исследована неглубокая погребальная яма, положение погребенного – вытянутое, головой на запад. В заполнении ямы встречен рог благородного оленя со следами обработки, 20 фрагментов керамики начала нашей эры и семь фрагментов костей животных. В материалах этого времени известны составные орудия с оленьим рогом для земляных работ [Слюсаренко и др., 2008, рис. 14.-1]. На острие рога из объекта 16 практически нет следов сработанности, но наиболее вероятно, что это именно инструмент погребения, а не погребальный инвентарь.

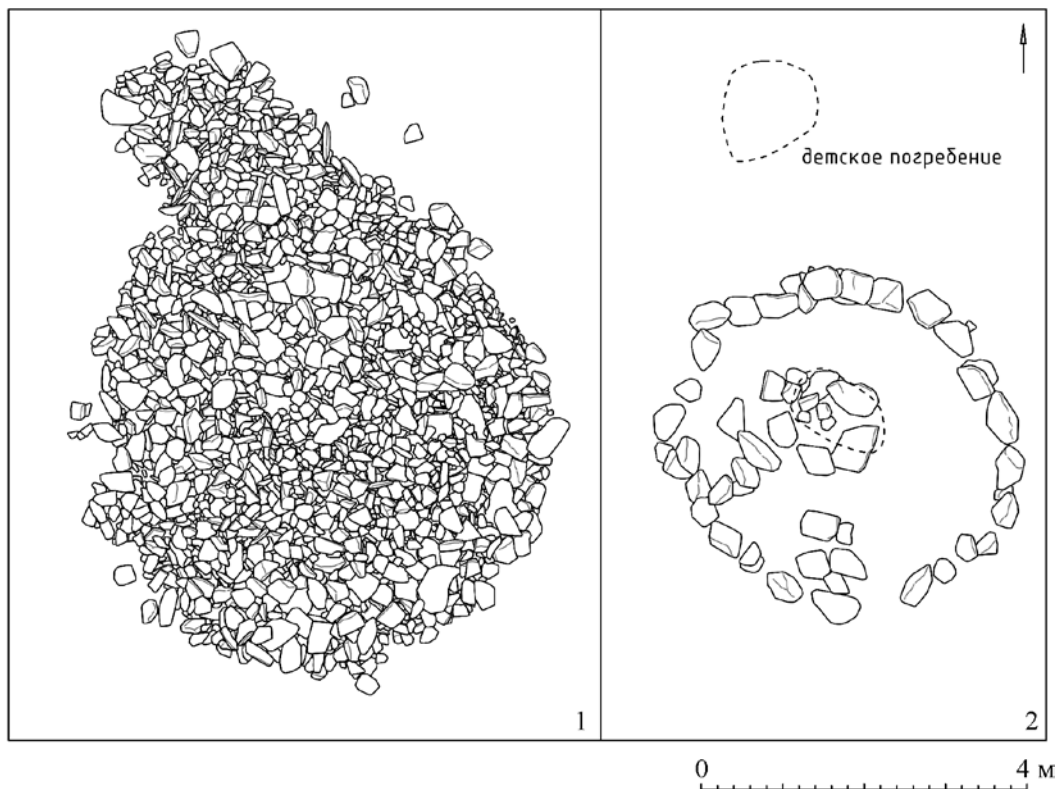

Рис. 5. Объект 15: 1 – насыпь; 2 – конструктивная основа и ямы

Все эти погребения, как и «поминальники», относятся к кокзельской археологической культуре первых веков нашей эры.

Объект 15 – подовальный курган диаметрами 6,5×5,5 м, вытянутый в направлении ЮЮВ–ССЗ, к которому с севера–северо-запада пристроена дополнительная конструкция 2×2 м (рис. 5.-1).

В пристройке в неглубокой яме зафиксировано несколько отдельных костей ребенка (до трех месяцев) и китайская монета династии Тан (рис. 6.-1).

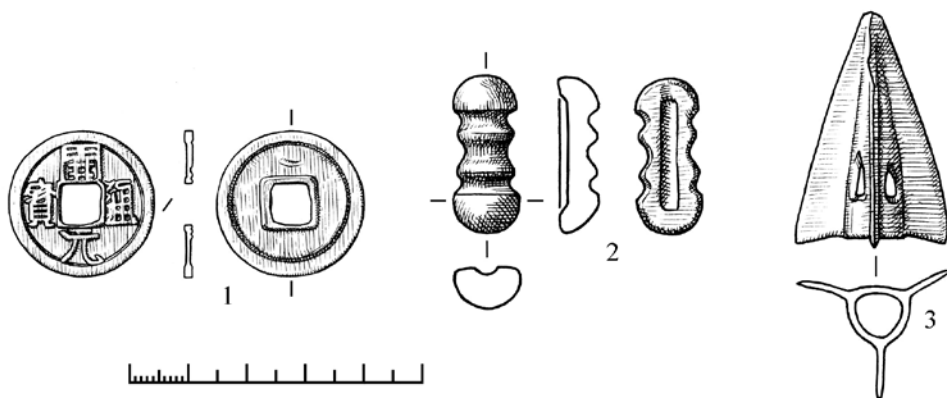

Рис. 6. Туннуг-1. Находки сплавов на медной основе:

1 – дополнительное погребение объекта 15; 2, 3 – прикурганная территория

В конструкции кургана выявлено конструктивное кольцо из больших камней диаметром 45 м (рис. 5.-2). В ходе зачистки и разборки насыпи встречен один фрагмент керамики и 26 фрагментов костей животных. В небольшой яме в центре зафиксированы только фрагменты угля.

Монета Кай Юань Тун Бао (Kai Yuan Tong Bao) из дополнительного погребения, судя по косвенным признакам [Hartill, 2005, p. 105], выпущена не ранее 2-й трети VIII в. н.э. (эти монеты продолжали выпускаться вплоть до X в. н.э.).

Конструкция объекта – без явно выраженной погребальной ямы, с кольцом из крупных камней в основании – наиболее характерна для кыргызского времени (2-я половина IX–X вв. н.э.). Кальцинированные кости от трупосожжения на стороне в этом типе памятников иногда представлены только отдельными мелкими фрагментами или не фиксируются вовсе. Этой интерпретации не противоречит и дополнительное детское погребение по обряду ингумации, поскольку «...детей до 10–12 лет кыргызы не сжигали» [Длужневская, 1995, с. 136].

Предварительная интерпретация материала

Уже после первого сезона раскопок общая характеристика памятника может быть несколько скорректирована.

Курган находится в низкой заболоченной пойме, и до начала полевых работ основные идеи о причинах столь необычного расположения памятника лежали в русле гипотезы о значительных ландшафтных изменениях в раннескифское время, вследствие которых все последующие памятники в Туве (и «царские» курганы, в частности) строились на высоких речных террасах. Это косвенным образом подтверждалось

результатами исследований, предполагающими общую тенденцию увеличения влажности на широких степных пространствах в позднем бронзовом веке и при переходе к эпохе ранних кочевников [Zaitseva et al., 2004, p. 274].

По этой же причине не ожидалось и открытия объектов более позднего времени, поскольку ни для одного из последующих периодов расположение памятников в пойме не считается характерным.

Обнаружение многочисленных объектов сюннуско-сяньбийского и средневекового времени в непосредственной близости и в непосредственной связи с курганом требует дополнительных, в том числе естественно-научных, исследований. По всей видимости, ситуация несколько сложнее и требует более детальной проработки. В первом приближении можно предположить несколько вариантов объяснения выявленной планиграфической ситуации:

1. Значительные изменения, заболачивание в междуречье рек Уюк и Туннуг произошли уже во II тыс. н.э. До этого времени курган и окружающее его пространство воспринимались как «нормальное» могильное поле, на котором достраивались «поминальнички» и совершались дополнительные погребения. Практически все могильные поля скифского и предскифского времени в Туве продолжали использоваться в том же качестве вплоть до средневековья. Дополнительные объекты кокзельской и кыргызской археологических культур на территории более ранних могильников не являются ни редкостью, ни исключением.

В этом случае необходимо какое-то иное, возможно, культурное, а не природное объяснение отдельного расположения кургана Туннуг-1 относительно других раннескифских памятников «Долины царей», расположенных на левом берегу Уюка и составляющих отчетливые цепочки.

2. Заболачивание и обводнение территории вокруг памятника не одномоментный, а циклический процесс. В отдельные исторические периоды пространство вокруг памятника не затапливается паводковыми водами и воспринимается как приемлемое место для погребения. В другие эпохи (в том числе в скифское время после постройки кургана) для погребений выбирают более высокие и сухие места.

3. Памятник был осознанно построен в пойме. В последующие периоды дополнительные погребения и объекты также строились на территории, периодически заливаемой водой, и это воспринималось как культурная норма. Тот факт, что подавляющее большинство известных нам курганов расположены на высоких речных террасах, – следствие сложности обнаружения археологических объектов в болотистой местности, где, кроме всего прочего, аллювиальные наносы могут относительно быстро достичь значительной мощности и полностью скрыть памятник.

Каждое из этих предположений требует отдельных доказательств, но, пока они не опровергнуты, при дальнейших полевых работах необходимо учитывать все эти вероятности.

Заключение

Археологический памятник Туннуг-1 по результатам первого года раскопок может быть охарактеризован как сложный комплекс, состоящий из объектов и археологического материала нескольких исторических эпох.

До строительства раннескифского «царского» кургана это пространство активно использовалось в бронзовом веке. Пока не выявились объекты этого времени, но со-

брано значительное количество керамики, что позволяет на это надеяться. Бронзовый век на территории Тувы остается крайне малоизученным.

Изучение периферийного пространства раннескифского кургана может принести не меньше информации, чем раскопки собственно основной насыпи. В полевом сезоне 2018 г. синхронных кургану объектов не выявлено, а из всех «случайных» находок только несколько могут быть отнесены ко сроку его постройки (например, рис. 6.-2) или в целом к скифскому времени (например, рис. 6.-3). Это связано, по всей видимости, с активным переиспользованием именно этого участка прикурганного пространства (к югу от кургана) в последующие периоды.

После постройки «царского» кургана место использовалось в ритуальных и/или погребальных целях еще как минимум в две исторические эпохи – в начале нашей эры и в средневековье. Можно рассчитывать на получение новых представительных материалов этих эпох, а расположение таких памятников в низкой пойме потребует дополнительного объяснения.

Дальнейшие исследования, безусловно, и расширят, и конкретизируют место и значение памятника, но уже сейчас понятно, что изучение раннескифского кургана Туннуг-1 будет многоаспектным, и многие вопросы в истории и археологии Центральной Азии могут быть поставлены, уточнены или решены на его материале.

Благодарности

Институт истории материальной культуры РАН проводит исследования совместно с Русским Географическим обществом (проект «Экспедиция Туннуг») и швейцарским фондом ArchaeoExploration. Полевой сезон 2018 г. и последующая обработка материала проведены при финансовой поддержке Министерства культуры РФ (ГЗ 656-01-1-41/12-18), Общества по изучению Евразии (Society for the Exploration of EurAsia), д-ра Ф. Паульсена и собственных средств ИИМК РАН.

Библиографический список

- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 62 с.
- Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность енисейских кыргызов в свете этнографических данных // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Т. 18. Кызыл, 1995. С. 136–156.
- Рукавишников И.В., Рукавишников Д.В., Морозов П.А. Применение низковысотной аэрофотосъемки и геофизических методов при исследовании каменных курганов скифского времени в Турано-Уюкской котловине (Тува) // Археология и геоинформатика. М. : ИА РАН, 2015. С. 30.
- Садыков Т.Р. О так называемых «поминальниках» кокзельской культуры Тувы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 1. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 269–276.
- Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7. Горно-Алтайск : АКИН, 2008. С. 42–57.
- Hartill D. Cast Chinese coins. Victoria : Trafford Publishing, 2005. 450 p.
- Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I. Tunnug 1 (Arzhan 0) – an early Scythian kurgan in Tuva Republic, Russia // Archaeological Research in Asia. 2018. Т. 15. С. 82–87.
- Zaitseva G.I., van Geel B., Bokovenko N.A., Chugunov K.V., Dergachev V.A., Dirksen V.G., Koulikova M.A., Nagler A., Parzinger G., van der Plicht J., Bourouva N.D., Lebedeva L.M. Chronology and possible links between climatic and cultural change during the first millenium BC in Southern Siberia and Central Asia // Radiocarbon. Vol. 46. No 1. 2004. P. 259–276.

References

Grjaznov M.P. Arzhan. Carskij kurgan ranneskijskogo vremeni [Arzhan – Royal Mound of the Early Scythian Time]. L., 1980. 62 p.

Dluzhnevskaja G.V. Pogrebal'no-pominal'naja obrjadnost' enisejskikh kyrgyzov v svete jetnograficheskikh dannyh [Funeral Commemoration Rituals of the Yenisei Kyrgyz in the Light of Ethnographic Data]. Uchenye zapiski TNIIJaLI. T. 18 [Scientific Notes of TNIIJaLI. V. 18]. Kyzyl, 1995. Pp.136–156.

Rukavishnikova I.V., Rukavishnikov D.V., Morozov P.A. Primenenie nizkovysotnoj ajerofotos#emki i geofizicheskikh metodov pri issledovanii kamennyh kurganov skifskogo vremeni v Turano-Ujukskoj kotlovine (Tuva) [The Use of Low-Altitude Aerial Photography and Geophysical Methods in the Study of Stone Mounds of the Scythian Time in the Turan-Uyuk Hollow (Tuva)]. Arheologija i geoinformatika. Vtoraja Mezhdunarodnaja konferencija. Tezisy dokladov [Archaeology and Geoinformatics. The Second International Conference. Theses]. M., 2015. 30 p.

Sadykov T.R. O tak nazyvajemyh “pominal'nikah” kokjel'skoj kul'tury Tuvy [About the So-called “Memorials” of the Tukean Kokel Culture]. Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i Severnogo Kitaja [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. №7. Vol. 1. Krasnojarsk, 2016. Pp. 269–276.

Sljusarenko I.Ju., Bogdanov E.S., Soenov V.I. Novye materialy gunno-sarmatskoj jepohi iz Gornogo Altaja (mogil'nik Kurajka) [New Materials of the Gunno-Sarmatian Era from the Altai Mountains Altai (Kurayk burial ground)]. Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Juzhnoj Sibiri [Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia. Issue 7]. Gorno-Altajsk, 2008. Pp. 42–57.

Hartill D. Cast Chinese Coins. Trafford Publishing. 2005. 450 p.

Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I. Tunnug 1 (Arzhan 0) – an Early Scythian Kurgan in the Tuva Republic, Russia. Archaeological Research in Asia. 2018. T. 15. Pp. 82–87.

Zaitseva G.I., van Geel B., Bokovenko N.A., Chugunov K.V., Dergachev V.A., Dirksen V.G., Koulkova M.A., Nagler A., Parzinger G., van der Plicht J., Bourova N.D., Lebedeva L.M. Chronology and Possible Links between Climatic and Cultural Change during the First Millenium BC in Southern Siberia and Central Asia. Radiocarbon. Vol. 46. No 1. 2004. Pp. 259–276.

T.R. Sadykov¹, Dg. Caspari², E.K. Blochin¹

¹*Institute for the History of Material Culture, RAS, St. Petersburg, Russia;*

²*Institute for Archaeological Sciences, University of Bern, Bern, Switzerland*

THE EARLY SCYTHIAN BURIAL MOUND TUNNUG-1: PRELIMINARY RESULTS OF THE EXCAVATION OF THE SOUTHERN PERIPHERY

The site Tunnug-1 is located in the Republic of Tuva, in the area of the Uyuk Valley, the so-called “Valley of the Kings”. The burial mound is located not on a high river terrace but in the flood plain (fig. 1), which seems to have led to permafrost conditions underneath the mound. These circumstances might have led to an excellent preservation of archaeological material. Preliminarily, the burial mound can be associated with the Arzhan horizon of the early Scythian material culture. Tunnug-1 slightly predates Arzhan-1. In the 2018 campaign, the early date of the mound was confirmed. The excavation on the southern periphery of the site revealed a dense cluster of structures postdating the construction of the main burial mound. This article presents the data gathered on several structures (fig. 2) of the first centuries AD (fig. 3, 4) and the Middle Ages (fig. 5, 6.-1). The location of the funeral and ritual stone structures in the low flood plain is uncharacteristic for all archaeological cultures presented in the recorded materials. Through reconstructing the paleolandscape and the paleoclimatic situation for all activity periods on the site we are further clarifying these circumstances. The excavation of the joint Russian-Swiss expedition will be continued in 2019.

Key words: Tuva, Tunnug, Arzhan, early Scythian time, burial types, Kokel, ritual objects, archaeology of the flood plain.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОГРАДКИ КОМПЛЕКСА КОО-I В ВОСТОЧНОМ АЛТАЕ (по материалам раскопок А.С. Васютина)*

Статья посвящена введению в научный оборот материалов раскопок тюркских оградок на погребально-поминальном комплексе Коо-I в Восточном Алтае, исследованных Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина в 1984 г. К настоящему времени опубликованы лишь отдельные объекты данного памятника, что не позволяет полноценно использовать полученные материалы. На основании сведений, представленных в отчетной документации по результатам раскопок, осуществлена общая характеристика погребально-поминального комплекса, а также представлено подробное описание изученных раннесредневековых оградок Б-В и Г-Д. Анализ зафиксированных характеристик позволил заключить, что рассматриваемые объекты памятника Коо-I демонстрируют традицию возведения тюркских оградок, в раннем средневековье получившую распространение на обширных территориях центрально-азиатского региона. Выявленные особенности конструкций дают основания для предварительной датировки сооружений в рамках 2-й половины V – 1-й половины VII в. н.э. и отнесения их к ранним этапам в развитии культуры тюрков.

Ключевые слова: тюрки, раннее средневековье, оградка, археологический комплекс, Алтай, хронология.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-04

Введение

Значительные перспективы для реконструкции различных аспектов истории номадов представляет исследование археологических комплексов Восточного Алтая. Это демонстрируют результаты раскопок ряда известных памятников, относящихся к раннему железному веку и средневековью [Грязнов, 1950; Гаврилова, 1965; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; и др.]. Вместе с тем данные материалы лишены раз подчеркивают слабую степень изученности этой части региона. Так, весьма ограниченным остается объем имеющихся сведений о раннесредневековых объектах Восточного Алтая [Серегин, Шелепова, 2015, с. 138–166; Серегин, Матренин, 2016, с. 263–264]. Ситуация осложняется тем, что часть полученных материалов не введена в научный оборот и не может полноценно использоваться для детализации историко-культурных и этносоциальных процессов.

Одним из немногих исследователей, занимавшихся целенаправленным изучением раннесредневековых объектов в Восточном Алтае, был А.С. Васютин. В результате осуществленных им работ получен значительный объем сведений, лишь частично представленных в научной литературе. В настоящей статье осуществлена публикация материалов раскопок оградок памятника Коо-I, а также продемонстрированы возможности культурно-хронологической интерпретации зафиксированных комплексов.

Характеристика материалов раскопок

Археологический памятник Коо-I расположен на правом берегу р. Чулышман, в 1 км ниже с. Коо, в Улаганском районе Республики Алтай (рис. 1). Данный погребально-поминальный комплекс включает более 120 различных каменных сооружений,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00536а.

Рис. 1. Карта расположения комплекса Кoo-I

большая часть которых, судя по фиксирующимся характеристикам, относится к раннему железному веку и средневековью (рис. 2–3). Краткая информация о памятнике была впервые опубликована в монографии А.А. Гавриловой [1965, с. 11], которая указала, что на площади могильника фиксируется более 30 объектов с плоской каменной насыпью, из которых 10 – с воронкой в центре. Более подробное обследование комплекса Кoo-I осуществлено в 1983 г. участниками Алтайского отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина. Был снят план памятника, уточненный в последующие годы, а также начаты раскопки отдельных объектов [Васютин, 1984]. К настоящему времени опубликованы лишь результаты изучения разрушенного раннесредневекового погребения [Илюшин, 1995, с. 122–123; 2003, рис. 2] и кургана бийкенской культуры аржано-майэмирского времени [Васютин, Садовой, 1999, с. 35–36, рис. 1]. Кроме того, имеется информация о раскопках одного «ритуального» кургана, а также упоминание о материалах хуннуско-сяньбийского времени [Елин, 1987, с. 6, 13, 14]*.

* Отсутствие полноценной публикации результатов раскопок на комплексе Кoo-I уже стало причиной некоторой путаницы в обозначении некрополя. Так, в первой заметке, помещенной в ежегоднике «Археологические открытия», данный памятник обозначен как «могильник Кoo» без порядкового номера, и автором раскопок представлена краткая характеристика разрушенного раннесредневекового захоронения [Васютин, 1985б, с. 194–195]. В статье А.М. Илюшина [1995, с. 122–123, рис. 1.–4–9], посвященной рассмотрению отдельных захоронений лошадей, исследованных на территории Алтая, данный объект уже обозначен как курган комплекса Кoo-II. Несколько позже это же захоронение отнесено археологом к памятнику Тас-Паш [Илюшин, 2003].

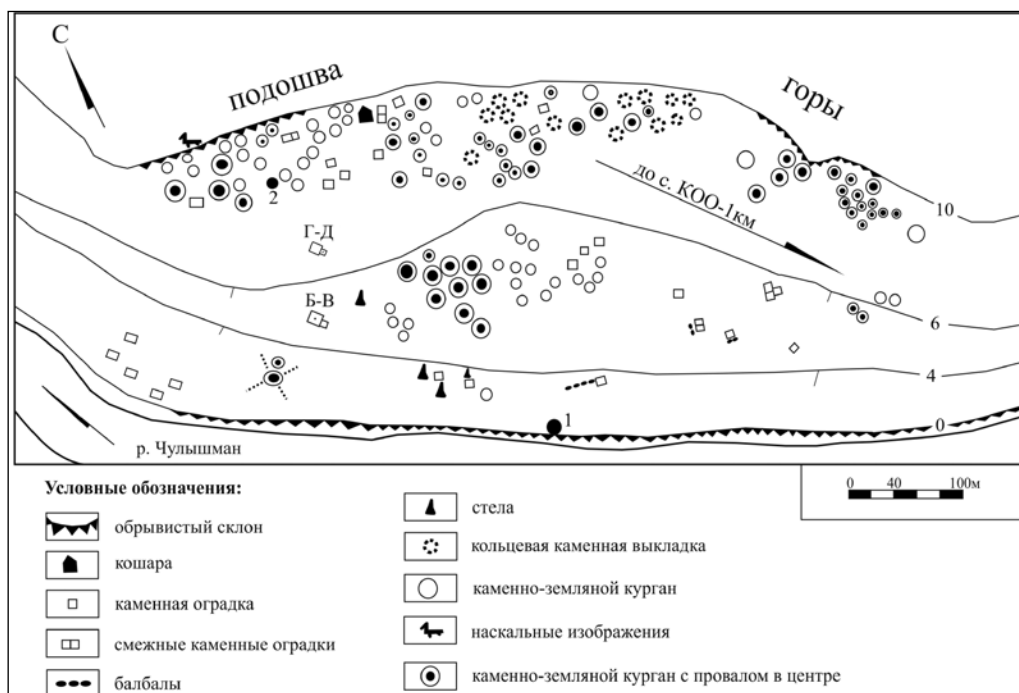

Рис. 2. План комплекса Коо-1

Рис. 3. Коо-1. Вид на северо-восточную часть комплекса

Одну из многочисленных групп объектов комплекса Коо-1 составляют «поминальные» сооружения раннего средневековья. По подсчетам А.С. Васютина, на площади памятника фиксируется около 40 таких конструкций, представляющих собой подпрямоугольные оградки из плит. В 1984 г. четыре подобных объекта были раскопаны [Васютин, 1985а].

Смежные **оградки Б–В** (рис. 4–7) расположены в северо-западной части комплекса Коо-1.

Ограда Б сооружена из 22 поставленных на ребро каменных плит с двухслойным заполнением из плит, булыжников, речной гальки и песчаного грунта. Размеры объекта – 4,3×3 м. Плиты ограды заглублены в материк на 0,24 м. В центре ограды изначально была установлена каменная стела, впоследствии завалившаяся. Каких-либо других конструкций или находок в ходе раскопок не зафиксировано.

Ограда В, пристроенная к ограде Б, сооружена из 11 поставленных на ребро каменных плит, заглубленных в материк на 0,26 м. В ходе раскопок зафиксировано двухслойное заполнение объекта, состоящее из плит, булыжников, речной гальки и рыхлого песчаного грунта. Размеры ограды – 1,9×1,7 м. При разборке второго слоя заполнения и расчистки материка в центре объекта зафиксирована яма глубиной 0,8 м и диаметром 0,5 м, в которой обнаружены кости животных и камни.

Смежные **оградки Г–Д** (рис. 8–11) расположены в северо-западной части комплекса Коо-1, в 60 м к северу от оградок Б–В.

Ограда Г сооружена из 18 поставленных на ребро каменных плит. Зафиксировано однослойное заполнение внутренней части объекта, состоящее из крупных обломочных пород, булыжников и рыхлого песчаного грунта. Размеры сооружения со-

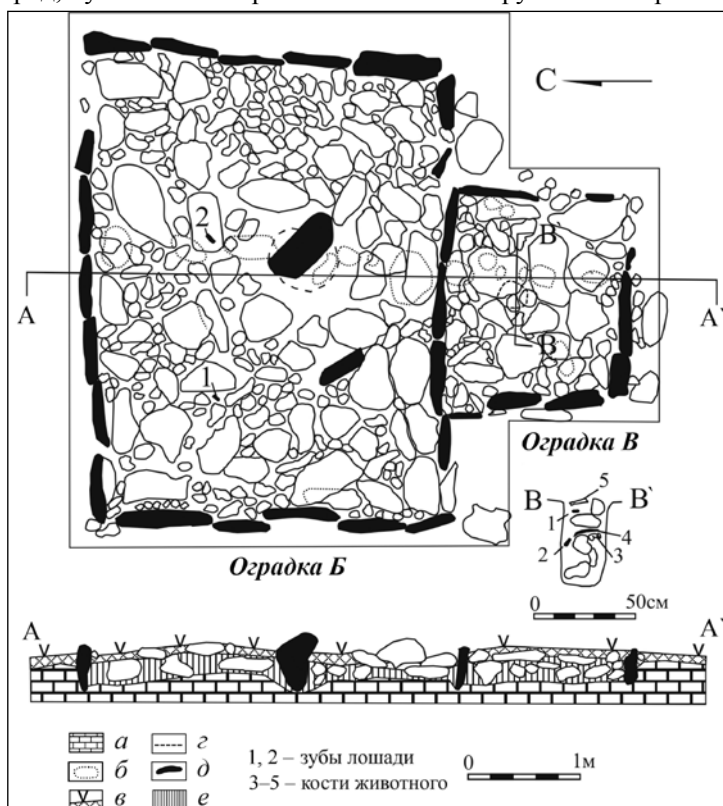

Рис. 4. Коо-1. План оградок Б–В:

a – материк; *б* – границы камней второго слоя заполнения; *в* – дерн;
г – границы ям; *д* – вертикально стоящие камни и плиты; *е* – заполнение ограды

Рис. 5. Коо-1. Оградки Б–В после расчистки дерна

Рис. 6. Коо-1. Оградка В после выборки заполнения и расчистки ямы в центре

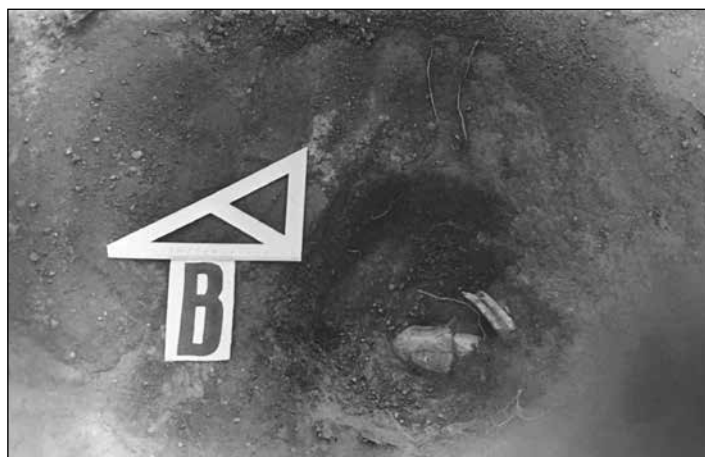

Рис. 7. Коо-1. Кости животных и камни на дне ямки в оградке В

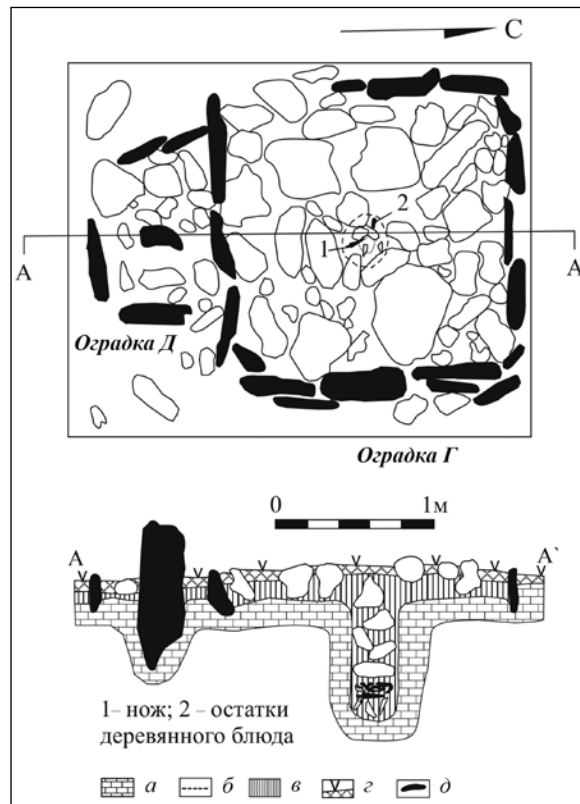

Рис. 8. Коо-1. План оградок Г–Д:
а – материк; б – границы ям;
в – заполнение оградки; г – дерн;
д – вертикально стоящие камни и плиты

Рис. 9. Коо-1. Оградки Г–Д после расчистки дерна

Рис. 10. Коо-1. Оградки Г-Д после выборки заполнения

Рис. 11. Коо-1. Находки из ямки оградки Г

ставили 2,1×1,9 м. После разборки заполнения в центре оградки на уровне материка выявлена яма глубиной 0,66 м и диаметром 0,3 м. На дне ямы обнаружены остатки деревянного изделия (блюдо на ножках?) и железный нож.

Оградка Д сооружена из четырех поставленных на ребро каменных плит. Размеры конструкции составили 1,1×0,8 м. Внутри объекта фиксируется однослойное заполнение из беспорядочно набросанных булыжников, речной гальки и рыхлого песчаного грунта. В центре оградки установлена каменная стела размерами 0,78×0,28×0,14 м, углубленная в материк на 0,35 см.

Культурно-хронологическая интерпретация объектов

Раскопанные объекты памятника Коо-1 демонстрируют традицию возведения тюркских оградок, в раннем средневековье получившую распространение на обширных территориях Центрально-Азиатского региона. К настоящему времени в работах многих исследователей представлены различные аспекты интерпретации подобных сооружений [Грач, 1961; Кубарев, 1984; Ермоленко, 2004; Серегин, Шелепова, 2015; и др.], что позволяет рассматривать возможности уточнения хронологии комплексов.

Одной из характерных конструктивных особенностей изученных объектов является то, что оградки были смежными, т.е. обе пары сооружений имели по одной общей стенке*. Подобные комплексы А.А. Гаврилова [1965, с. 99–100] объединила в рамках памятников кудыргинского типа. Анализ материалов, полученных в последующие десятилетия, подтверждает тезис о том, что смежные оградки относятся к ранним этапам в развитии культуры тюрков. Судя по имеющимся сведениям, большая часть таких объектов датируется в рамках 2-й половины V – VI в. [Матренин, Сарафанов, 2006, с. 209–210; Серегин, Шелепова, 2015, с. 70, 72]. Смежные оградки, в том числе сооружения, содержащие датирующие материалы обозначенного периода, исследованы на комплексах Ак-Кообы, Кара-Коба-1, Кок-Паш, Кудыргэ, Мендур-Соккон-1, Яломан-II и др. [Гаврилова, 1965, табл. III–IV; Могильников, 1992, рис. 1; Соенов, Эбель, 1997, рис. I–IV; Кубарев, 2011, рис. 2–3; и др.].

Относительным признаком, указывающим на раннюю датировку оградок, является их конструкция в виде многоплитового ящика. Отмечено, что подобные сооружения характерны в большей степени для «поминальных» комплексов, возведенных не позднее периода существования Первого каганата [Войтов, 1996, с. 61, 70]. Столь же относительной хронологической характеристикой можно считать отсутствие у оградок памятника Коо-1 изваяний – как лицевых, так и реалистичных.

Традиция установки каменной стелы в центре оградки, отмеченная в ходе раскопок объектов Б и Д, не имеет узкой хронологии. Судя по имеющимся материалам, сооружения с такой конструкцией возводились начиная со 2-й половины V в. и на протяжении всего периода существования культуры тюрков [Матренин, Сарафанов, 2006, с. 208]. Очевидно, столь же широкие хронологические рамки имеют оградки с жертвенными ямками, подобные объектам В и Г.

Вещественные находки, которые могли бы способствовать уточнению датировки оградок комплекса Коо-1, весьма немногочисленны и, к сожалению, не являются датирующими. Деревянная посуда, в том числе блюда на ножках, зафиксирована в ряде по-

* На то, что это именно смежные оградки, а не пристройки к основному объекту, известные на единичных комплексах [Серегин, Шелепова, 20015, с. 53], указывают их размеры, наличие внутренних объектов (стела, ямка), а также то, что они представляют собой многоплитовую конструкцию.

гребальных и «поминальных» объектов тюрок в различных частях Центральной Азии [Вайнштейн, 1966, табл. I.-6; VII.-14; Худяков, Кочеев, 1997, рис. III.-2; Кубарев, 2005, с. 67–68; Серегин, 2018, рис. 3.-2; и др.]. Можно предположить, что ограниченное количество находок объясняется плохой сохранностью предметов из дерева. Напротив, одной из наиболее массовых категорий предметов из памятников тюрок являются железные черешковые ножи. Экземпляр из оградки Г имеет вполне стандартные характеристики.

Таким образом, на основании зафиксированных особенностей конструкций раскопанные оградки комплекса Коо-1 представляется возможным предварительно датировать в рамках 2-й половины V – 1-й половины VII в. н.э. и отнести к ранним этапам в развитии культуры тюрок.

Заключение

Несмотря на незначительное количество раскопанных объектов, археологический комплекс Коо-1 можно считать весьма перспективным для продолжения полевых исследований. Представленные в статье оградки характеризуются набором признаков, позволяющих уверенно относить их к «поминальным» объектам тюрок раннего средневековья. Среди отличительных особенностей этих сооружений, указывающих на наиболее вероятную датировку в рамках 2-й половины V – 1-й половины VII в. н.э., отметим смежное устройство оградок, конструкции в виде многоплитового ящика, а также отсутствие изваяний. Обнаруженные немногочисленные предметы не противоречат предложенной хронологии. Возможности уточнения датировки оградок, а также расширения представлений о специфике обрядовой практики тюрок Восточного Алтая связаны с дальнейшими раскопками памятника Коо-1. Реалистичность таких работ определяется возобновлением полевых исследований в этой части региона в последние годы.

Библиографический список

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
- Васютин А.С. Отчет о раскопках погребений и ритуальных сооружений на могильниках Кок-Паш и Коо-1 в Восточном Алтае и на могильнике Усть-Карасу в Центральном Алтае в 1983 году. Кемерово, 1984. 86 с. (Архив ИА РАН, р-1, №9242).
- Васютин А.С. Отчет о раскопках могильников Кок-Паш и Коо-1 в низовьях р. Чулышман Улаганского района Горно-Алтайской автономной области в 1984 году. Кемерово, 1985а. 91 с. (Архив ИА РАН, р-1, №10393).
- Васютин А.С. Раскопки древнетюркских памятников в Горном Алтае // Археологические открытия 1983 г. М. : Наука, 1985б. С. 194–195.
- Васютин А.С., Садовой А.Н. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай – могильник Коо-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 35–38.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.
- Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М. : Изд-во восточной литературы, 1961. 94 с.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Изд-во ГЭ, 1950. 90 с.

Елин В.Н. Восточный Алтай в предтюркское время (хронология и культурная принадлежность памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1987. 19 с.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. V, ч. 1. С. 122–125.

Илюшин А.М. О ритуале захоронения коней как этнографо-археологическом источнике // Древности Алтая. Вып. 10. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. С. 132–137.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7 : Археология и этнография. С. 219–235.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Серегин Н.Н. Скальные погребения Алтая и сопредельных территорий раннего средневековья: культурно-хронологическая и этносоциальная интерпретация // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С. 41–51.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. 1997. Вып. 2. С. 103–115.

Худяков Ю.С., Кочев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3. С. 10–18.

References

Bobrov V.V., Vasjutin A.S., Vasjutin S.A. Vostochnyj Altaj v jepohu velikogo pereselenija narodov [Eastern Altai in the Period of the Great Migration]. Novosibirsk : IAJeT SO RAN, 2003. 224 p.

Vajnshtejn S.I. Pamjatniki vtoroj poloviny I tysjacheletija v Zapadnoj Tuve [The Sites of the Second Half of the 1st Millennium in Western Tuva]. Trudy Tuvinskoj kompleksnoj arheologo-jetnograficheskoj jekspedicii [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition]. M. ; L. : Nauka, 1966. T. II. Pp. 292–334.

Vasjutin A.S. Otchet o raskopkah pogrebenij i ritual'nyh sooruzhenij na mogil'nikah Kok-Pash i Koo-I v Vostochnom Altae i na mogil'nike Ust'-Karasu v Central'nom Altae v 1983 godu [Report on the Excavations of Burials and Ritual Structures at the Kok-Pash and Koo-I Burials in Eastern Altai and at the Ust-Karasu Burial Ground in Central Altai in 1983]. Kemerovo, 1984. 86 p. (Arhiv IA RAN, r-1, №9242).

Vasjutin A.S. Otchet o raskopkah mogil'nikov Kok-Pash i Koo-I v nizov'jah r. Chulyshman Ulagan-skogo rajona Gorno-Altajskoj avtonomnoj oblasti v 1984 godu [Report on the Excavations of the Kok-Pash and Koo-I Burials in the Lower Reaches of the r. Chulyshman of the Ulagansky District of the Gorno-Altai Autonomous Region in 1984]. Kemerovo, 1985a. 91 p. (Archive of IA RAN, r-1, №10393).

Vasjutin A.S. Raskopki drevnetjurkskih pamjatnikov v Gornom Altae [Excavations of Ancient Turkic Sites in the Altai Mountains]. Arheologicheskie otkrytija 1983 g. [Archaeological Discoveries in 1983]. M. : Nauka, 1985b. Pp. 194–195.

Vasjutin A.S., Sadovoj A.N. K probleme rekonstrukcii tradicionnyh sistem zhizneobespechenija v ranneskifskoe vremja (Vostochnyj Altaj – mogil'nik Koo-I) [To the Problem of Reconstruction of Tra-

ditional Life Support Systems in the Early Scythian Time (Eastern Altai – the Koo-I burial ground)]. Itogi izuchenija skifskoj jepohi Altaja i sopredel'nyh territorij [Results of the Study of the Scythian Epoch of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 35–38.

Vojtov V.E. Drevnetjurkskij panteon i model' mirozdanija v kul'tovo-pominal'nyh pamjatnikah Mongolii VI–VIII vv. [The Ancient Turkic Pantheon and Model of the Universe in Religious and Memorial Sites of Mongolia in the VIth – VIIIth Centuries]. M. : Izd-vo GMV, 1996. 152 p.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrgje kak istochnik po istorii altajskikh plemen [The Kudyrgje Burial as a Source on the History of the Altai Tribes]. M. ; L. : Nauka, 1965. 146 p.

Grach A.D. Drevnetjurkskie izvajanija Tuvy [Ancient Turkic Statues of Tuva]. M. : Izd-vo vostochnoj literatury, 1961. 94 p.

Grjaznov M.P. Pervyj Pazyrykskij kurgan [First Pazyryk Mound]. L. : Izd-vo GE. 1950. 90 p.

Elin V.N. Vostochnyj Altaj v predturkskoe vremja (hronologija i kul'turnaja prinadlezhnost' pamjatnikov): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Eastern Altai in the Pre-Turkic Time (chronology and cultural identity of the monuments): Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Kemerovo, 1987. 19 p.

Ermolenko L.N. Srednevekovye kamennye izvajanija kazahstanskih stepej (tipologija, semantika v aspekte voennoj ideologii i tradicionnogo mirovozzrenija) [Medieval Stone Sculptures of the Kazakh Steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview)]. Novosibirsk : IAJeT SO RAN, 2004. 132 p.

Iljushin A.M. Ritual'nye zahoroneniya konej v Gornom Altae (datirovka i geografija). [Ritual Burials of Horses in the Altai Mountains (dating and geography)]. Sohranenie i izuchenie pamjatnikov arheologii Altajskogo kraja [Preservation and Study of Archaeological Sites of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. Vyp. V, Ch. 1. Pp. 122–125.

Iljushin A.M. O rituale zahoroneniya konej kak jetnografo-arheologicheskoe istochnike. Drevnosti Altaja. Vyp. 10 [On the Ritual of Horses' Burial as an Ethnographic and Archaeological Source]. Antiquities of Altai. Issue 10]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2003. Pp. 132–137.

Kubarev V.D. Drevnetjurkskie izvajanija Altaja [Ancient Turkic Sculptures of Altai]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 230 p.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnih tjurok Altaja (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov) [The Culture of the Ancient Turks of Altai (according to the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk : IAJeT SO RAN, 2005. 400 p.

Kubarev G.V. Ogradki kudyrginskogo tipa v urochishhe Ak-Kooby (Jugo-Vostochnyj Altaj) [The Fences of the Kudyrginsky Type in the Ak-Kooba Tract (Southeast Altai)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Istorija, filologija. 2011. T. 10, vyp. 7 : Arheologija i jetnografija [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology. 2011. V. 10, no. 7: Archaeology and Ethnography]. Pp. 219–235.

Matrenin S.S., Sarafanov D.E. Klassifikacija ogradok tjurkskoj kul'tury Gornogo Altaja [Classification of the Fences of the Turkic Culture of the Altai Mountains]. Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Juzhnoj Sibiri [Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of South Siberia]. Gorno-Altajsk : AKIN, 2006. Vyp. 3–4. Pp. 203–218.

Mogil'nikov V.A. Drevnetjurkskie ogradki Kara-Koba-I [Ancient Turkic fences of Kara-Koba-I]. Materialy k izucheniju proshlogo Gornogo Altaja [Materials for Studying the Past of the Altai Mountains]. Gorno-Altajsk, 1992. Pp. 175–212.

Seregin N.N. Skal'nye pogrebenija Altaja i sopredel'nyh territorij rannego srednevekov'ja: kul'turno-hronologicheskaja i jetnosocial'naja interpretacija [Rock Burials of Altai and Adjacent Territories of the Early Middle Ages: Cultural, Chronological and Ethnosocial Interpretation]. Povolzhskaja arheologija [Volga Archaeology]. 2018. №2 (24). Pp. 41–51.

Seregin N.N., Matrenin S.S. Pogrebal'nyj obrjad kochevnikov Altaja vo II v. do n.je. – XI v. n.je [The Funeral Rite of the Nomads of Altai in the IIth BC. – XIth Century AD]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 272 p.

Seregin N.N., Shelepova E.V. Tjurkskie ritual'nye komplekсы Altaja (2-ja polovina I tys. n.je.): sistematizacija, analiz, interpretacija [Turkic Ritual Complexes of Altai (2nd Half of the 1st Millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation]. Barnaul : Azbuka, 2015. 168 p.

Soenov V.I., Jebel' A.V. Ritual'nye sooruzhenija mogil'nika Mendur-Sokkon-I [Ritual Structures of the Mendur-Sokkon Burial Ground]. *Izvestija laboratorii arheologii* [Bulletin of the Laboratory of Archaeology]. 1997. Vyp. 2. Pp. 103–115.

Hudjakov Ju.S., Kocheev V.A. Drevnetjurkskoe mumificirovannee zahoronenie v mestnosti Chatyr u s. Zhana-Aul v Gornom Altae. [Ancient Turkic Mummified Burial in the Area of Chatyr near Zhana-Aul in the Altai Mountains]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 1997. №3. Pp. 10–18.

N.N. Seregin¹, S.A. Vasyutin²

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

**EARLY-MEDIEVAL ENCLOSURES
OF THE KOO-I COMPLEX IN THE EAST ALTAI
(based on excavations by A.S. Vasyutin)**

The article presents the publication of materials from the excavations of the Turkic enclosures at the Koo-I complex in the Eastern Altai, investigated by the Altai detachment of the South Siberian archaeological expedition of Kemerovo State University under the leadership of A.S. Vasyutin in 1984. To date, only a few objects of this site have been published, which does not allow the complete use of the materials obtained. On the basis of the information presented in the reporting documentation the authors of the article carry out the general description of the complex and present a detailed description of the studied early medieval fences Б–Б and Г–Д. The analysis of the recorded characteristics made it possible to conclude that the excavated objects of the Koo-I site demonstrate the tradition of Turkic enclosures, which became widespread in the vast territories of the Central Asian region in the early Middle Ages. The revealed features of the structures give grounds for preliminary dating of structures in the framework of the second half of the Vth – the first half of the VIIth centuries AD and attributing them to the early stages in the development of the Turkic archaeological culture.

Key words: Turks, early Middle Ages, enclosures, archaeological complex, Altai, chronology.

М.В. Шуньков¹, М.Б. Козликин¹, В.А. Михиенко²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ЮЖНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ: МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 2003 ГОДА*

Возобновление археологических работ в южной галерее Денисовой пещеры на Алтае потребовало введения в научный оборот полученных ранее на этом участке стоянки коллекций в полном объеме. В данной публикации представлены результаты технико-типологического анализа каменных индустрий из слоев 22–19 и 14 в устьевой зоне южной галереи. Первоначальные этапы заселения пещеры характеризуют материалы из верхней части слоя 22 и из слоя 21, которые формировались в периоды МИС 8 и МИС 7, соответственно. Эти индустрии характеризуются преимущественно радиальным раскалыванием, разными типами зубчатых, выемчатых, шиповидных орудий и скребел, обилием сколов с вентральной оббивкой продольных краев и с удаленной остаточной ударной площадкой. Дальнейшее развитие среднепалеолитических традиций отражают материалы из слоев 20, 19 и 14, которые, скорее всего, формировались в конце МИС 6 и в первой половине МИС 5 после перерыва в осадконакоплении. В индустриях этого времени были распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией представлены леваллуазские ядрища для отщепов и пластин. В орудийном наборе на фоне преобладания разных типов скребел сохраняется хорошо выраженный зубчато-выемчатый компонент. Появляются изделия верхнепалеолитической группы.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, средний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-05

Введение

Многолетние комплексные исследования плейстоценовых отложений в Денисовой пещере на Алтае позволили сформировать обширную базу археологических и естественно-научных источников, которые легли в основу культурно-хронологической схемы развития палеолитических традиций на территории Северной и Центральной Азии на протяжении последних 300 тыс. лет. В то время как материалы из центрального зала, предвходовой площадки и восточной галереи пещеры в полном объеме введены в научный оборот [Природная среда..., 2003; Козликин, 2017; Jacobs et al., 2019; Douka et al., 2019], находки из южной галереи представлены в кратких предварительных публикациях.

Первые раскопки плейстоценовых отложений на этом участке пещеры проводились в 2000 и 2003 гг. [Деревянко и др., 2000, 2003]. В стратиграфической колонке полученного разреза были выделены слои 9, 11, 12, 14, 19–22, которые по своим характеристикам были соотнесены с соответствующими подразделениями в разрезе центрального зала пещеры [Природная среда..., 2003]. В пределах слоев 22–19, 14 и 12 обнаружены археологические материалы среднего палеолита. Слои 11 и 9 содержали верхнепалеолитические находки.

Возобновление работ в южной галерее [Деревянко и др., 2017, 2018] требует введения в научный оборот полученных ранее коллекций в полном объеме и уточнения

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00404.

технико-типологических характеристик этих каменных индустрий. В данной публикации рассматриваются среднепалеолитические находки из слоев 22–19 и 14 в устьевой зоне южной галереи [Деревянко и др., 2003].

Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее древние археологические материалы обнаружены в верхней части слоя 22 (стратиграфический горизонт 22.1). Возраст этой части разреза, смоделированный на основе результатов OSL-датирования в рамках Байесовской модели, составляет 269 ± 97 тыс. л.н. [Jacobs et al., 2019].

Коллекция каменных артефактов из слоя 22 насчитывает 422 экз. Инструментарий представлен отбойником – фрагментом крупной гальки с участками интенсивной забитости. В числе нуклевидных форм отмечено ортогональное монофронтальное ядрище (рис. 1.-1), а также два нуклевидных обломка.

Основу индустрии сколов составляют мелкие и средние отщепы – 99 экз. Преобладают изделия с гладкой (58%) или естественной (8%) остаточной ударной площадкой без подправки карниза. Дорсальная огранка отщепов преимущественно продольная одно- или бинаправленная (27 и 17% соответственно), часто с участками галечной поверхности (53%). Отмечена серия отщепов типа комбева. Пластины представлены двумя экземплярами.

В числе отходов производства – колотые гальки (10 экз.), обломки и осколки (304 экз.), чешуйки (3 экз.).

Изделий с вторичной обработкой – 16 экз. Типологически выраженные орудия включают диагональное выпуклое вентральное скребло (рис. 1.-4), два выемчатых и зубчатое (рис. 1.-2) орудия. Единичными экземплярами представлены сколы с вентральной оббивкой продольных краев и с удаленной остаточной ударной площадкой. Дополняют орудийный набор отщепы с эпизодической ретушью (8 экз.) (рис. 1.-3) и неопределимый фрагмент орудия.

Отложения слоя 21 представляют в пещере единый маркирующий горизонт, возраст которого, согласно данным биостратиграфии и результатам OSL-датирования, соответствует МИС 7 [Jacobs et al., 2019].

В коллекции из слоя 21 – 354 экз. Инструменты для расщепления камня представлены отбойниками (4 экз.) с участками интенсивной забитости и фрагментом крупного уплощенного валуна-наковальни.

Нуклеусы включают два радиальных монофронтальных, радиальное бифронтальное (рис. 1.-5) и ортогональное монофронтальное изделия. Расщепление осуществлялось от неподготовленного ребра. Последние негативы фронта нуклеусов демонстрируют снятие средних и мелких заготовок. Нуклевидные обломки – 7 экз.

Сколы представлены отщепами – 222 экз. Более половины из них имеют мелкие размеры. Средние и крупные сколы распределены поровну. По соотношению длины к ширине преобладают удлиненные сколы (48%), далее по количеству следуют укороченные и короткие отщепы (38 и 14% соответственно). Остаточные ударные площадки отщепов преимущественно гладкие (50%) или естественные (17%), как правило, без подправки карниза. Немногочисленные сколы с определенным типом огранки имеют негативы продольных одно- или бинаправленных снятий (13 и 9% соответственно) или гладкую поверхность дорсала (30%). В коллекции имеются три средних коротких скола типа комбева.

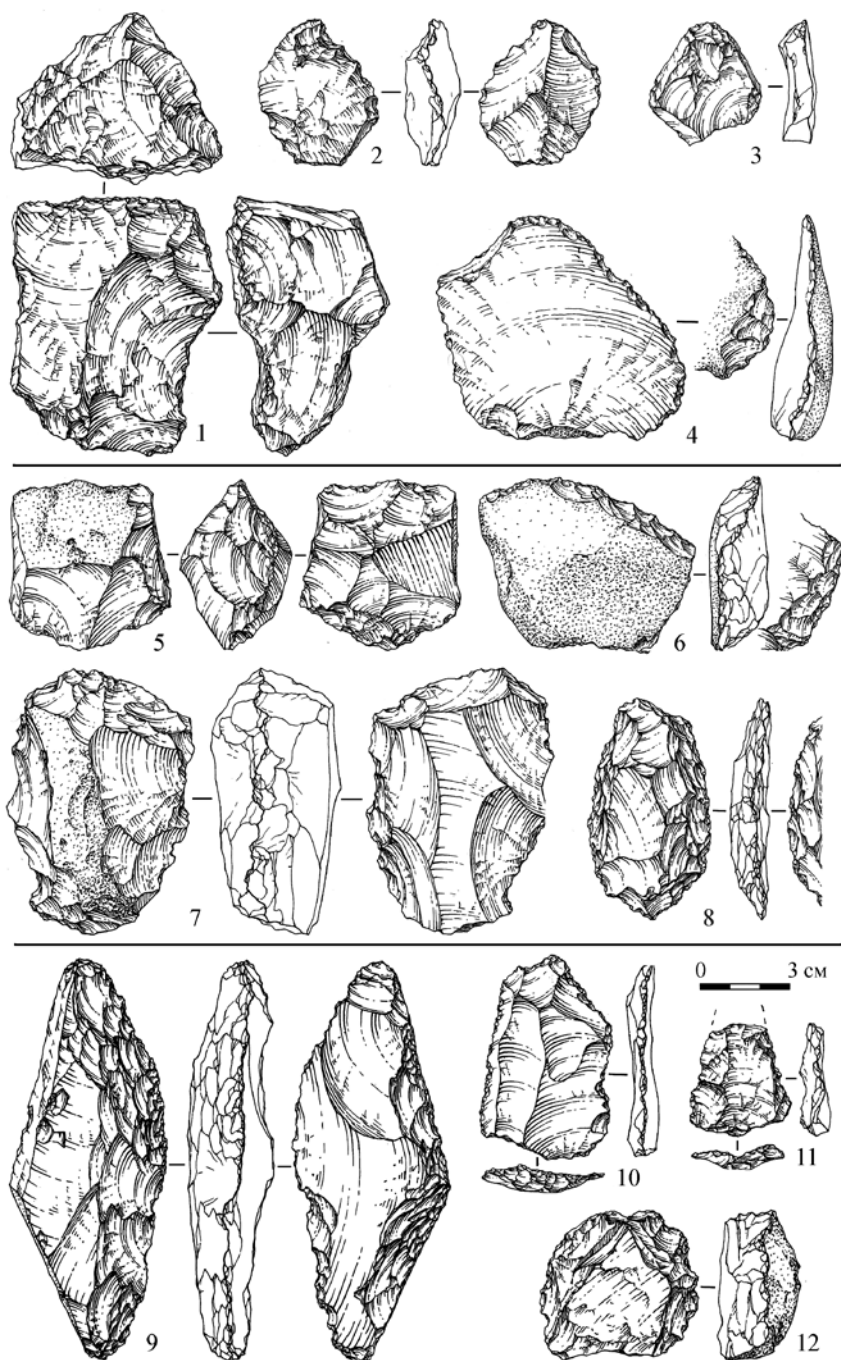

Рис. 1. Каменный инвентарь из слоев 22 (1-4), 21 (5-8) и 20 (9-12) в южной галерее Денисовой пещеры: 1, 5, 12 – нуклеусы; 2 – зубчатое орудие; 3 – отщеп с ретушью; 4, 5, 8, 9 – скребла; 7 – скол с вентральной обивкой продольных краев; 10, 11 – леваллуазские остря

Отходы производства включают 15 колотых галек, 98 обломков и осколков и три чешуйки.

Орудийный набор – 30 экз. Скребла представлены продольной выпуклой, конвергентной и угловатой (рис. 1.-6) формами, а также изделием с обработкой по периметру (рис. 1.-8). Зубчатое орудие имеет поперечное прямое лезвие. Распространены сколы с вентральной оббивкой продольных краев (8 экз.) (рис. 1.-7), отщепы с эпизодической ретушью (8 экз.), неопределимые фрагменты орудий (6 экз.) и отщепы с удаленной остаточной ударной площадкой (3 экз.).

Данные по абсолютной хронологии осадков слоя 20 пока отсутствуют. Для перекрывающих отложений слоя 19, сформировавшихся после седиментационного перерыва, получена ОСЛ-дата $125,5 \pm 8,1$ тыс. л.н. [Jacobs et al., 2019].

Коллекция каменных артефактов из слоя 20 – 1015 экз. В составе инструментария имеется фрагмент гальки-отбойника. Нуклевидные формы включают радиальные моно- (рис. 1.-12) и бифронтальное ядрища, торцовый одноплощадочный монофронтальный нуклеус и три нуклевидных обломка.

Среди сколов преобладают отщепы (360 экз.) среднего и крупного размера, укороченных пропорций (52%), с гладкой или естественной остаточной ударной площадкой без подправки карниза (50 и 25% соответственно). Огранка большинства отщепов неопределима (38%), распространены сколы с гладкой или естественной дорсальной поверхностью (23 и 24% соответственно). Леваллуазский метод расщепления характеризуют три атипичных острия с тщательно оформленной выпуклой в плане ударной площадкой, однако без характерной Y-образной дорсальной огранки (рис. 1.-10–11). В составе сколов имеется также одна пластина.

Более половины коллекции составляют отходы производства, включающие колотую гальку, 626 обломков и осколков и 17 чешуек.

В орудийном наборе (17 экз.) присутствуют три атипичных леваллуазских острия, продольное выпуклое скребло с утонченным обушком-гранью (рис. 1.-9), продольное выпуклое зубчатое орудие, два поперечных выемчатых орудия, восемь отщепов с ретушью и два неопределимых фрагмента орудий.

В пределах слоя 19 обнаружено 1905 каменных артефактов. Инструменты для расщепления представлены двумя целыми отбойниками и одним фрагментом.

Типологически определяемые ядрища включают радиальные моно- (4 экз.) (рис. 2.-5) и бифронтальные (9 экз.) (рис. 2.-4) изделия, леваллуазский нуклеус для отщепов и нуклеусы типа комбева (5 экз.), одноплощадочный монофронтальный параллельный плоскостной нуклеус (рис. 2.-7) и двуплощадочный монофронтальный нуклеус со встречным скалыванием. Кроме того, в коллекции 18 нуклевидных обломков.

В составе сколов преобладают отщепы (60 экз.), преимущественно мелкого размера, короткие или укороченные (57%), с гладкой (50%) или неопределимой (14%) остаточной ударной площадкой без редукции карниза. Дорсальная огранка отщепов продольная одно- или бинаправленная (25 и 8% соответственно), однако, чаще неопределимая (41%). Более чем у половины сколов сохранились участки галечной поверхности (57%).

Немногочисленные пластины (13 экз.) имеют гладкую или линейную остаточную ударную площадку и продольную одно- или бинаправленную дорсальную огранку. Два изделия с выпуклой тщательно фасетированной ударной площадкой могут быть продуктами леваллуазского расщепления.

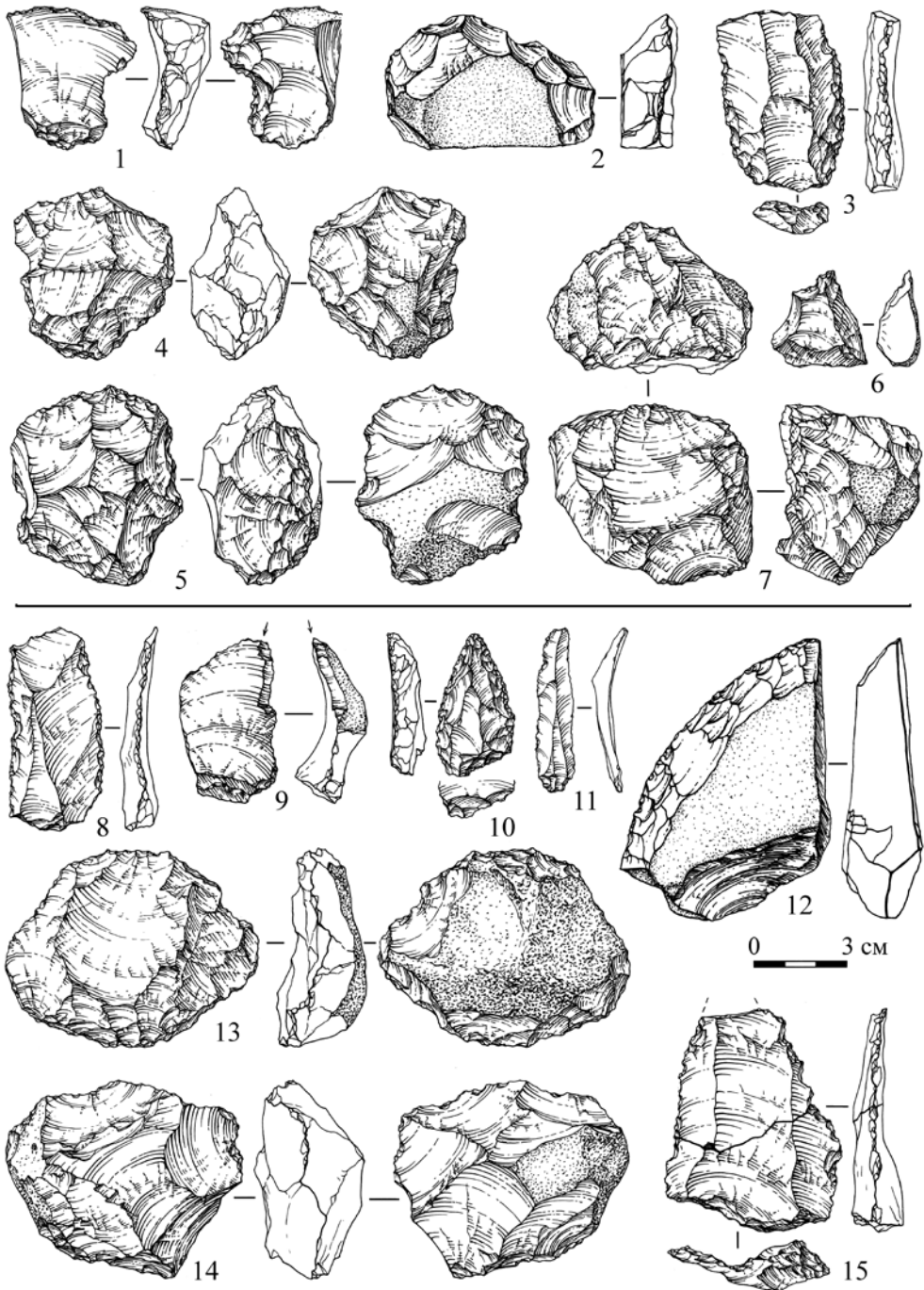

Рис. 2. Каменный инвентарь из слоев 19 (1–7) и 14 (8–15) в южной галерее Денисовой пещеры: 1 – выемчатое орудие; 2 – зубчатое орудие; 3, 12 – скребла; 4, 5, 7, 13, 14 – нуклеусы; 6 – шиповидное орудие; 8 – пластина с ретушью; 9 – резец; 10 – мустьерский остроконечник; 11 – пластина; 15 – леваллуазское острие

Отходы производства включают 19 колотых галек, 1122 обломка и осколка, 49 чешуек.

Изделий с вторичной обработкой – 89 экз. Скребла представлены продольными одинарными (2 экз.) и двойными (2 экз.) (рис. 2.-3) формами с прямым лезвием. В числе зубчатых орудий отмечены изделия с продольным выпуклым (3 экз.), поперечным выпуклым (4 экз.) (рис. 2.-2), конвергентными и угловатыми (2 экз.) лезвиями, а также с обработкой по периметру. Выемчатые орудия – продольные (4 экз.) (рис. 2.-1), поперечное и угловое. Шиповидные орудия – срединные (2 экз.) (рис. 2.-6) и угловое. Долотовидное орудие – 1 экз. Дополняют коллекцию отщепы с ретушью (44 экз.), неопределимые фрагменты орудий (8 экз.), сколы с вентральной оббивкой продольных краев (7 экз.) и отщепы с удаленной остаточной ударной площадкой (5 экз.).

Для отложений слоя 14 получены ОСЛ-даты в диапазоне от 120,8±9,6 до 106,2±9,5 тыс. л.н. Коллекция каменных артефактов из этого слоя – 1555 экз. Инструментарий представлен шестью фрагментированными отбойниками с участками интенсивной забитости.

Для первичного расщепления характерны одноплощадочные монофронтальные параллельные плоскостные нуклеусы (3 экз.), радиальные моно- (3 экз.) и бифронтальные (2 экз.) (рис. 2.-14) ядрища и леваллуазский нуклеус для отщепов (рис. 2, 13). Нуклевидные обломки – 8 экз.

Среди сколов большинство составляют отщепы – 624 экз., в основном удлиненные (54%), средние и крупные. Значительная часть отщепов имеет гладкую остаточную ударную площадку (52%), затем следуют сколы с линейной (17%) или естественной (15%) площадкой. Отмечены изделия с подправкой карниза остаточной ударной площадки с помощью обратной редукции (3%). Дорсальная огранка отщепов преимущественно неопределимая (35%) и в меньшей степени – продольная одно- или бинаправленная (21 и 7% соответственно).

Пластины (рис. 2.-11) – 12 экз. Имеют разные типы остаточной ударной площадки: линейную (3 экз.), гладкую (2 экз.), точечную (2 экз.), двугранную (1 экз.) и фасетированную (1 экз.). Дорсальная огранка пластин продольная одно- или бинаправленная.

В числе сколов отмечено пять удлиненных леваллуазских острий (рис. 2.-15). Для этих изделий характерна выпуклая в плане тщательно фасетированная ударная площадка. Дорсальная огранка в целом Y-образная, с негативами дистальных и латеральных подправок.

Основную часть коллекции из этого слоя составляют отходы производства: колотые гальки – 32 экз.; обломки и осколки – 846 экз.; чешуйки – 13 экз.

Орудийный набор – 48 экз. Скребла – продольные с выпуклым (3 экз.) или прямым лезвием, диагональные выпуклые (4 экз.) (рис. 2.-12), двойное продольное прямое и конвергентное. Мустьерские остроконечники (рис. 2.-10) – 2 экз. Леваллуазские острия без обработки – 3 экз. Зубчатые орудия выполнены в продольном (3 экз.) и поперечном вариантах с выпуклым лезвием. Выемчатые орудия (5 экз.) продольные, с ретушированным анкошем. Шиповидные срединные орудия – 2 экз. Орудийные формы т.н. верхнепалеолитической группы представлены двумя угловыми резцами (рис. 2.-9) и тронкированно-фасетированным сколом. Дополняют набор изделий с вторичной обработкой отщепы (15 экз.) и пластина (рис. 2.-8) с ретушью, а также неопределимые фрагменты орудий (3 экз.).

Заключение

Археологические материалы из нижней и средней части плейстоценовой толщи южной галереи отражают развитие каменных индустрий на нескольких этапах среднего палеолита. Материалы из верхней части слоя 22 в южной галерее вместе с индустриями из горизонтов 22.2 и 22.1 в центральном зале [Природная среда..., 2003, с. 114–118] связаны с первоначальным заселением пещеры на ранней стадии среднего палеолита в период МИС 8. Для этих индустрий характерно радиальное, ортогональное и бессистемное раскалывание. Несколькими образцами представлены плоскостные параллельные и леваллуазские ядрища для отщепов. В орудийном наборе преобладают скребла, зубчатые, выемчатые и шиповидные формы. Отмечены продукты леваллуазского расщепления, а также сколы с вентральной оббивкой продольных краев и с удаленной остаточной ударной площадкой.

Наиболее близкое культурное и, скорее всего, хронологическое соответствие с комплексом из слоя 21 в южной галерее имеют материалы из слоев 21 и 20 в центральном зале [Природная среда..., 2003, с. 118–119] и слоев 15 и 14 в восточной галерее [Козликин, 2017] пещеры, которые соответствуют МИС 7. Эти индустрии характеризуются радиальным раскалыванием, разными типами зубчатых, выемчатых, шиповидных орудий и скребел; обилием сколов с вентральной оббивкой продольных краев и с удаленной остаточной ударной площадкой.

Дальнейшее развитие среднепалеолитических традиций отражают материалы из слоев 20, 19 и 14 в южной галерее, которые, скорее всего, формировались в конце МИС 6 и в первой половине МИС 5 после перерыва в осадконакоплении. Аналогичные комплексы получены из слоев 19–14 в центральном зале [Природная среда..., 2003, с. 118–126] и слоев 12, 11.4 в восточной галерее [Козликин, 2017] пещеры. В индустриях этого времени были распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией представлены леваллуазские ядрища для отщепов и пластин. Присутствуют единичные подпризматические нуклеусы. В этой индустрии, по сравнению с комплексом ранней стадии среднего палеолита, увеличивается доля удлиненных отщепов, появляются регулярные пластины. В орудийном наборе на фоне преобладания разных типов скребел сохраняется хорошо выраженный зубчато-выемчатый компонент, присутствуют сколы с вентральной оббивкой продольных краев и с удаленной остаточной ударной площадкой. В небольшом количестве представлены леваллуазские острия. Появляются изделия верхнепалеолитической группы.

Библиографический список

Деревянко А.П., Шуныков М.В., Анойкин А.А., Ульянов А.В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. VI. С. 93–98.

Деревянко А.П., Шуныков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 82–87. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.082-086

Деревянко А.П., Шуныков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой

пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 103–107.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Черников И.С., Колобова К.А. Новые результаты исследований среднепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 112–116.

Козликин М.Б. Палеолитические комплексы восточной галереи Денисовой пещеры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 26 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Аноikin А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 448 с.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // *Nature*. 2019. Vol. 565. No. 7741. P. 594–599. DOI: doi.org/10.1038/s41586-018-0843-2

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // *Nature*. 2019. Vol. 565. No. 7741. P. 640–644. DOI: doi.org/10.1038/s41586-018-0870-z

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadzhanian A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva E.M., Uliyanov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoin A.A. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya [Natural Environment and the Man in the Paleolithic Mountains of Altai]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2003. 448 p.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Anoin A.A., Uliyanov A.V. Novye rezul’taty issledovaniy verkhne-paleoliticheskogo kompleksa Denisovoi peshchery [New Results of Studies of the Upper Paleolithic Complex of the Denisova Cave]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2000. Vol. VI. Pp. 93–98.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Mikhienko V.A. Novye dannye po kamennym industriyam srednego i verkhnego paleolita iz yuzhnoi galerei Denisovoi peshchery [New Data on the Stone Industries of the Middle and Upper Paleolithic from the Southern Gallery of the Denisova Cave]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2018. Vol. XXIV. Pp. 82–87. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.082-086

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Shalagina A.V. Novye rezul’taty issledovaniy verkhnepaleoliticheskogo kompleksa v yuzhnoi galeree Denisovoi peshchery [New Results of Studies of the Upper Paleolithic Complex in the Southern Gallery of the Denisova Cave]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2017. Vol. XXIII. Pp. 103–107.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Uliyanov V.A., Chernikov I.S., Kolobova K.A. Novye rezul’taty issledovaniy srednepaleoliticheskogo kompleksa Denisovoi peshchery [New Results in the Research of Middle Paleolithic Complex Denisova Cave]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2003. Т. IX. Ч. 1. С. 112–116.

Kozlikin M.B. Paleoliticheskie komplekсы vostochnoi galerei Denisovoi peshchery: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Paleolithic Complexes of the Eastern gallery of the Denisova Cave: Synopsis of the Dis. ... Cand. of Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2017. 26 p.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of Archaic Hominin Occu-

pation of Denisova Cave in Southern Siberia. *Nature*. 2019. Vol. 565. No. 7741. pp. 594–599. DOI: doi.org/10.1038/s41586-018-0843-2.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age Estimates for Hominin Fossils and the Onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature*. 2019. Vol. 565. No. 7741. pp. 640–644. DOI: doi.org/10.1038/s41586-018-0870-z.

M.V. Shunkov¹, M.B. Kozlikin¹, V.A. Mikhienko²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

²Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

THE MIDDLE PALEOLITHIC STONE TOOL INDUSTRIES FROM SOUTH CHAMBER OF DENISOVA CAVE: BASED ON THE DATA FROM THE 2003 EXCAVATIONS

Research work resumed in South Chamber of Denisova cave in Altai requires a complete introduction of previously obtained collections into scientific use and the refinement of the techno-typological characteristics in these stone tool industries.

This publication presents the results of a technical and typological analysis of stone industries from layers 22–19 and 14 in the mouth area of the southern chamber.

The initial stages of the settlement of the cave characterize materials from the upper part of layer 22 and from layer 21, which were formed during the periods of MIS 8 and MIS 7, respectively. These industries are characterized mainly by radial splitting, various types of toothed, notched, spinous tools and scrapers, an abundance of chips with ventral upholstery of the longitudinal edges and with a remote residual impact platform. Further development of the Middle Paleolithic is reflected in the materials materials from layers 20, 19 and 14, which were most likely formed at the end of MIS 6 and in the first half of MIS 5 after a break in sedimentation. In the industries of this time, planar parallel and radial cores were distributed. A small series presents Levallois cores for flakes and plates. In the tool set against the background of the predominance of different types of the scraper, a well-pronounced gear-notched component is preserved. There are products of the Upper Paleolithic group.

Key words: Altai Mountains, Denisova Cave, Middle Paleolithic, stone tool industry, primary flaking, tool assemblage.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903.5(517)

S. Saran¹, S. Tengis¹, D. Nyamdorj², G. Enkhbat² and Ts. Turbat³

¹*Institute of Physics and Technology, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia;*

²*National Center of Cultural Heritage, Ulaanbaatar, Mongolia;*

³*Institute of History and Archaeology, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia*

ANALYSIS OF A LACQUER CUP FROM THE XIONGNU GRAVE IN TAMIR VALLEY, MONGOLIA*

The Xiongnu Empire (3rd century BCE to the 1st century CE) controlled the Central Asia regions of the Silk Road; the economic and cultural relations with Han are evidenced by the availability of Chinese lacquered objects in the Xiongnu burials in Mongolia. This work focuses on the characterization of materials from fragmented pieces of a lacquer cup excavated in Tamir Valley, Arkhangai province (Central Mongolia), which dates to the Xiongnu period. Multi-analytical spectroscopic techniques were performed, including scanning electron microscopy by X-Ray energy dispersive spectroscopy and FTIR spectroscopy. The results show that the lacquer cup fragments consist mainly of a three-layer structure, which include a lacquer pigment layer, a fiber layer and a wood foundation layer. The lacquer ground layer under study is a mixture of organic materials including urushi, possibly burned ashes and inorganic fillers such as quartz and feldspar. Further, this work will focus on comparing the lacquer ware excavated in different places and from the same period in order to provide information for further studies such as the chronological distribution of lacquerwares in Mongolia.

Key words: lacquerware, Xiongnu, FTIR, SEM-EDX.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-06

Introduction

Lacquerware was an important invention of ancient Asia. The invention of the raw lacquer coating quickly drew attention with its use as both as a protective layer and for its decorative properties [Wang et al., 2017, p. 105–120]. Lacquer work is today recognized as one of the centrally distinctive components of Han material culture (206 BCE – 220 CE) and the period 206 BC – 8 AD was the apogee of Han Chinese lacquer art [Louis, 2006, p. 48–53]. It is remarkable, that Han lacquers have been found not only in Chinese burials, but in areas far beyond the ancient Han frontier, as far north as Lake Baikal and as far west as Bergam in Afganistan [Louis, 2006, p. 48–53]; these are explained in terms of economic relations and trade along the Silk Road. The confirmations of that are the Han Dynasty Chinese lacquerware cups discovered in the Xiongnu cemeteries between Ulaanbaatar and Lake Baikal [Miniaev, 1998; Torbat, Erdenebat, Seveendorzh, 2003], but also in Altai [Tishkin, Khavrin, Novikiva, 2008]. But the most abundant evidence came from the P.K. Kozlov's expedition of 1924–1925, which discovered the Xiongnu elite burials at Noin Ula and by the Russian-Mongolian expedition in 2009–2012 [Tseveendorj et al., 2010, p. 255–273; Polos'mak et al., 2013, p. 102–118]).

An important part of earlier research focused on the study of inscriptions, since the interpretation of the Chinese characters carved on the bottom of the lacquer cups helped to identify the workshop where it was restored or improved. Based on the inscriptions, the Xiongnu cemetery at Tsaraam complex in Transbaikalia date to the period between 8 BCE and 4 CE [Pirazzoli-t'Serstevens, 2007, p. 56–58]. The lacquerware from the Gol Mod I site in Khaikhan

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда науки и технологии Монголии (проект ССТ_2017/063).

sum, Arkhangai (Mongolia) was made in the Gonggong imperial workshop in 16 BCE [Yerul-Erdene and Otani, 2015, p. 104–108]. In Noin Ula, Tomb 6 was dated with regard to the inscription on the lacquer bowl, which was produced in the 2nd year BC, providing a *terminus post quem* [Pirazzoli-t-Serstevens, 2007, p. 56–58], while the lacquerware from the tomb 20 of Noin Ula date to the first century AD [Chistyakova, 2011, p. 83–89].

In addition, based on the independent age for the burial site provided through the lacquered Chinese cups inscribed with Chinese characters, which date back to the fourth year of the Yuanyan Era, i.e., ninth year BCE [Polos'mak et al., 2013, p. 102–118]. First luminescence measurements were carried out on quartz single grains from clay sediment and feldspar fine grains from potteries, and the luminescence results were in agreement with independent age [Solongo et al., 2017] for the Xiongnu burial site at Noin Ula.

Many scholars have made substantial achievements in researching the excavated lacquers, and more attention has been drawn to the lacquer production techniques. The chemical composition and structure of the coatings of the unique Han Dynasty Chinese lacquerware eared cups in the collection of the State Hermitage Museum, Russia were investigated by optical microscopy, cross-section, FTIR and X-ray analysis [Elikhina, Novikova, Khavrin, 2014, p. 93–107]. A multi-analytical investigation was also carried out on the lacquer objects from Noin-Ula excavated by the Mongolian-Russian expeditions that identified the components of the drying oil and urushiol [Karpova et al., 2017, p. 336–344]. Archaeological lacquer that was collected by the Mission Archéologique Française en Mongolie (MAFM) during the excavation of the tomb T20 of the Xiongnu necropolis at Gol Mod, Central Mongolia (dated between the 1st century BC and the 1st century AD), was studied by [Le Hô et al., 2013, p. 5685–5685]. In addition, the lacquerwares collected from burials in Transbaikalia, e.g. Ivolga and Altai were studied by [Novikova, Marsadolov, Tishkin, 2018, p. 106–143] using FTIR and TGA methods to characterize the materials used for manufacturing and decoration.

This study investigates the most recent Han lacquer artifacts found from a number of Xiongnu cemeteries in the Tamir River Valley in Mongolia [Turbat, 2004, p. 186–196]. SEM-EDX and FTIR measurements were applied on the multilayered lacquerware fragments with the intention to answer questions such as: What is each layer made of? What are the minerals that make the red and black pigment? How different is this lacquer cup to those earlier findings e.g. at the Xiongnu burials at Noin Ula?

Materials and Methods

Archaeological site and samples. Tamir's Ulaan Khoshu cemetery is located 450 km west of Ulaanbaatar, north of the Tamir River, 10 km west of Orkhon and Tamir confluence; these Xiongnu monuments are among the typical for the social middle layer, but they are extraordinary to other Mongolian monuments [Turbat Ts., 2003]. First of all, in contrast to the fact that most Xiongnu burials are directed to the north, these were directed to the left. The grave goods such as horses and other animals are rare, but also weaponry does not play a significant role among the grave goods. However, there is an unusual high amount of ceramics and vessels; among them ten pottery vessels of every form, iron vessel, iron chests and bronze seals. Chinese lacquer often appears as inventory at this site, as around 14 lacquerware fragments have been found in burials №24, 34, 36, 39 and 40, excavated in 2017 by the Mongolian-French joint archaeological team. The lacquercup TUK2017, T24 is shown in Fig. 1; a kind of “cloud” ornament is typical for the Han style [Elikhina, Novikova, Khavrin, 2014, p. 93–107]. The object was in poor condition at the time of excavation (Fig. 1) and taken for a technical study at the National Center of Cultural Heritage of Mongolia.

Figure 1. Lacquercup TUK2017, T24, L8, N18 found at Tamir Valley, Arkhangai aimag, in 2017

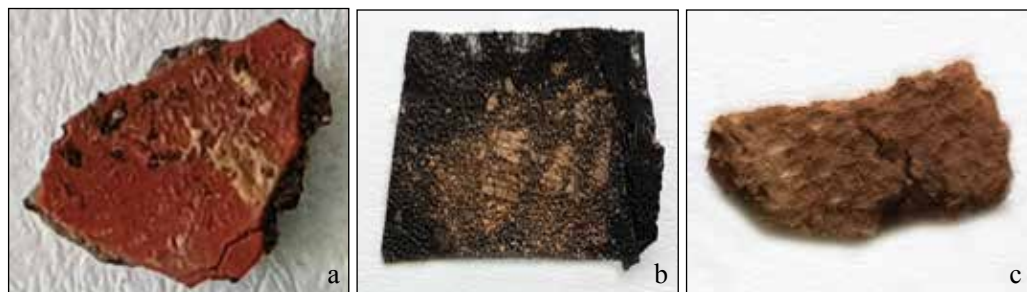

Figure 2. The fragments of lacquer cup:
(a) the lacquer pigmented layer; (b) black fibre layer; and (c) wood foundation layer

Analytical methods. A detailed physical and chemical characterization of the lacquerware has been widely used by recent researchers [Elikhina, Novikova, Khavrin, 2014, p. 93–107; Karpova et al., 2017, p. 336–344; Hao et al., 2017, p. 8446; Novikova et al., 2018, p. 106–143], and focused on the production process and the technique of the ground layer, the lacquer layer and the pigmented layers by the use of multiple analytical methods such as Fourier Transform Infrared (FTIR) Spectroscopy, and Scanning Electron Microscopy by X-Ray Energy Dispersive Spectroscopy (SEM-EDS).

Analysis by FTIR. Infrared analysis has been used to provide a unique spectral pattern of organic and inorganic functional groups present in urushi-oil lacquer components. Three different parts of the lacquer cup were analyzed individually by infrared spectroscopy using an Fourier Transform Infrared Spectrometer, model Shimadzu Prestige-21 with a heat stabilized DLATGS, InGaAs detector in the spectral range of 350–7800 cm^{-1} . The spectra were collected at 128 scans and a resolution of 2 cm^{-1} . Samples were hand pressed and prepared by mixing the sample with KBr at a ratio of 1:100.

Analysis by SEM-EDS. Scanning electron microscope (pSEM) and energy-dispersive X-ray spectroscopy (EDS) measurements were completed using a Hitachi TM-3000 (Hitachi High-Technologies Corporation, Japan) at the Mongolian University of Science and Technology.

Results and discussion

In the following we characterize the lacquer fragments TUK2017, T24 from the Tamir Valley (Arkhangai, Mongolia) and compare them to the aforementioned lacquer samples.

FTIR spectra. FTIR spectra of the lacquer pigmented layer, fibre layer and wood foundation layers are displayed in Fig.3. The main features seen in the three FTIR spectra are almost identical, FTIR analysis identified the characteristic absorption bands for urushiol at 3440 cm⁻¹, 2930 cm⁻¹, 2859 cm⁻¹, 1710 cm⁻¹, 1688 cm⁻¹, 1636 cm⁻¹, 1559 cm⁻¹, 1420 cm⁻¹, and 1030 cm⁻¹ which are in good accordance with the infrared spectra of Chinese lacquers [Derrick et al., 1988] and of the Mongolian archaeological lacquerware chariot from the Gol Mod site [Le Hô et al., 2013, p. 5685–5685], whereas the spectrum for a dried film of raw urushi (from the IRUG database) showed certain spectral differences. It is known that a specific peak at 3440 cm⁻¹ is due to O-H stretching, and the peaks near 2930 and 2859 cm⁻¹ are due to C-H stretching; the absorption peak at 1030 cm⁻¹, along with the absorbance at 776, 785 and 694 cm⁻¹ suggested the existence of the Si-O-Si bond [Saran et al., 2016, p. 143–149], indicating the existence of quartz in all three fragments. The bands at 3620 and 3698 cm⁻¹ are due to clay, indicating the existence of quartz sand that may have been used as an additive in the manufacturing process. This is also in accordance with the previous results; e.g. in the lacquerwares from burials in Noin Ula [Elikhina, Novikova, Khavrin, 2014, p. 93–107; Karpova et al., 2017, p. 336–344] the absorption bands at 1031, 801, 783, 670, 524 and 467 cm⁻¹ were identified and assigned them to the silicates.

As can be seen from the spectra, in the lacquer-pigmented layer, the silicate absorption bands dominate, while the highest amount of organics is present in the black fiber layer, where the absorption bands at 1570 cm⁻¹ and 1420 cm⁻¹ corresponding to the vibration of carboxylates of calcium soaps [Karpova et al., 2017, p. 336–344] are becoming dominant. One or more binding media, such as drying oil, animal gelatin, or some inorganic minerals, are usually added to the lacquer film and the lacquer ash [Hao et al., 2017, p. 8446]. The additives mixed into the lacquer not only protect and polish the lacquer surface, but also improve the process of coloring the lacquer with various pigments.

It is worth noting, that the FTIR results demonstrate similar compositions of the lacquer-cup TUK2017,T24 with the spectra of lacquercup 44-31 (lacquer cup from burial 31 Noin Ula), investigated by [Karpova et al., 2017, p. 336–344]. Similarities were also found to the lacquer-cup MR-2304, studied by J. Elikhina, O. Novikova, S. Khavrin [2014]. First of all, the silicate absorption bands are dominant; furthermore, the absorption bands at 1653, 1453, 1034, 604 and 564 cm⁻¹ which are assigned to hydroxyapatite [Karpova et al., 2017, p. 336–344], that are dominant in their samples 77–22 and 44–31, are also pronounced in our sample TUK2017,T24.

J. Elikhina, O. Novikova, S. Khavrin [2014] reported that in the composition of some coatings small amounts of tung oil (the so-called “wooden” oil) were observed, as the absorption band at 712cm⁻¹ is detected in the spectra. It is worth mentioning that tung oil was absent in the lacquer coatings from Ivolga and Altai region [Novikova, Marsadolov, Tishkin, 2018, p. 106–143], which excluded the possibility of adding tung oil to those lacquer wares. FTIR analysis provided evidence for the presence of low levels of tung oil in the lacquercup TUK2017, similar to Noin Ula’s lacquercup 44-31, and MR-2304, investigated by [Karpova et al., 2017, p. 336–344] and [Elikhina, Novikova, Khavrin, 2014, p. 93–107], respectively.

Even if the durability of lacquer has been demonstrated in Asia with a few well preserved archaeological remains, lacquer objects under study suffered from alteration under

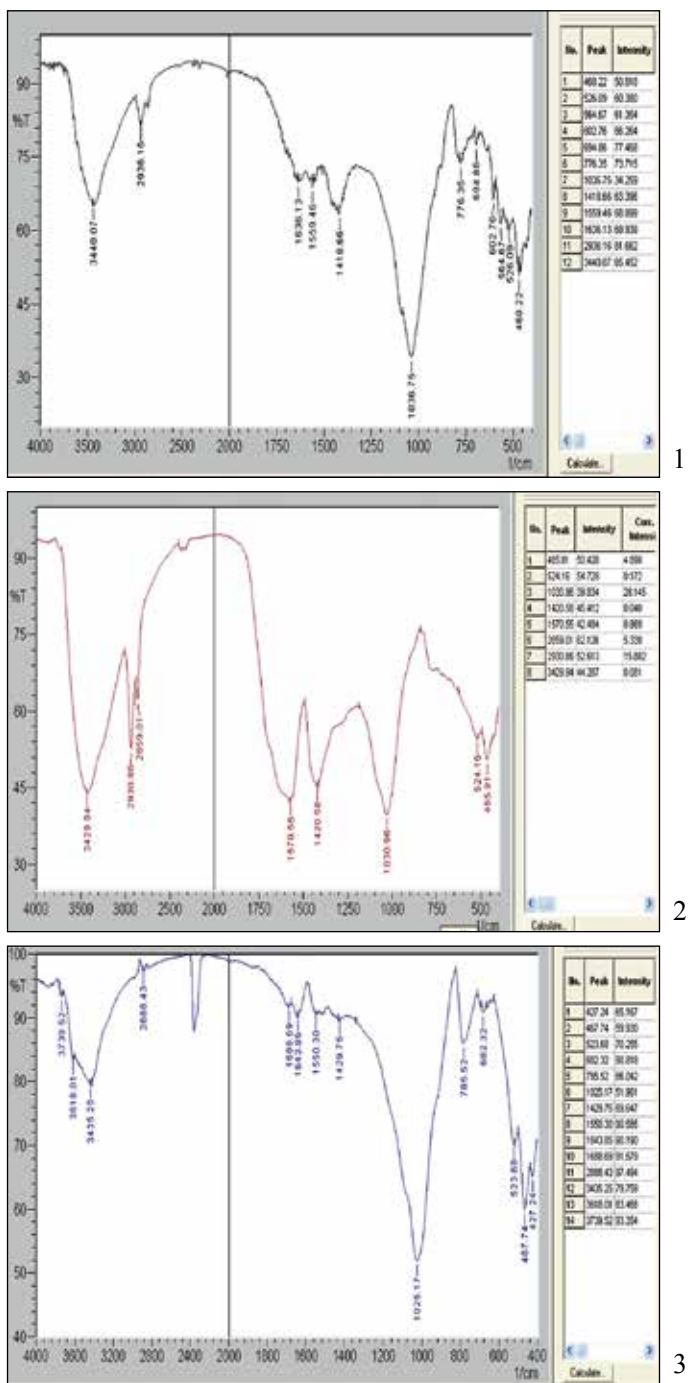

Figure 3. FTIR spectra obtained on different parts of the lacquer cup: (1) lacquer pigmented layer, (2) fiber layer and (3) wood foundation layer. FTIR spectra of lacquer layer showing bands at 3440 cm⁻¹, 2930 cm⁻¹, 2859 cm⁻¹, 1710 cm⁻¹, 1688 cm⁻¹, 1636 cm⁻¹, 1559 cm⁻¹, 1420 cm⁻¹, and 1030 cm⁻¹ and traces of 712 cm⁻¹. Hydroxyapatite is identified at 1653, 1453, 1034, 604 and 564 cm⁻¹

the effect of relative humidity or light exposure. The band at 1710 cm^{-1} is due to the carbonyl group vibration [Le Hô et al., 2013, p. 5685–5685], which may be caused by lipidic organic matter. Furthermore, the peak at 1710 cm^{-1} generally has a stronger intensity than the peak at 1630 cm^{-1} in the FTIR spectra of lacquer [Le Hô et al., 2013, p. 5685–5685], which can be seen from the spectra from the lacquerware from Tamir Valley and this is similar to the samples from the archaeological lacquerware from the Gol Mod site; peaks observed at 1710 cm^{-1} are too vague to be even discerned, compared to very strong peaks at 1630 cm^{-1} , indicating the formation of oxidation products. In summary, the FTIR spectra showed the degradation of the archaeological lacquer; we conclude that a careful excavation method is required for such an object that involves protection from light and dehydration for restoration to be successful.

Lacquer pigmented layer. The SEM observations in Figure 4 show quartz particles with different sizes. EDS elemental mapping show high contents of elements Si, Ca, Al, Mg, K, P, Fe and Cu; it clarified that the composition of the lacquer matrix contains quartz and feldspar, as previously confirmed by the FTIR analysis of the lacquer ground layer. The ground layer included both urushiol and silica; this is consistent with previous results [Ma et al., 2017, p. 121–132; Karpova et al., 2017, p. 336–344], which indicate that the ground layer consist of urushi oil and tree oil with inorganic fillers such as quartz, albite and K-feldspar. Fig. 4

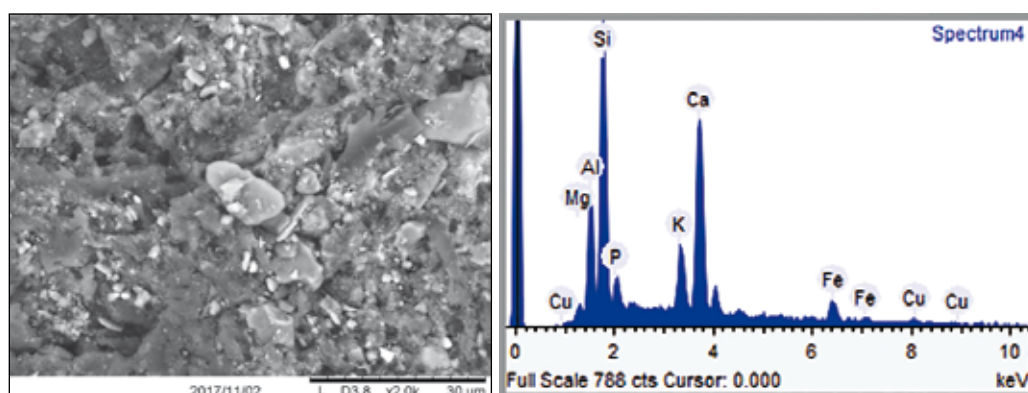

Figure 4. SEM and EDX analyses of the pigment of the lacquer ground layer fragments

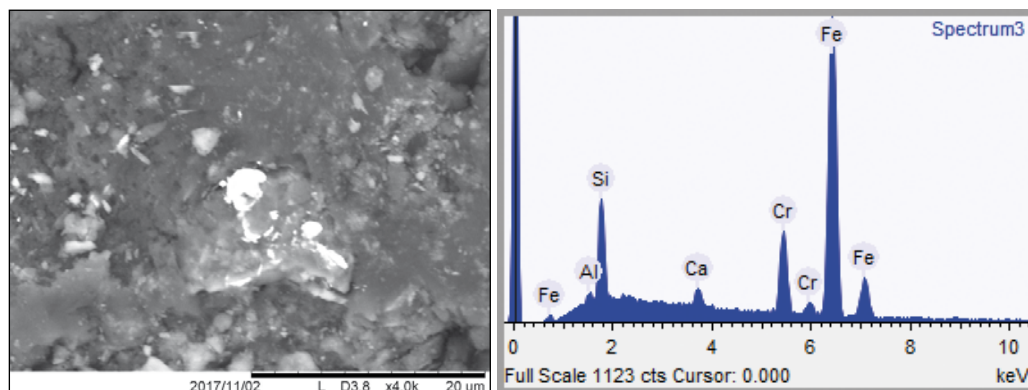

Figure 5. SEM and EDX analyses of the pigment of the lacquer ground layer fragments

illustrates high content of Ca and P which imply, that the white pigment layer consists of hydroxyapatite $[\text{Ca}_{10}(\text{PO}_4)_6(\text{OH})_2]$ [Wang et al., 2017, p. 105–120], the main inorganic component of bones indicating the possibility of adding animal bone ashes as filler into the ground when making lacquerware, as suggested elsewhere in the literature [Jin et al., 2012, p. 108–111]. The presence of hydroxyapatite was confirmed by FTIR analysis. Fig. 5 shows high content of Fe indicating that the black layer is due to iron oxides as was suggested in the literature [Ma et al., 2017, p. 121–132].

Fiber layer. The SEM observations in Fig. 6 show traces of residuals of silicate clay, quartz, albite and potassium feldspar cemented on the lacquerware ground fragment. EDX elemental mapping indicated presence of Fe, Cu and S; the presence of S is mainly associated with the existence of cinnabar, while that of the Fe tends to make the lacquer become dark-colored, or even black [Ma et al., 2017, p. 121–132]. SEM observation of a spot corresponds to Sn (10 μm), indicating that tin was coated on to the ground layer.

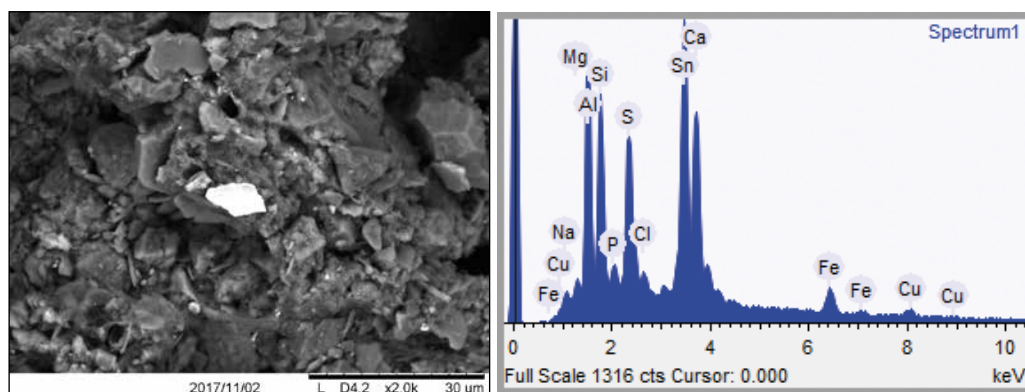

Figure 6. SEM and EDX analyses of the textile fragment

Wood foundation layer. SEM observations of the wood foundation layer showed presence of Si, K, Fe, Al, and Mg and they most likely derive from the clays present in the inner layers of the sample. EDX elemental mapping in Fig. 7 showed the presence of cinnabar (HgS) and minor traces of clay, as detected using SEM-EDX. The SEM shows cinnabar of a particle size 2 to 5 μm .

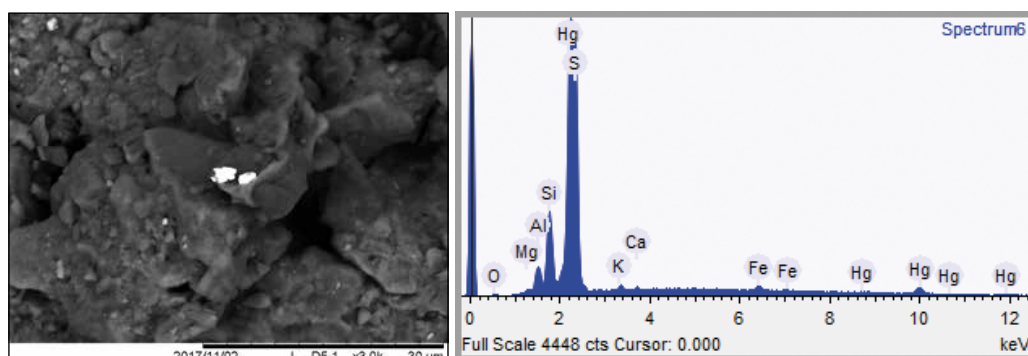

Figure 7. SEM and EDX analyses of the wood foundation layer.
The spot corresponds to cinnabar (HgS)

Conclusion

In this paper, a lacquer TUK2014,T24 excavated from the Xiongnu tomb in Tamir Valley (central Mongolia) was analyzed using FTIR and SEM-EDX and compared with the previous studies on the unearthed lacquerwares in Xiongnu elite burials at Noin Ula. The composition of the lacquer-pigmented layer, fiber layer and wood foundation layer was identified; the lacquer ground layer consisted of urushi oil with inorganic and organic fillers such as quartz, albite and K-feldspar. The Decorative red pigment was identified as cinnabar (HgS) and black pigments as iron oxide. The presence of hydroxyapatite was detected, indicating the possibility of adding animal bone ashes as filler into the ground when making lacquerware. As suggested earlier in the literature, the presence of 712 cm^{-1} lead us to conclude that tung oil may have been added to the lacquer from Tamir Valley during the manufacturing process. The results illustrate the similarity of the composition of the lacquerware TUK2014,T24 from Tamir valley to the sample 44-31 from Noin Ula. However, the studies were limited by the number of samples and the amount of data available for comparison.

Acknowledgments

Saran Solongo acknowledges the financial support from the Mongolian Science and Technology Foundation Research Grant Nr. SS_2017/63. The authors are grateful to Prof. Naemura, the Nagoya field laboratory at the Mongolian University of Science and Technology for providing access to SEM-EDX facilities. Ts. Turbat acknowledges French partners Prof. Eric Crubezy, University of Toulouse, Dr. Darya Nikolaeva, Sylvie Dushesne and Benjamin Girard from French archaeological mission in Mongolia for productive cooperation in fieldwork.

References

- Chistyakova A.N. Lacquer Cups of the Western Han Dynasty (Noin Ula, Mongolia): an Analysis of Inscriptions // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2011. №39. P. 83–89. DOI: 10.1016/j.aae.2012.02.009
- Derrick M., Druzik C., Peusser F. FTIR Analysis on Authentic and Stimulated Black Lacquer Finishes on Eighteenth Century Furniture // *Urushi: Proceedings of the Urushi Study Group*. / N.S. Brommelle, P. Smith (Eds.). Tokyo : The Getty Conservation Institute, Dai Nippon, Japan, 1985.
- Elikhina J., Novikova O, Khavrin S. Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the Collection of Noyon-Uul, the State Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and Natural Science // *Asian Archaeology*. 2014. №2. Pp. 93–107.
- Hao X., Wu H., Zhao Y., Tong T., Li X., Yang C., Tang Y., Shen X., Tong H. Analysis on the Composition / Structure and Lacquering Techniques of the Coffin of Emperor Qianlong Excavated from the Eastern Imperial Tombs // *Scientific Reports*. 2017. №7. DOI:10.1038/2Fs41598-017-08933-8
- Jin, P., Hu, Y., Gu, X., and Ji, X. Research on the Making Techniques about Lacquer Plaster Layer of Lacquer Wares Excavated from Jiuliandun Tombs // *Jiangnan Archaeology*. 2012. №4. Pp. 108–111.
- Karpova E., Nefedov A., Mamatyuk V., Polosmak N., Kundo L. Multi-analytical Approach (SEM-EDS, FTIR, Py-GC/MS) to Characterize the Lacquer Objects from Xiongnu Burial Complex (Noin-Ula, Mongolia) // *Microchemical Journal*. 2017. №130. P. 336–344. DOI:10.1016/j.microc.2016.10.013
- Le Hô A.-S., Duhamel C., Daher C., Bellot-Gurlet L., Paris C., Regert M., Sablier M., André G., Desroches P., Dumas P. Alteration of Asian Lacquer: In-depth Insight Using a Physico-Chemical Multiscale Approach // *Analyst*. 2013. №138. Pp. 5685–5685.
- Louis F. Han Lacquerware and the Wine Cups of Noin Ula // *The Silk Road*. 2006. №4/2. Pp. 48–53.
- Ma X., Shi Y., Khanjian H., Schilling M., Li M., Fang H., Cui D., Kakoulli I. Characterization Of Early Imperial Lacquerware From The Luozhuang Han Tomb, China // *Archaeometry*. 2017. №59. P. 121–132. DOI:10.1111/arc/12226
- Miniaev S. Dyrestuiskii mogil'n [Dyrestuisky Burial]. *Arkheologicheskie pamiatniki Siunnu [Archaeological Sites of Xioungnu]*. St. Petersburg : Evropeiskii dom, 1998. 118 p.

Novikova O.G., Masadolov L.S., Tishkin A.A. Kitayskiye lakovyye izdeliya v Zabaykal'ye i na Altaye v khunnuskoye vremya [Chinese Lacquer Products in Transbaikalia and Altai during the Xiongnu Time]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy*. [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №1. Pp. 106–143. DOI: 10.14257/tpai(2018)1(21).-09

Pirazzoli-t'Serstevens A. Chinese Inscription from a Xiongnu Elite Barrow in the Tsaraam Cemetery // *The Silk Road*. 2007. №5/1. P. 56–58.

Polos'mak N., Bogdanov E., Tseveendorj T., Erdene-Ochir N. The Suzukteh Mound 22, Mongolia: The Burial Rite // *Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013. №41. P. 102–118.

Saran S., Tengis S., Orgil B. RHX Dating of archaeological Pottery: Preliminary Results // *Preprints of the Institute of Physics and Technology*. 2016. №43. P. 143–149.

Solongo S., Tengis S., Erdene-Ochir N., Hublin J.-J. Testing the pIRIR on Pottery and SG-OSL on Clay Sediment from the Known age Xiongnu “Royal” Tomb at Noin Ula, Mongolia // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. DOI: 10.1007/s12520-017-0570-x

Tishkin A.A., Khavrin S.V., Novikova O.G. Kompleksnoye izucheniye nakhodok laka iz pamyatnikov Yaloman-II i Shibe (Gornyy Altay) [Comprehensive Study of Lacquer Finds from the Yaloman-II and Shibe (Mountain Altai) Sites]. *Drevniye i srednekovyye kochevniki Tsentral'noy Azii* [Ancient and Medieval Nomads of Central Asia]. Barnaul: Azbuka, 2008. Pp. 196–200.

Torbat Ts., Erdenebat U., Seveendorzh D. Egiin golyn sav nutag dakh' arkhelogiin dursgaluud: khurliin uees Mongolyn ue. Ulaanbaatar, 2003.

Tseveendorj D., Erdene-Ochir N., Polos'mak N., Bogdanov E. Noyon uulyn Khunnugiin yazguurny bulshny 2006–2009 ony arkhelogiyn maltaga sudalgaany ur dungees // *Studia Archaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae*. 2010. T. XXX. Fasciulus Tomus (IX) XXIX. Pp. 255–273.

Turbat T., Eruul-Erdene Ch., Batbold N. Mongol ulsyn nutag dakh' khunnu bulshny sudalgaany toim, unuugiin baydal // *Preprints of the Ulaanbaatar University*. 2004. №1. Pp. 186–196.

Wang R., Nie F., Chen J.M., Li Y.F. Studies on the Ground Layer of Lacquerwares from Between the Mid-Warring States Period and the Mid-Western Han Dynasty Unearthed in the Changsha Region // *Archaeometry*. 2017. №59. Pp. 105–120. DOI:10.1111/arc.12230

Yeruul-Erdene Ch. and Otani I. The Chinese Inscription on the Lacquerware Unearthed from Tomb 20, Gol Mod I Site, Mongolia // *The Silk Road*. 2015. №13. Pp. 104–108.

С. Саран¹, С. Тэнгис¹, Д. Нямдорж², Г.Энхбат², Ц. Турбат³

¹*Институт физики и технологии Монгольской академии наук, Улаанбаатар, Монголия;*

²*Национальный центр культурного наследия, Улаанбаатар, Монголия;*

³*Институт истории и археологии Монгольской академии наук, Улаанбаатар, Монголия*

ИЗУЧЕНИЕ ЛАКОВОГО ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПАННЫХ ХУННУСКИХ КУРГАНОВ В ДОЛИНЕ ТАМИРА, АРХАНГАЙ (Монголия)

Империя хунну/сюнну (конец III в. до н.э. – I в. н.э.) контролировала центрально-азиатские регионы Шелкового пути; экономические и культурные отношения с империей Хань подтверждается наличием китайских лакированных изделий в археологических памятниках Монголии. Статья посвящена изучению фрагментов китайского лакового изделия, обнаруженного при раскопках хуннских курганов в долине Тамира, Архангайский аймак (Центральная Монголия). Применены мультианалитические спектроскопические методы: сканирующая электронная микроскопия, энергодисперсионная рентгеновская спектроскопия и ИК Фурье-спектроскопия. Исследования образцов показывают, что фрагменты лаковой чаши состоят в основном из трехслойной структуры, которая включает слой пигментного лака, слой волокон и слой древесного основания. Исследуемый слой лакового грунта представляет собой смесь органических материалов, включая уруши, сгоревший пепел и неорганические наполнители, такие как кварц и полевошпат. Сравнение с другими лакированными изделиями хуннского времени, найденными в разных местах Монголии и изученными ранее другими авторами, проводилось, чтобы получить информацию о хронологическом распределении лакированных изделий в Монголии.

Ключевые слова: лакированные изделия, хунну, FTIR, SEM-EDX.

БРОНЗОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ СТАТУИ САНЬСИНДУА И РИТУАЛЬНЫЕ ОДЕЯНИЯ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА ШУ

Рассмотрены находки культуры Саньсиндуй эпохи бронзы из провинции Сычуань (КНР) – антропоморфные статуи, встреченные в жертвенной яме JK2 на эпонимном памятнике. Автор считает статуями ростовые изображения человека (а не отдельных частей его тела, например, голов) общей высотой не менее 50 см, смонтированные из предварительно отлитых деталей. Отлитые в один прием изделия меньшего размера он предлагает называть статуэтками. Эволюция антропоморфной скульптуры Саньсиндуя может быть разделена на две-три стадии. Финальная стадия представлена бронзовой статуей стоящего на постаменте человека. Ей предшествовала стадия деревянной антропоморфной скульптуры с накладными бронзовыми деталями. Еще раньше могла существовать чисто деревянная скульптура. Конструктивные особенности бронзовых антропоморфных статуй Саньсиндуя позволяют синхронизировать время их создания с бытованием бронзовых масок типов А и С, а также бронзовых «деревьев духов» №2 и №1, поскольку при их изготовлении применялись одни и те же технологические приемы. Статую человека с птичьими когтями на ногах, в которых зажаты змееподобные существа с птичьими головами, предложено интерпретировать при помощи древнеиндийского мифа о Гаруде. Статуя в зооморфном головном уборе рассматривается как иллюстрация мифа о владыке саньсиндуйского подземного мира. Предположение, что в кулаках стоящей бронзовой статуи из Саньсиндуя зажаты нефритовые регалии *цун*, автор считает недостаточно обоснованным.

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, Саньсиндуй, пров. Сычуань, антропоморфные статуи, жертвенные ямы, бронзолитейное искусство, одежда, мифология, ритуал.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-07

Введение

Саньсиндуй – своеобразная культура периода развитой бронзы на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра провинции Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие художественного бронзового литья. Практически все известные бронзовые изделия Саньсиндуя происходят из двух жертвенных ям – JK1 и JK2, обнаруженных на территории эпонимного городища, которое китайские исследователи называют столицей упоминаемого в летописях древнего царства Шу [Сыма Цянь, 1972, с. 185]. Из числа находок в жертвенных ямах, которые мы считаем намеренно захороненным инвентарем двух последовательно существовавших и уничтоженных храмов, наибольшее внимание всегда привлекали стоящая на постаменте крупная статуя и другие антропоморфные скульптуры. Именно они рассмотрены в данной статье. Предполагается описать одеяния бронзовых антропоморфных статуй, технологию их отливки, привязать к одному из выделенных нами ранее этапов эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуя, найти возможные истоки саньсиндуйской скульптуры и попытаться раскрыть ее семантику.

Бронзовые антропоморфные статуи

В данной статье мы предлагаем считать антропоморфными статуями смонтированные из отлитых отдельно деталей ростовые изображения человека (а не отдельных частей его тела, например, голов), общая высота которых (с учетом утраченных ныне элементов) превышала 50 см. Ростовые изображения человека меньшего раз-

мера, и отлитые целиком, в один прием, мы предлагаем называть статуэтками. Всего в Саньсиндуде обнаружено три антропоморфных статуи, все три происходят из второй жертвенной ямы JK2 [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 162–173].

Большая статуя стоящего на постаменте человека – 1 экз. Обр. K2(2):149, K2(2):150. Скульптура общей высотой 260,8 см представляет собой стоящего на постаменте человека (рис. 1.-1). К моменту обнаружения она была разломана на две части, обломок с постаментом и ногами человека лежал в юго-восточном углу жертвенной ямы JK2, верхняя часть его тела – в северо-западном углу. Статуя стоящего человека имеет высоту от подошв ног до макушки головного убора 180 см [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 162–164]. Тело человека тощее и длинное, стройное и высокое. Руки большие и грубые, их кисти согнуты, будто что-то держат, левая сбоку от груди, в районе подмышки,

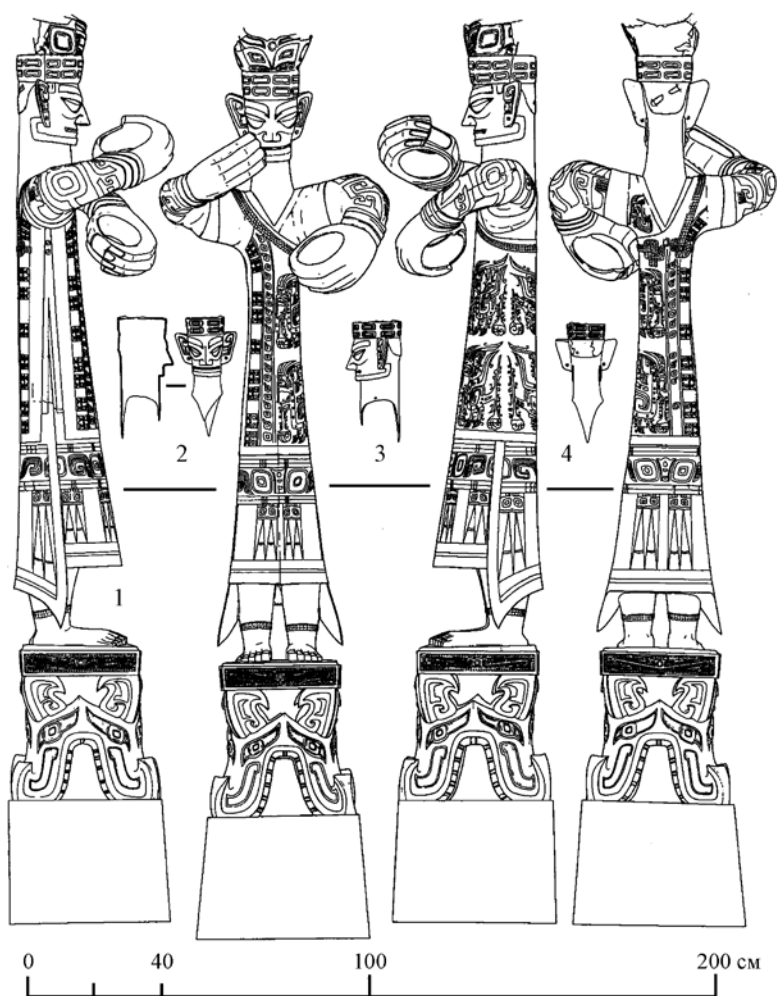

Рис. 1. Большая бронзовая статуя и бронзовая голова типа Bb: 1 – большая бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека, 2–4 – бронзовая голова типа Bb.
По: [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, рис. 82, 95]. Здесь и далее масштабирование рисунков и компоновка таблиц выполнены А.В. Вареновым

правая поднята вверх к подбородку (рис. 2). Овал лица статуи удлинённый, большие глаза с густыми бровями, прямой нос, плотно сжатый рот, в мочках оттопыренных ушей по сквозному отверстию (рис. 3).

На голове человека цилиндрический головной убор, украшенный двумя рядами «полых» прямоугольников с закругленными углами, над его передней частью вздымается плюмаж или эгрет в виде стилизованной зооморфной личины (рис. 4, выделен синим цветом). На затылке отчетливо видны линия волос и два наклонных прямоугольных отверстия, в которые первоначально вставлялась головная шпилька. На тело надето три слоя одежды, на лодыжках босых ног браслеты (рис. 4, выделены малиновым цветом). Китайские археологи всю одежду стоящего на постаменте человека считают разрезной, с запахом на правую сторону. На наш взгляд, это не так. Насколько можно судить, вся одежда статуи глухая.

Самый верхний ее слой представлен рубашкой с одним коротким правым рукавом, вырезом от правого плеча до левой подмышки и длиной от шеи до низа 75,6 см (рис. 4, выделена желтым цветом). На правом боку разрез от подмышки до низа рубахи, низ прямой. Поверх рубахи надета длинная лента, которая, начинаясь от узла в районе правой лопатки, проходит через правое плечо, по груди, через левую подмышку до узла в районе левой лопатки (рис. 4, выделена синим цветом). Между двух узлов на спине статуи есть квадратное (возможно, технологическое) отверстие. На рубаху нанесен негативный орнамент: с левой стороны четыре попарно симметричных, как полагают китайские исследователи, дракона (по нашему мнению – птицы). Линия симметрии проходит по левому боку. На правом боку, по обе стороны от разреза рубахи, два ряда небольших зооморфных личин в зубчатых коронах, отделенных от драконов (птиц)

Рис. 2. Большая бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека.

По: [1 – Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 544, цв. ил. 40; 2 – Чэнь Дзэнь, 2000, с. 12]

Рис. 3. Голова стоящей на пьедестале статуи.
По: [Чжунго..., 1994, с. 2, рис. 2]

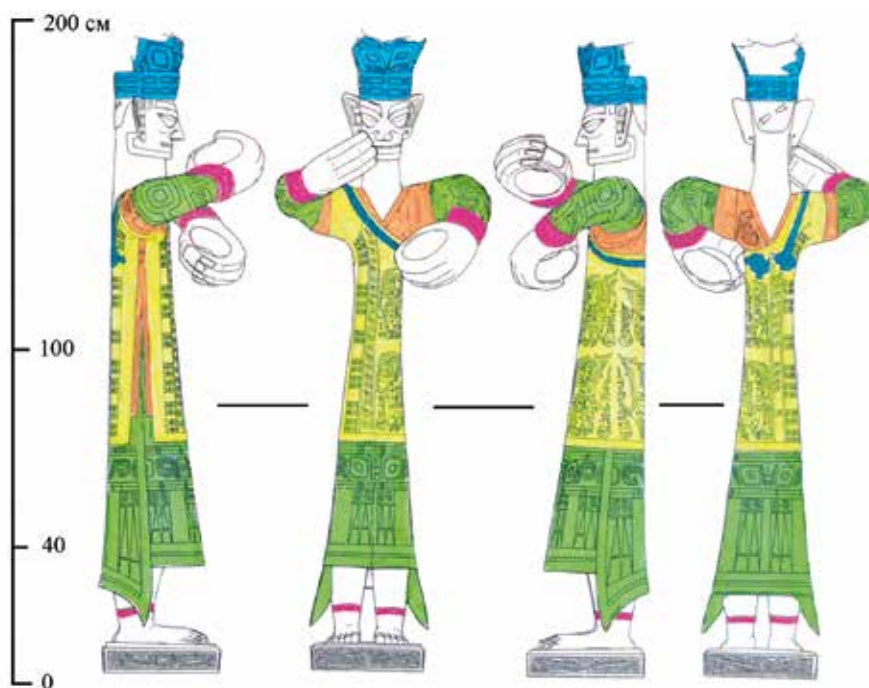

Рис. 4. Одежда и украшения большой бронзовой статуи. Верхний слой одежды – желтый, средний – оранжевый, нижний – зеленый, головной убор и лента синие, браслеты на руках и ногах – малиновые. По: [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, рис. 82].

Цвета условные. Раскраска выполнена А.В. Вареновым

полосами, заполненными полными ромбами. Эти полосы и ряды продолжаютя вплоть до шейного выреза и правого рукава рубахи.

Одежда среднего слоя короче, длиной 68 см, поэтому из-под верхней (условно желтой) рубахи видны только ее ворот с треугольными (V-образными) вырезами на груди и на спине, полностью левый и часть правого коротких рукавов и небольшой участок правой боковины с разрезом и двумя небольшими квадратными отверстиями под мышкой (рис. 4, выделена оранжевым цветом). Со спины, на левом плече расположен узор дракона. Внутренний слой одежды самый длинный, спереди длиной 114,4, сзади – 132 см (рис. 4, выделена зеленым цветом). У нее длинные орнаментированные рукава, достигающие до запястий, на каждом из которых надето по три браслета (рис. 4, выделены малиновым цветом). Судя по всему, нижняя (условно зеленая) рубаха имела разрезы на правом и на левом боках от подмышек до низа. Спереди ее подол прямой, покороче, сзади довольно длинный, с обеих сторон его полы свисают до лодыжек статуи. И спереди, и сзади «зеленая» рубаха украшена одинаково: непосредственно ниже верхней (условно желтой) рубахи стилизованные зооморфные личины (маски *тао-те*), а под ними – по четыре перевернутых зооморфных личины в зубчатых коронах.

Антропоморфная статуя с зооморфным головным убором – 1 экз. Обр. К2(3):264. Изделие повреждено, сохранилась верхняя половина человеческой фигуры общей высотой 40,2 см (рис. 5.-1). На человека надета шапка в виде звериной головы. С обеих сторон головного убора под углом вверх вздымаются длинные уши животного, в центре деталь

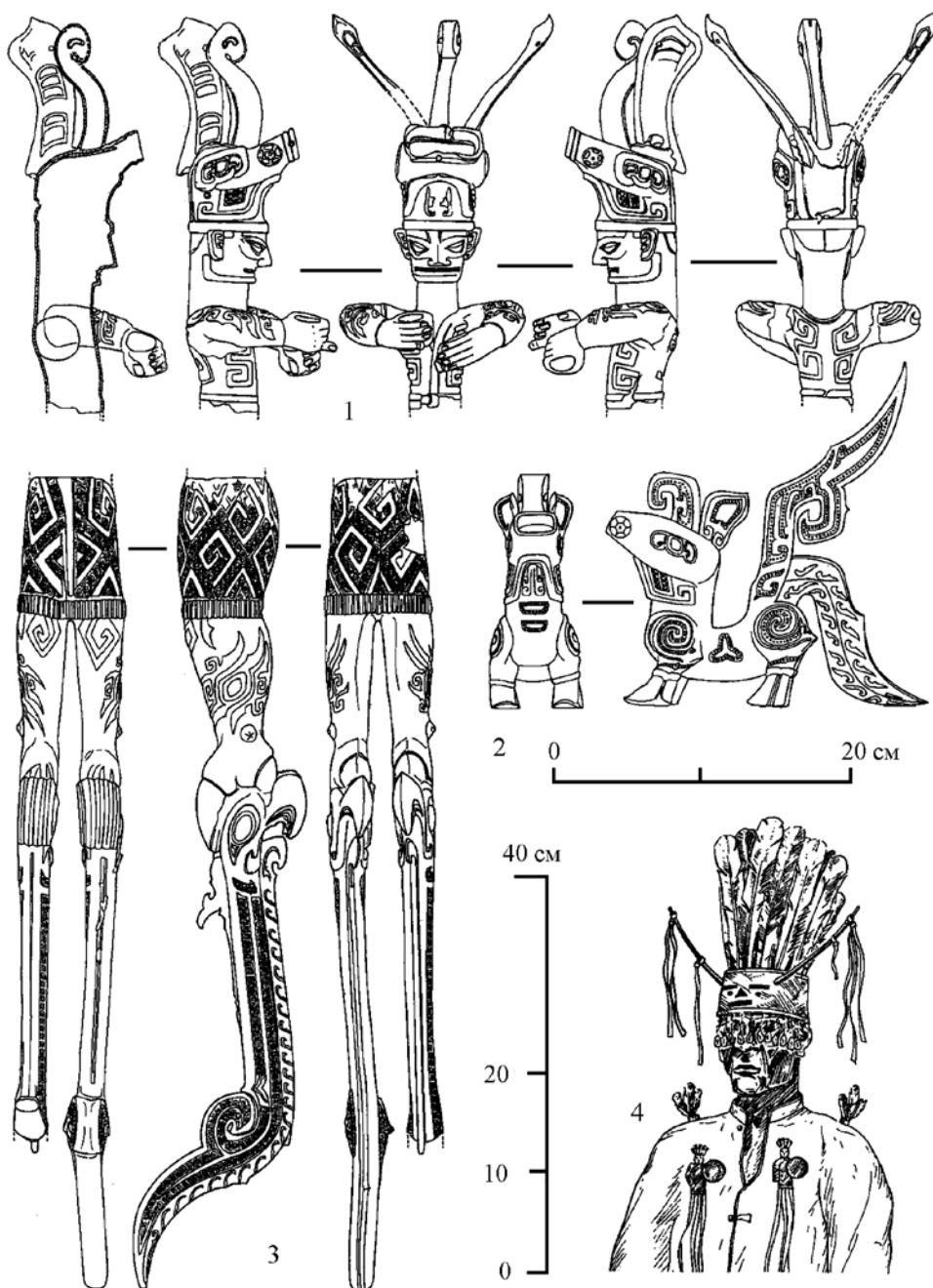

Рис. 5. Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуй и их аналоги:
 1 – статуя в зооморфном головном уборе, 2 – зооморфное существо (нижний ярус «священного алтаря»), 3 – статуя с птичьими когтями на ногах, 4 – тувинский шаман в рогатом головном уборе. По: [1–3 – Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 167, 171, 233, рис. 84, 87, 129; 4 – Вайнштейн, 1991, с. 272, рис. 120.-4]. 1 и 3 – в одном масштабе

Рис. 6. Статуя в зооморфном головном уборе.
По: [Чэнь Дзэнь, 2000, с. 16]

ты вперед, правая рука чуть выше, левая ниже. Тело человеческой фигуры одето в запахнутый направо двубортный халат (или рубашу), дважды опоясанный по талии застегнутым спереди поясом. Спереди и сзади халат покрыт узорами в виде меандров, на обоих рукавах зооморфный узор. Расстояние между локтями человеческой фигуры 18,4 см [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 164–159].

Статуя человека с птичьими когтями на ногах – 1 экз. Обр. К2(3):327. У статуи отсутствует верхняя половина туловища. Ее ноги, заканчивающиеся птичьими когтями, прилиты к птичьим головам змееподобных существ (рис. 5.-3). Нижняя часть тела плотно завернута в узкую короткую юбку (возможно, нижнюю часть халата), по центру которой спереди проходит вертикальный шов. Юбка украшена орнаментом, составленным из ромбических меандров, бахромы (?) или широкая нижняя кайма – узором вертикальных линий. Узор на юбке и телах змееподобных существ густо окрашен алой киноварью. Голени двух крепких ног покрыты негативным орнаментом, заполненным черным пигментом (рис. 7).

в виде слоновьего хобота. Ниже ушей по обеим сторонам головного убора – глаза животного. Прямоугольная в сечении морда вытянута вперед, близ ее устья (ртом или пастью этот проем назвать сложно) сверху, снизу и справа по небольшому круглому отверстию, вокруг устья две негативные линии, а с боков пасти расположено по круглой розетке. С обеих сторон по бокам шеи животного отлито по U-образному узору, в центре которого идет вертикальная линия, а справа и слева от нее – зубчатый орнамент. Человеческая фигура по стилю исполнения и положению рук сходна с большой бронзовой статуей стоящего на постаменте человека: густые брови, большие глаза, прямой нос, плотно сжатый рот, в мочках ушей обозначены, но не пробиты насквозь отверстия, шея длинная и прямая (рис. 6). Плечи прямые, ровные, обе согнутые в локтях руки вытянуты

Рис. 7. Статуя с птичьими когтями на ногах. По: [Чэнь Дзэнь, 2000, с. 17]

Острые птичьи когти обеих ног вцепились в птичьи головы двух змееподобных существ. Эти головы с большими глазами и крючковатыми хищными клювами непосредственно переходят в длинные «змеиные» тела. С боков они украшены двумя рядами мелкого меандра, начинаясь от горла, по брюшку проходит длинный прямой гребень с узором прорезных «перьев», достигающий острого кончика хвоста. Сохранившаяся высота человеческой фигуры 30 см, высота птиц-змей 51,4 см, общая ширина 10,8 см, общая высота 81,4 см [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 169].

Относительная хронология и происхождение статуй Саньсиндуя

Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуя в жертвенной яме JK2 представлены единичными экземплярами, а в жертвенной яме JK1 статуй вообще нет, что ограничивает возможности разработки их типологии и создания относительной хронологии. Однако тождество использованных при отливке антропоморфных статуй технологических приемов с методами создания некоторых типов больших бронзовых масок и «деревьев духов» позволяет их синхронизировать и тем самым привязать статуи к разработанной нами ранее относительной хронологии бронзовых масок и деревьев [Варенов и др., 2013, с. 27–29; 2015, с. 18–20].

Постамент большой антропоморфной статуи состоит из трех деталей: основания, ножек и платформы. Пирамидальное основание постамента изготовлено из отлитых отдельно и сваренных вместе пяти плоских деталей: четырех стенок и верха. Ножки постамента также смонтированы из четырех отдельных частей. Вертикальные литейные швы проходили через каждую из ножек, прямо по центрам образующих их «драконьих» голов, через их слоновьи хоботы. Сверху к ножкам прилита платформа. Статуя стоящего на платформе человека создана путем раздельной отливки и соединения верхней и нижней частей человеческой фигуры. На теле скульптуры в районе пояса есть поперечный литейный шов, заметный благодаря отсутствию в этом месте орнамента на одежде и нестыковке отдельных деталей декора. Нижняя часть человеческой фигуры отлита в трехстворчатой форме. Из трех продольных вертикальных литейных швов два расположены по ее бокам, а третий – вдоль центра лицевой части. Левая и правая руки также отлиты отдельно, поскольку в районе плеч есть по литейному шву. На подошвах левой и правой ног сделано по выступу для прикрепления к платформе постамента (рис. 8.-1).

У статуи с зооморфным головным убором отдельно отлиты длинные звериные уши головного убора и его центральный элемент в виде слоновьего хобота. Так же как и у стоящей на пьедестале большой статуи, отдельно отливались сжатые в кулаки руки. Головной убор, голова и тело человека у этой статуи представляют собой единую деталь, отлитую в двустворчатой форме. Вертикальный литейный шов проходил через центр лица, его лоб, нос и губы и особенно заметен на затылке, в районе прически. Все предварительно отлитые элементы были вставлены в специальные прорезы на головном уборе и теле человека и закреплены там при помощи покровного литья (рис. 5.-1). Статуя человека с птичьими когтями на ногах смонтирована из пяти отлитых отдельно частей: двух птиц-змей, двух ступней, заканчивающихся когтистыми птичьими лапами, и одетой в юбку нижней половины человеческого тела (включая и ноги до щиколоток). Птицы-змеи были прилиты к схватившим их когтистым лапам, а последние закреплены в двустворчатой форме для отливки человеческого тела. Вертикальные литейные швы прошли спереди и сзади по центру юбки (рис. 5.-3).

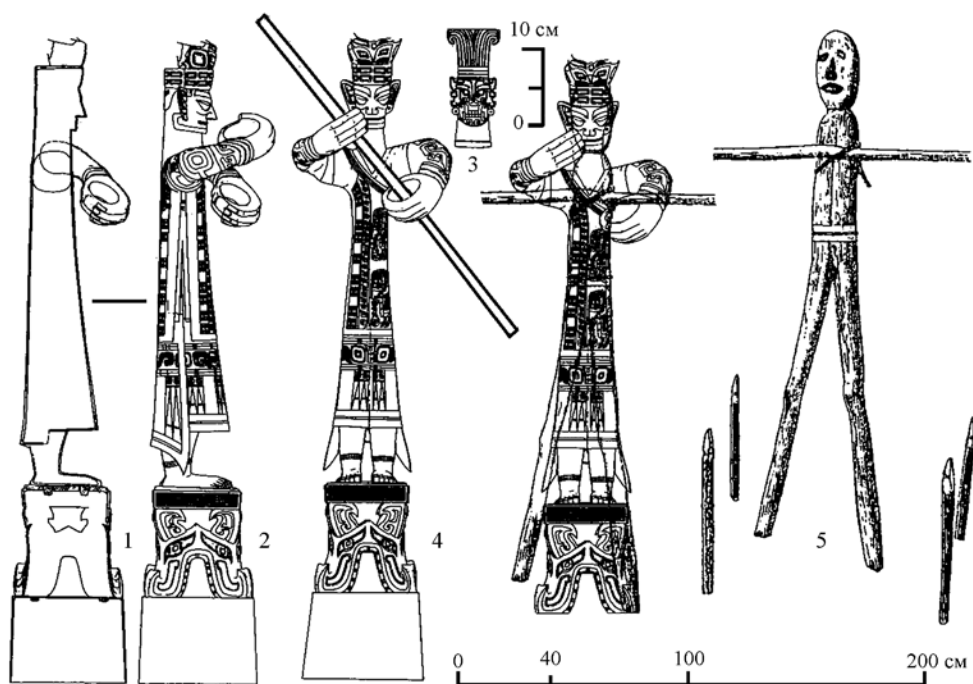

Рис. 8. Большая бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека, нефритовая головка из Синьганя и деревянный эвенкийский идол *чичипкан*: 1 – разрез статуи стоящего на пьедестале человека; 2 – большая бронзовая статуя с деревянным шестом в руках; 3 – плоская нефритовая голова из Синьганя; 4 – совмещение контуров стоящей на пьедестале статуи и *чичипкана*; 5 – деревянный идол *чичипкан* в окружении четырех оберегов *ментя*. По: [1, 2 – Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, рис. 82; 3 – Синьгань ..., 1997, с. 157, рис. 79; 4 – коллаж А.В. Варенова; 5 – Мазин, 1984, с. 33, рис. 20]. Все, кроме 3 – один масштаб

Технологические приемы, примененные при создании статуи стоящего на пьедестале человека, статуи с зооморфным головным убором и статуи с птичьими когтями на ногах, совпадают с приемами, использованными для отливки бронзовых масок типов А и С. В последнем случае предварительно отлитые элементы (уши) вставлялись в специальные прорезы, сформированные в процессе отливки на лицах, и закреплялись там методом покровного литья [Варенов и др., 2013, с. 21]. Похожие методы соединения предварительно отлитых деталей использованы и при создании бронзовых «деревьев духов». Особенно обращает на себя внимание сходство загнутых вверх концов составленных из двух симметричных половинок «слоновых хоботов» ножек постамента стоящей статуи и точно так же загнутых вверх концов составленных из двух симметричных деталей «корней» (т.е. тех же ножек) деревьев №1 и 2 [Варенов и др., 2015, с. 15]. Сходство технологии позволяет синхронизировать создание статуй Саньсиндуй со II стадией эволюции бронзовых масок и бронзовых деревьев. К этому же времени относятся и III–IV стадии эволюции бронзовых сосудов Саньсиндуй [Варенов и др., 2014, с. 33–35].

Принадлежность стоящей на постаменте статуи ко II этапу развития бронзолитейного искусства Саньсиндуй позволяет поставить вопрос о ее предшественнике. На наш взгляд, по аналогии с относящимся к I этапу деревом №3 им могла быть деревянная

статуя с накладными бронзовыми элементами*. Деталью деревянной статуи-предшественницы в Саньсиндуе, скорее всего, являлась бронзовая голова типа Bb, найденная в жертвенной яме JK2 [Варенов и др., 2012, с. 15–16]. От бронзовых голов иных типов ее отличает цилиндрический головной убор с обломанным верхом, украшенный «полыми» прямоугольниками, аналогичный нижней части шапки стоящей статуи. Голова типа Bb примерно такого же размера, как и большинство других бронзовых голов, но меньше головы стоящей на постаменте бронзовой статуи (рис. 1.-2–4). Аналогично деревянное, с бронзовыми накладками «дерево духов» №3 меньше более позднего цельнометаллического варианта – дерева №2, а то меньше, чем самое позднее дерево №1.

Еще более ранним элементом типологического ряда могла быть деревянная статуя без бронзовых деталей, не дошедшая до наших дней. Как она примерно выглядела, позволяет представить современное изображение идола *чичипкан* из Эвенкии, охранявшего от дурного глаза и недоброжелательных злых духов** (рис. 8.-5). Высота и диаметр идола *чичипкан* соответствуют основным размерам стоящей статуи из JK2 (вместе с постаментом), а совпадение их контуров свидетельствует о том, что изваяние из Саньсиндуя сохранило при переводе в бронзу не только основные размеры, но и пропорции деревянного прототипа, отличающиеся от пропорций тела живого человека (рис. 8.-4).

«Необычные» черты, которые так удивляют зрителей в лицах саньсиндуйских статуй, – крупные выпуклые ребристые глаза, прямые носы, широкие брови, плотно сжатые рты – являются просто результатом перевода в металл изображений, первоначально изготовленных в иной технике, а именно – методом резьбы по дереву. Поскольку создание деревянных статуй, подобных этнографическому эвенкийскому *чичипкану*, не требовало каких-то специальных навыков или сложных инструментов, их можно смело считать местной сычуаньской спецификой и не искать истоки саньсиндуйской статуарной традиции где-то далеко на Ближнем или Среднем Востоке, как это делают некоторые китайские авторы.

Интерпретация бронзовых статуй Саньсиндуя

Ранее мы наметили два возможных пути реконструкции мировоззрения древних на археологическом материале: 1) соотнесение сложной композиции с законченным мифологическим текстом; 2) интерпретация, исходящая из структуры самого изделия, а также мифологических и ритуальных аналогий из других культур [Варенов и др., 2009, с. 245–247]. В данной статье задействованы оба подхода. К сожалению, памятники китайской мифологии привлечь к интерпретационной работе оказалось невозможно ввиду почти полного отсутствия таковых, т.е. свидетельств современных письменных источников о районе Сычуани конца II – начала I тыс. до н.э. [Познер, 1981, с. 208–209].

* Подобная техника создания скульптур широко распространена в разные эпохи во многих странах мира. Например, статуи Зевса Громовержца и Афины Паллады авторства Фидия были деревянными, с накладками из слоновой кости (для открытых частей тела) и золота (для одежды). Известно, что установленный в 980 г. князем Владимиром Святославичем на холме в Киеве во главе языческого пантеона идол Перуна был деревянным, с серебряной головой и золотыми усами (видимо, не монолитными, а накладными).

** Вот как описывал А.И. Мазин его изготовление: «Брали бревно лиственницы или сосны длиной 3 м, диаметром 15–20 см, на одном конце вырезали человеческое лицо. В метре от «лица» бревно перетягивали прутьями или ровдужным ремнем, с другой стороны его раскалывали надвое и расщепленные концы разводили на 70–80 см. Чтобы они не сходились, между ними ставили распорку. Таким образом получалось подобие ног» [Мазин, 1984, с. 30–31].

Статуя человека с птичьими когтями на ногах находит параллели в мифологии древней Индии. Там прародителя и царя всех птиц, божественного орла Гаруду, *вахану* (ездовое животное) Вишну, представляли с человеческим телом, одетым ниже пояса в узкую юбку (типа саронга), но с птичьим клювом вместо носа на лице, с крыльями и когтистыми лапами, которыми заканчиваются ноги [Гринцер, 1991, с. 266]. Мифологемы о Гаруде хорошо объясняют особенности изображения существ, которых статуя из Саньсиндуя держит в своих когтистых лапах. Китайские исследователи единодушно объявляют их «птицами». Но «птичьими» у данных созданий только головы с клювами. Тела же вполне «змеиные» или «драконьи», и нет даже намеков на птичьи крылья или лапы.

По версии, изложенной в «Махабхарате» (Кн. I), Вината, мать Гаруды, вместе с ним обманом попала в рабство к своей сестре Кадру, матери тысячи змеев-нагов, и ее потомству [Темкин и др., 1982, с. 66–67, 250]. Саньсиндуйская статуя может иллюстрировать одну из следующих мифологем, связанных с Гарудой: 1) перенос змей на остров посреди океана; 2) похищение у богов *амриты* по приказу змей. В первом случае Кадру и змеи потребовали, чтобы Гаруда перенес их на прекрасный остров посреди океана, что и было исполнено. Птичьим, с клювами головы змееподобных существ в когтях у саньсиндуйского изваяния могут отражать тот факт, что на самом деле Гаруда и змеи-наги – единокровные братья. У них общий отец, мудрец Кашьяпа, а матери – родные сестры.

В другой легенде в качестве условия освобождения из рабства Гаруды и его матери змеи выдвинули похищение для них у богов напитка бессмертия – *амриты*. Гаруда проник на небеса, уменьшившись, проскочил между спицами большого колеса с острыми, как ножи, краями, которое, непрерывно вращаясь, преграждало доступ к *амрите*, и, снова увеличившись, растерзал своими когтями двух страшных драконов (или змей), стерегущих сосуд с *амритой* [Темкин и др., 1982, с. 70]. Драконы в Саньсиндуде отливались «в комплекте» вместе с бронзовыми «деревьями духов» и изображались с лапами, зубастыми пастьями, а иногда и с рогами [Варенов и др., 2017, с. 286–287]. Есть в Саньсиндуде и вполне натуралистичные изображения змей [Варенов и др., 2017, с. 285].

В пользу версии о похищении *амриты* может говорить присутствие среди саньсиндуйских находок в яме JK2 нескольких (судя по обломкам однородных деталей – ступиц, до 6 экз.) больших бронзовых колес с пятью спицами каждое, два из которых, диаметром 84 и 85 см, сохранились относительно хорошо (рис. 9.-2, 4). Они представляют собой тонкие бронзовые обкладки, крепившиеся к какой-то (видимо, деревянной) основе через небольшие отверстия, лежащие в ободьях напротив спиц и в центре ступицы (рис. 10). Эти колеса не просто сопоставимы по абсолютным размерам со статуей с птичьими когтями на ногах. Статуя может спокойно, с запасом пройти в промежуток между спицами любого из колес (рис. 9.-3). Вместе с тем известно, что колеса с нечетным числом спиц как деталь реального транспортного средства абсолютно нефункциональны [Кожин, 2007, с. 259]. Китайские археологи считают бронзовые колеса из Саньсиндуя изображениями солнца [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 235].

Зооморфный головной убор другой бронзовой статуи представляет одно из существ саньсиндуйской мифологии (рис. 5.-2). И у существа, и у головного убора длинные, торчащие в стороны под углом уши, между которыми на лбу помещена деталь в виде закручивающегося на конце вперед рога или хобота, и вытянутая морда с широко раскрытой беззубой пастью. По сторонам пасти в том и в другом случае расположено по круглой розетке с вписанным в нее звездчатым символом, а ниже головы по

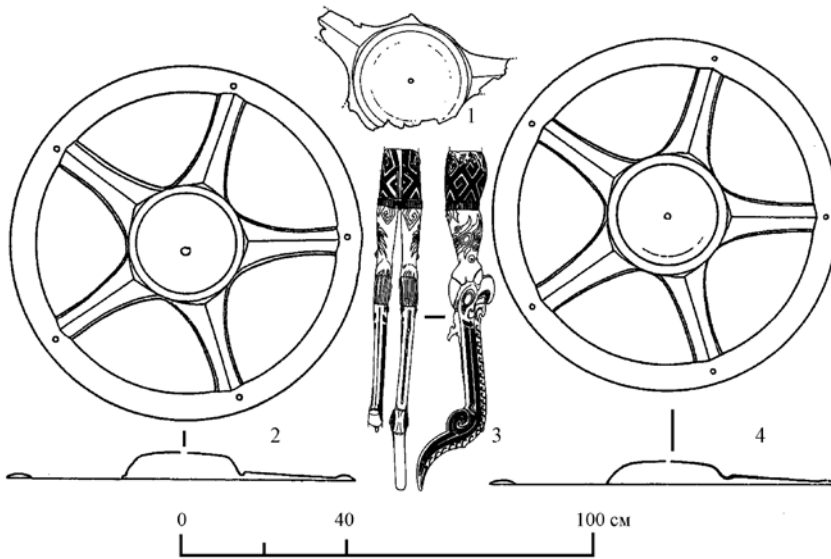

Рис. 9. Бронзовые колеса из Саньсиндуя и статуя с птичьими когтями на ногах:
1 – ступица колеса Обр. К2(2):66; 2 – большое колесо Обр. К2(3):1;
3 – статуя с птичьими когтями на ногах; 4 – большое колесо Обр. К2(2):67.
По: [1–4 – Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 171, 239, рис. 87, 134]. Все – один масштаб

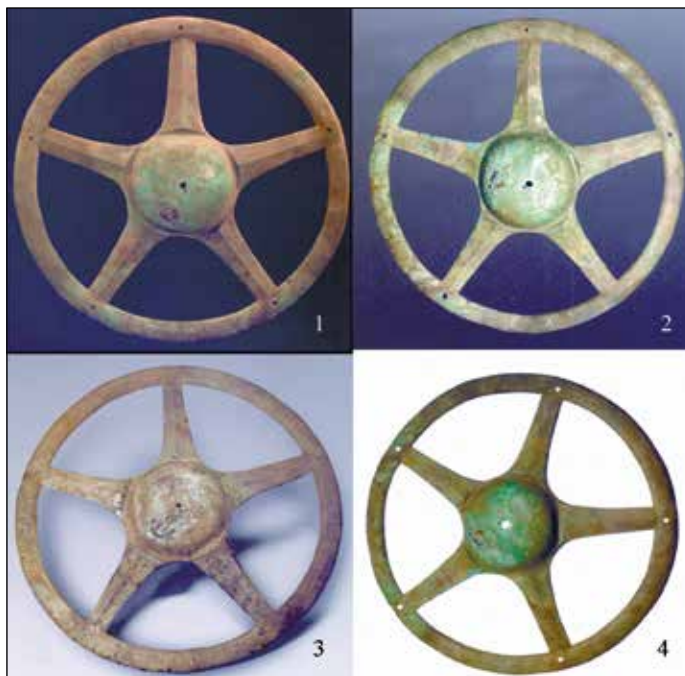

Рис. 10. Бронзовые колеса из Саньсиндуя: 1, 2, 4 – колесо Обр. К2(3):1; 3 – колесо Обр. К2(2):67. По: [1 – Чжунго..., 1994, с. 49, рис. 56; 2 – Саньсиндуй юй Цзиньша, 2010, с. 54; 3 – Саньсиндуй юй Наньсылу, 2007, с. 57, рис. 73; 4 – Чэнь Дэань, 2000, с. 61]. Разный масштаб

бокам шеи – U-образные узоры. Продолговатые глаза с опущенными вниз закругленными углами также в обоих случаях идентичны.

Скульптурное изображение фантастического существа является деталью «священного алтаря», который можно считать моделью мироздания, как его себе представляли саньсиндуйцы [Гирченко и др., 2015, с. 215–216]. Размещенное в его самом нижнем ярусе зооморфное существо, которое крупнее всех других фигур данной композиции, явно носило хтонический характер, изображая владыку подземного мира. Тогда статуя в зооморфном головном уборе представляет этого же владыку, но в его антропоморфной ипостаси.

Данное изваяние может свидетельствовать и о наличии в Саньсиндуе ритуального действия, схожего по форме с японским театром масок *гигаку* или с мистерией *цям*. В шаманских практиках также используются маски и/или рогатые головные уборы, подчас весьма схожие с саньсиндуйскими, что, скорее всего, отражает шаманскую подоснову саньсиндуйских верований. Приведенный в качестве примера головной убор тувинского шамана (рис. 5.-4) похож и на стоящую на постаменте большую статую из Саньсиндуя (цилиндрическая основа с воткнутым в нее вертикально пучком перьев), и на статую в зооморфном головном уборе (личина и торчащие в стороны по бокам от нее «рога» из веточек и лент). Все эти атрибуты (рога, перья, личины) несли защитные функции и служили для запугивания злых духов [Вайнштейн, 1991, с. 271].

Однако нам не известны примеры, чтобы шаман для запугивания своих потусторонних противников применял маскировку, скажем, под владыку подземного мира Эрлика. А именно такую маскировку и отражает саньсиндуйская статуя в зооморфном головном уборе. Кроме того, отправление культа в Саньсиндуе происходило в стенах пышно обставленного антропоморфными статуями и другими бронзовыми атрибутами храма [Варенов и др., 2012, с. 18–19], для которого должны быть характерны регулярные богослужения с устойчивым ритуалом и где шаманские практики, основанные на личном экстагическом опыте и экспромте, оказываются малоприменимы.

Откуда же взялось широко распространенное представление о «саньсиндуйских шаманах»? Первая заметка о стоящей на постаменте крупной статуе увидела свет в одном номере журнала «Вэнью» со статьей о раскопках жертвенной ямы JK1 [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1987; Шэнь Чжунчан, 1987], т.е. гораздо раньше, чем оказалось издано предварительное сообщение обо всех остальных материалах жертвенной ямы JK2, где статуя и обнаружена [Эр Чэнь*, 1989; Саньсиндуй яньцзю, 2006, с. 180–210]. Статья об уникальной находке была немедленно переведена на английский язык для одного из самых авторитетных синологических журналов *Early China* [Shen Zhongchang, 1988, p. 291–295]. Многие положения этой первой предварительной публикации (не всегда, заметим, надежно обоснованные, вроде утверждения, что на ножках постамента изображена перевернутая маска *тао-те*) впоследствии неоднократно воспроизводились в китайских и зарубежных исследованиях, посвященных бронзам Саньсиндуя. В частности, именно с легкой руки Шэнь Чжунчана за стоящим на пьедестале изображением закрепилось прозвание «жреца», «шамана», «вождя» или даже «правителя». Основанием для подобных титулов послужило «убеждение» автора, что статуя сжимает в руках нефритовые регалии *цун* – квадратные в поперечном сечении изделия с круглым сквозным отверстием. Им посвящена почти половина его статьи.

* Имя «Эр Чэнь» (букв. «два Чэня») – явный псевдоним. Авторами статьи почти наверняка были Чэнь Дэань и Чэнь Сяньдань.

Опираясь на цитату из «Чжоу ли» об использовании желтого *цун* в ритуале почитания Земли* и рассуждения Чжан Гуанчжи, что круглость и квадратность *цун* представляют Небо и Землю, а ось, проходящая через отверстие регалии, соответствовала Столпу (Опоре) Неба и Земли, по которому шаман осуществлял связь между двумя мирами, Шэнь Чжунчан предположил, что в бронзовые кулаки статуи из Саньсиндуга, якобы сжимающие *цун*, мог быть вставлен деревянный шест «для связи с Небом и Землей», а сама она представляла проводящего церемонию шамана или даже царя древнего Шу в роли верховного жреца [Шэнь Чжунчан, 1987, с. 17]. Нам уже приходилось указывать, что оси колец, образуемых ладонями большой статуи из Саньсиндуга, находятся в разных плоскостях, так что продеть шест соответствующего ширины ладоней диаметра сразу через оба кольца невозможно, а шест меньшего диаметра из них просто вывалится [Варенов и др., 2015, с. 21]. Кроме того, графическая реконструкция свидетельствует о том, что такой «соединяющий Небо и Землю» шест отклонялся бы в руках статуи от вертикали примерно на 40° (рис. 8.-2).

Нефритовые регалии *цун* на памятниках эпохи бронзы очень редки. В жертвенных ямах Саньсиндуга обнаружен только один *цун* – в JK1, где нет бронзовых антропоморфных статуй со сжатыми кулаками (рис. 11.-1-2). Высота данной регалии 7,6 см, ширина боковых граней 6,5 см, диаметр отверстия 5,2–5,4 см [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 80–82]. Она приходится на 48 ритуальных нефритовых изделий иных видов, а всего нефритов в JK1 129 экз. [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 61]. В яме JK2, при сопоставимом общем количестве нефритовых артефактов (115 экз.) *цун* среди них вообще нет. В «могиле Фу-хао» на Иньском городище в Аньяне найдено 14 *цун* трех разных типов, приходящихся на 755 нефритовых изделий (в том числе 175 «ритуальных» нефритов) [Иньсюй Фу-хао му, 1980, с. 114–116]. Правда, схожих по пропорциям и размерам с *цун* из Саньсиндуга, высотой 6,5 и 4,9 см и с диаметром отверстий 5,7 и 6,5 см, среди них только два (рис. 11.-3-4).

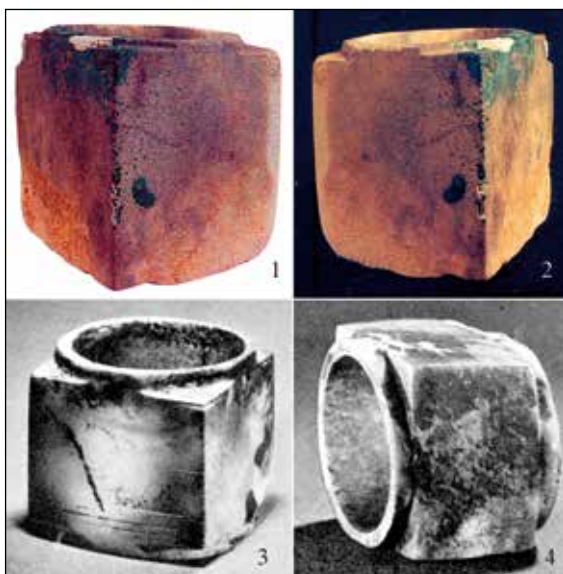

Рис. 11. Нефритовые *цун* из Саньсиндуга и могилы Фу-хао: 1, 2 – из жертвенной ямы JK1 в Саньсиндуге (одно и то же изделие, одно из изображений зеркальное); 3, 4 – *цун* II типа из могилы Фу-хао (M5) в Аньяне (3 – Обр. 594, 4 – Обр. 1244). По: [1 – Чэнь Дэань, 2000, с. 119; 2 – Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 533, цв. ил. 18; 3–4 – Иньсюй Фу-хао му, 1980, ил. LXXXI.-2, 3].

Разный масштаб

* Ся Най считал ханьские комментарии к «Сань ли» об использовании *цун* при жертвоприношениях земле, возложении его на живот покойного и дарении на аудиенциях супруге правителя «не более чем выдумками конфуцианцев» («no more than the fabrications of Confucianists»), поскольку, по его мнению, в до-цинскую эпоху подобных церемоний просто не существовало [Hsia Nai, 1986, p. 221].

Заключение

Реконструировать варианты применения «кубических» *цун* эпохи бронзы, высота которых примерно равна ширине их стороны, по жертвенным ямам Саньсиндуй или по могиле Фу-хао невозможно, а значит, предположение Шэнь Чжунчана, что в ходе какого-то ритуала *цун* полагалось держать зажатым в руках, – всего лишь ничем не обоснованная догадка. Если судить по погребению М3 со стоянки Сыдунь позднеолитической культуры Лянчжу, где встречено 33 «длинных» *цуна*, высота которых в несколько раз больше ширины их боковых граней (рис. 12), то похоже, что данные регалии, лежавшие рядами вдоль тела умершего, первоначально были нанизаны на какие-то шнуры или ленты или нашиты на погребальный покров [Чжу Цзуньго и др., 1984, с. 114].

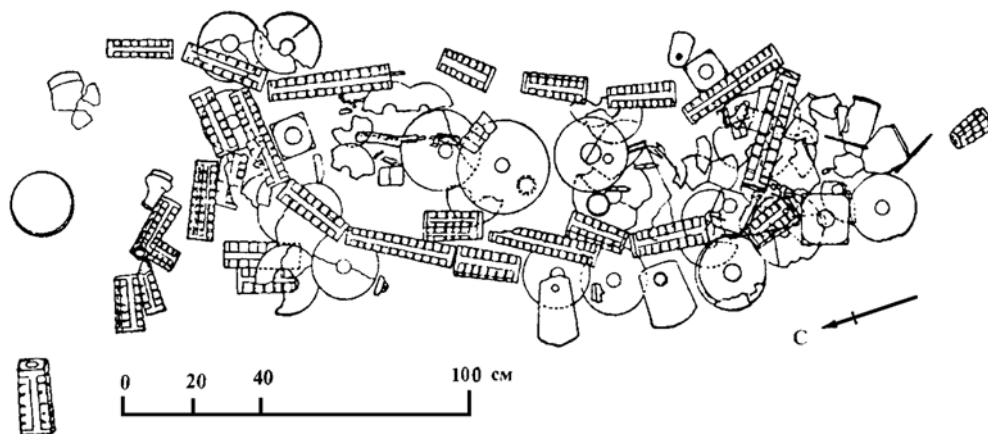

Рис. 12. План погребения М3 стоянки Сыдунь культуры Лянчжу.

По: [Чжу Цзуньго, Ли Вэньмин, Цянь Фэн, 1984, с. 114, рис. 5]

Исходя из того, что меньшие по размеру бронзовые статуи из ЖК2 изображали владыку подземного мира «Ямараджу/Чойджала» и правителя небесного мира пернатых «Гаруду», логично допустить, что самая крупная из дошедших до нас статуй саньсиндуйского храма представляла верховное божество создавшего ее народа. Главная отличительная черта этого персонажа – украшенный плюмажем или эгретом цилиндрический головной убор-корона имеется и у плоской антропоморфной нефритовой головки из большой могилы в Синьгань пров. Цзянси (рис. 8.-3) [Синьгань, 1997, с. 156–158]. Понятно, что одеяния представленных саньсиндуйскими статуями божеств древнего царства Шу должны были достаточно адекватно передавать особенности одежды его высших социальных слоев – правителей и жречества.

Библиографический список

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М. : Наука, 1991. 296 с.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Культурные бронзы Саньсиндуй и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 246–251.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуй и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4 : Востоковедение. С. 10–19.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуй // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2013. Т. 12, вып. 4 : Востоковедение. С. 19–30.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуйа // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4 : Востоковедение. С. 26–39.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуйа // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4 : Востоковедение. С. 13–23.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые змеи и драконы из второй жертвенной ямы Саньсиндуйа // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. С. 284–288.

Гирченко Е.А., Варенов А.В. Бронзовые «священные алтари» и «святилища духов» из жертвенных ям Саньсиндуйа // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 214–219.

Гринцер П.А. Гаруда // Мифы народов мира. Т. 1. М. : Советская энциклопедия, 1991. С. 266.

Кожин П.М. Место синьцзянских наскальных изображений колесниц в общей системе развития и распространения колесного транспорта // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2007. С. 251–260.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1984. 201 с.

Познер П.В. Царства Ба и Шу по материалам «Шуцзина», хроники «Чуньцю» и «Шицзи» Сыма Цяня // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М. : Наука, 1981. С. 208–223.

Сыма Цянь. Исторические записки. Т. I. М. : Наука, 1972. 440 с.

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М. : ГРВЛ, 1982. 272 с.

Hsia Nai. The Classification, Nomenclature and Usage of Shang Dynasty Jades // Studies of Shang Archaeology. Selected Papers from the International Conference on Shang Civilization. New Haven and London : Yale University Press, 1986. Pp. 207–236.

Shen Zhongchang. A Preliminary Report on the Standing Bronze Figure from Sacrificial Pit Number Two, Sanxingdui // Early China. 1988. Vol. 13. Pp. 291–295.

Иньской Фу-хао му. 殷墟婦好墓 (Могила Фу-хао на Иньском городище). Пекин : Вэньу чубаньшэ, 1980. 242 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй цзисыкэн. 三星堆祭祀坑 (Жертвенные ямы Саньсиндуйа). Пекин : Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй юй Наньсылу: Чжунго синань дицзюй дэ цинтун вэньхуа. 三星堆与南丝路: 中国西南地区的青铜文化 (Саньсиндуй и южный Шелковый путь: бронзовая культура юго-западных районов Китая) / под. ред. Сяо Сяньцзинь [肖先进]. Пекин : Вэньу чубаньшэ, 2007. 140 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй юй Цзиньша: гу Шу вэньмин ши шан дэ лянцы гаофэн. 三星堆与金沙: 古蜀文明史上的两次高峰 (Саньсиндуй и Цзиньша: две вершины в истории цивилизации древнего Шу). Чэнду : Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2010. 154 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй яньцзю. 三星堆研究 (Исследования Саньсиндуйа). Т. 1. Чэнду : Тяньди чубаньшэ, 2006. 282 с. (на кит. яз.).

Синьгань шандай даму. 新干商代大墓 (Большая шанская могила из Синьганя). Пекин : Вэньу чубаньшэ, 1997. 334 с. (на кит. яз.).

Чжунго тунци цюаньцзи. 中国铜器全集 (Полное собрание бронзовых изделий Китая). Пекин : Вэньу чубаньшэ, 1994. Т. 13. Ба-Шу. 32, 180, 54 с. (на кит. яз.).

Чжу Цзуньго, Ли Вэньмин, Цянь Фэн. 1982 нянь Цзянсу Чанчжоу Уцзинь Сыдунь ичжи дэ фацзюэ 汪遵国, 李文明, 钱锋. 1982 年江苏常州武进寺墩遗址的发掘 (Раскопки стоянки Сыдунь в уезде Уцзинь г. Чанчжоу пров. Цзянсу в 1982 г.) // Каогу. 1984. №2. С. 109–129 (на кит. яз.).

Чэнь Дзэнь. Саньсиндуй: гу Шу вангодэ шэнди 陈德安. 三星堆 : 古蜀王国的圣地 (Саньсиндуй: священная земля древнего царства Шу). Чэнду : Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2000. 124 с. (на кит. яз.).

Чэнь Дзэнь, Чэнь Сяньдань. Гуанхань Саньсиндуй ичжи ихао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао 陈德安·陈显丹. 广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报 (Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы №1 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань) // Вэньу. 1987. №10. С. 1–15 (на кит. яз.).

Шэнь Чжунчан. Саньсиндуй эрхао цзисыкэн циньтун лижэнь сян чуцзи 沈仲常. 三星堆二号祭祀坑青铜立人像初记 (Предварительное сообщение о бронзовой статуе стоящего человека из жертвенной ямы №2 в Саньсиндуйе) // Вэньу. 1987. №10. С. 16–17 (на кит. яз.).

Эр Чэнь. Гуанхань Саньсиндуй ичжи эрхао цзисыкэн фацзюе цзяньбао 二陈·广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报 (Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы №2 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань) // *Вэнью*. 1989. №5. С. 1–20 (на кит. яз.).

References

- Vainshtein S.I. *Mir kochevnikov tsentra Azii* [World of Nomads of the Centre of Asia]. Moscow : Nauka, 1991. 296 p.
- Varenov A.V., Girchenko E.A. *Kultovye bronzy Sanxingduya i puti ih semanticheskoy interpretatsii* [Cult Bronzes of Sanxingdui and the Ways of their Semantic Interpretation]. *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : IAE SB RAS Publish., 2009. Vol. XV. Pp. 246–251.
- Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye golovy iz zhertvennyh yam Sanxingduya i rekonstruktsiya detaley inter'era drevnih hramov* [Bronze Heads from the Sacrificial Pits of Sanxingdui and the Reconstruction of the Interior Details of Ancient Temples]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2012. Vol. 11, Issue 4: Oriental Studies. Pp. 10–19.
- Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye maski, maskoidy i lichiny iz zhertvennyh yam Sanxingduya* [Bronze Masks and Maskoids from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2013. Vol. 12, issue 4: Oriental Studies. Pp. 19–30.
- Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye sosudy iz zhertvennyh yam Sanxingduya* [Bronze Vessels from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2014. Vol. 13, issue 4: Oriental Studies. Pp. 26–39.
- Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye derev'ya iz zhertvennyh yam Sanxingduya* [Bronze Trees from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2015, vol. 14, iss. 4: Oriental Studies. Pp. 13–23.
- Varenov A.V., Girchenko E.A. *Bronzovye zmei i drakony iz vtoroi zhertvennoi yamy Sanxingduya* [Bronze Snakes and Dragons from the Second Sacrificial Pit of Sanxingdui]. *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publish., 2017. Vol. XXIII. Pp. 284–288.
- Girchenko E.A., Varenov A.V. *Bronzovye "svyashchennye altari" i "svyatilishcha duhov" iz zhertvennyh yam Sanxingduya* [Bronze "Sacred Altars" and "Spirit Sanctuaries" from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publish., 2015. Vol. XXI. Pp. 214–219.
- Grintser P.A. *Garuda. Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1991. 266 p.
- Kozhin P.M. *Mesto sinjianskih naskalnih izobrazhenij kolesnits v obshchei sisteme razvitiya I rasprostraneniya kolesnogo transporta* [The Place of Xinjiang Rock Carvings of Chariots in the General System of the Development and Spread of the Wheeled Transport]. *Altai-Sayanskaya gornaya strana I sosednie territorii v drevnosti* [The Altai and Sayans Mountain Country and Adjacent Territories in Ancient Times]. Novosibirsk : IAET Publish., 2007. Pp. 251–260.
- Mazin A.I. *Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX – nachalo XX veka)* [Traditional Beliefs and Rites of Orochon Evenks (the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Century)]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 201 p.
- Pozner P.V. *Tsarstva Ba i Shu po materialam "Shutszina", hroniki "Chuntsu" i "Shitszi"* Syma Tsyanya [Ba and Shu Kingdoms according to the Materials of "Shujing", "Chunqu" Chronicle and "Shiji" by Sima Qian]. *Etnicheskaya istoriya narodov Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii v drevnosti I srednie veka* [Ethnic History of Peoples of East and South-East Asia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow : Nauka, 1981. Pp. 208–223.
- Syma Tsyanyan. *Istoricheskie zapiski* [Historical Records (Sima Qian. "Shiji")]. Vol. I. Moscow : Nauka, 1972. 440 p.
- Temkin E.N., Erman V.G. *Mify drevnei Indii* [Myths of Ancient India]. Moscow : GRVL, 1982. 272 p.
- Hsia Nai. *The Classification, Nomenclature and Usage of Shang Dynasty Jades*. Studies of Shang Archaeology. Selected Papers from the International Conference on Shang Civilization. New Haven and London : Yale University Press, 1986. Pp. 207–236.

Shen Zhongchang. A Preliminary Report on the Standing Bronze Figure from Sacrificial Pit Number Two, Sanxingdui. Early China. 1988. Vol. 13. Pp. 291–295.

Chen Dean. Sanxingdui: gu Shu wangguode shengdi 陈德安。三星堆：古蜀王国的圣地 (Sanxingdui: the Sacred Land of Ancient Shu Kingdom). Chengdu, Sichuan Renmin publishers, 2000. 124 p. (in Chin.)

Chen Dean, Chen Xiandan. Guanghan Sanxingdui yizhi yihao jisikeng fajue jianbao 陈德安·陈显丹。广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报 (A Brief Report on the Excavations of Sacrificial Pit Number One at Sanxingdui Site, Guanghan County). Wenwu. 1987. №10. p. 1–15. (in Chin.)

Er Chen. Guanghan Sanxingdui yizhi erhao jisikeng fajue jianbao 二陈。广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报 (A Brief Report on the Excavations of Sacrificial Pit Number Two at Sanxingdui Site, Guanghan County). Wenwu. 1989. №5. P. 1–20. (in Chin.)

Sanxingdui jisikeng 三星堆祭祀坑 (Sacrificial Pits of Sanxingdui). Beijing: Wenwu publishers, 1999. 628 p. (in Chin.)

Sanxingdui yanju 三星堆研究 (Sanxingdui Research). Chengdu : Tiandi publishers, 2006. 282 p., 32 pl. (in Chin.)

Sanxingdui yu Nansilu: Zhongguo xinan diqu de qingtong wenhua 三星堆与南丝路:中国西南地区的青铜文化 (Sanxingdui and Southern Silk Road: Bronze Culture of South-Western Regions of China) / Ed. Xiao Xianjin [肖先进]. Beijing : Wenwu publishers, 2007. 140 p. (in Chin.)

Sanxingdui yu Jinsha: gu Shu wenming shi shang de liangci gaofeng 三星堆与金沙:古蜀文明史上的两次高峰 (Sanxingdui and Jinsha: Two Peaks in the History of Ancient Shu Civilization). Chengdu : Sichuan Renmin publishers, 2010. 154 p. (in Chin.)

Shen Zhongchang. Sanxingdui erhao jisikeng qingtong liren xian chujì 沈仲常。三星堆二号祭祀坑青铜立人像初记 (A Preliminary Report on the Standing Bronze Statue from Sacrificial Pit Number Two at Sanxingdui). Wenwu. 1987. №10. P. 16–17. (in Chin.)

Xingan Shangdai damu 新干商代大墓 (The Large Shang Tomb in Xingan). Beijing : Wenwu publishers, 1997. 334 p., LXXXVIII pl. (in Chin.)

Yinxu Fu Hao mu 殷墟妇好墓 (Tomb of Lady Hao in Anyang). Beijing : Wenwu publishers, 1980. 242 p., XL, CLXXXVIII pl. (in Chin.)

Zhongguo tongqi quanji 中国铜器全集。第13卷。巴蜀 (The Complete Collection of Chinese Bronzes. Vol. 13. Ba-Shu). Beijing : Wenwu publishers, 1994. 32, 180, 54 p. (in Chin.)

Zhu Zonguo, Li Wenming, Qian Feng. 1982 nian Jiangsu Changzhou Wujin Sidun yizhi de fajue 汪遵国, 李文明, 钱锋。1982年江苏常州武进寺墩遗址的发掘 (Excavations of Sidun site in Wujin county, Changzhou city, Jiangsu province in 1982). Kaogu. 1984. №2. P. 109–129. (in Chin.)

A.V. Varenov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

BRONZE HUMAN STATUES FROM SANXINGDUI AND RITUAL GARMENTS OF ANCIENT SHU KINGDOM

The article presents a review and analysis of bronze anthropomorphic statues specific for the Bronze Age Sanxingdui culture spread in the Sichuan province of the PRC. The author refers to full-size human figures at least 50 cm tall (but not their parts, e.g. heads) assembled from pre-cast details, as “statues”. Smaller items cast in one go are referred to as “figurines”. All statues were found in the sacrificial pit JK2 at the Sanxingdui site. The evolution of anthropomorphic statues can be divided into two or three stages. The final stage is represented by the bronze statue of a man standing on the pedestal. It was preceded by the stage of a wooden statue with bronze details. Its predecessor could be a primitive human figure made of a tree log. Peculiarities of construction and methods of production of bronze anthropomorphic statues of Sanxingdui were the same as of bronze masks of A and C types and bronze “spirit trees” No 2 and No 1, so they all belonged to the same time.

The statue of a man with bird claws on his feet, in which snake-like creatures with bird heads are trapped, has been proposed to be interpreted using the ancient Indian *Garuda* myth. The statue in zoomorphic headress may illustrate the Sanxingdui myth about the Lord of the Underworld.

The presumption that the object held in the hands of a statue of a man standing on the pedestal may have been a jade *cong* is not considered to be valid enough.

Key words: China, Bronze Age, Sanxingdui culture, Sichuan province, bronze statues, sacrificial pits, bronze casting, garments, mythology, ritual.

С.П. Грушин¹, И.В. Мерц², В.К. Мерц², А.В. Фрибус³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан;

³Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

РИТУАЛЬНЫЙ ПРИКЛАД РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА СЕМИЯРКА-IV (Восточный Казахстан)*

Совместные исследования, проводимые на протяжении нескольких лет сотрудниками Алтайского (г. Барнаул, Россия), Павлодарского (г. Павлодар, Казахстан) и Кемеровского (г. Кемерово, Россия) государственных университетов в Восточном Казахстане, позволили зафиксировать яркие погребальные комплексы эпохи бронзы и раннего железного века. К таким памятникам относится андроновский могильник Семиярка-IV. В результате его исследования в 2016 г. получены своеобразные археологические находки. Статья посвящена публикации и анализу ритуального приклада, состоявшего из каменной ступочки-жертвенника и керамического сосуда со знаками, которые были обнаружены в погребальной ограде андроновской культуры. На основании приведенных аналогий можно утверждать, что эти изделия указывают на ситуацию, когда носители тасмолинской культуры в VII–VI вв. до н.э. переиспользовали сооружение более раннего времени для своих целей. Зафиксированная на керамическом сосуде знаковая система в виде семи секторов может отражать числовые показатели календарного значения. Последующие специальные исследования по расшифровке данной композиции позволят уточнить предложенную интерпретацию.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, ранний железный век, тасмолинская культура, ритуальный приклад, каменный жертвенник, керамический сосуд, знаковая система.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-08

Введение

Этнокультурные процессы в Восточном Казахстане, на границе верхнего и среднего течения Иртыша, в эпоху раннего железа во многом остаются пока слабо изученными. Сложившаяся ситуация обусловлена в первую очередь отсутствием исследованных памятников того времени, а также тем, что информация о новых находках по большей части остается недоступной широкому кругу специалистов. Введение в научный оборот новых археологических материалов является первостепенной задачей. Данная работа посвящена публикации ритуального комплекса раннего железного века, обнаруженного при исследовании андроновского могильника Семиярка-IV. Особое значение имеет контекст находок, а также знаки, нанесенные на керамический сосуд. Основной целью исследования является полная характеристика данного комплекса, определение его культурной и хронологической принадлежности, а также историко-культурная интерпретация.

Первые упоминания о курганах около станицы Семиярской относятся к 1771 г., когда этот район по поручению академика И.П. Фалька посетил Х. Барданес [Полное..., 1825, с. 20]. Археологами курганы возле поселка Семиярка впервые были обследованы в 1955 г. экспедицией Института археологии Казахской ССР под руководством А.Е. Агеевой, составившей их краткое описание. В общем реестре археологических памятников Казахстана они получили №1352 [Археологическая..., 1960, с. 102].

* Работа выполнена при частичной поддержке Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ №33.2597.2017/ПЧ.

В 1998 г. курганы у с. Семиярка были обследованы В.К. Мерцем, который выделил среди них несколько курганных групп. В 2016 г. на одной из них, получившей название Семиярка-IV, совместной археологической экспедицией АлтГУ и ПГУ им. С. Торайгырова под руководством авторов были проведены полевые работы*.

Разновременный могильник Семиярка-IV расположен в 3,7 км к востоку от одноименного села, к югу от трассы Семиярка – Бескарагай в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (рис. 1.-1, 2). Памятник включает в себя погребальные сооружения андроновского времени и раннего железного века, расположенные на обширной территории, вдающейся в пойму террасы коренного берега Иртыша. Дорога отделяет его от Семиярского городища позднего бронзового века и расположенного на его западной окраине курганного могильника [Мерц, 2006, с. 75; 2017, с. 495]. Частично площадь памятника распахана, через него проходят три линии лесопосадок (рис. 1.-3). Среди визуально фиксируемых погребальных сооружений (не менее 40) могильника Семиярка-IV присутствуют земляные курганы, круглые и квадратные каменные ограды, часть из которых сильно задернована. Большая часть курганов сосредоточена вдоль края террасы. В ее южной части расположено мусульманское кладбище (0,85 км к югу от дороги), частично их перекрывающее. Андроновские ограды, сложенные из массивных каменных блоков, тянутся от кладбища на северо-восток террасы. Полевые работы 2016–2017 гг. позволили установить, что некоторые погребения андроновского времени в глубине террасы перекрыты поселенческим слоем позднего бронзового века или содержат комплексы раннего железного века.

Материалы и методы

В работе использовались традиционные методы полевой археологии – описательный, планиграфический, стратиграфический и др. При анализе и историко-культурной интерпретации полученного материала привлекались сравнительно-типологический метод, метод датированных аналогий и др. В 2016 г., на могильнике Семиярка-IV была раскопана каменная ограда №1. До раскопок объект представлял собой сооруженную из крупных камней круглую ограду диаметром 7 м. Все камни были установлены в ров глубиной до 0,2 м. За пределами кольца (по его периметру) фиксировался вал высотой 0,1 м, шириной 0,3 м (отвал, образовавшийся при сооружении рва для установки каменных блоков ограды). В центре ограды имелась округлая западина диаметром 1,5 м, глубиной 0,2 м – результат ограбления погребения. После снятия дерна и зачистки внутри ограды, в ее северо-восточном секторе, обнаружены остатки кольца, сооруженного из мелких колотых камней, шириной до 0,5 м (рис. 1.-4, 5). В центре объекта фиксировалось темное пятно овальной формы размером 2,45×1,75 м, вытянутое по линии СВ–ЮЗ, следы повторного проникновения в могилу (рис. 1.-5). Сама овальная могильная яма размером 3,1×2,4 м была вытянута по линии З–В.

У северо-западного края грабительского лаза на глубине 0,78 м от современной поверхности был обнаружен комплекс предметов, состоящий из керамического сосуда и каменной ступки-«жертвенника» (рис. 1.-6, 7). Сосуд лежал на боку и был ориентирован устьем на север–северо-восток (40°). Вплотную к северному краю его днища примыкала уложенная широким торцом на основание каменная ступка, ориентированная по линии СВ–ЮЗ (30°). По-видимому, эти вещи находились в яме, следы которой

* Полевые исследования осуществлялись при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Музей-институт семьи Рерихов».

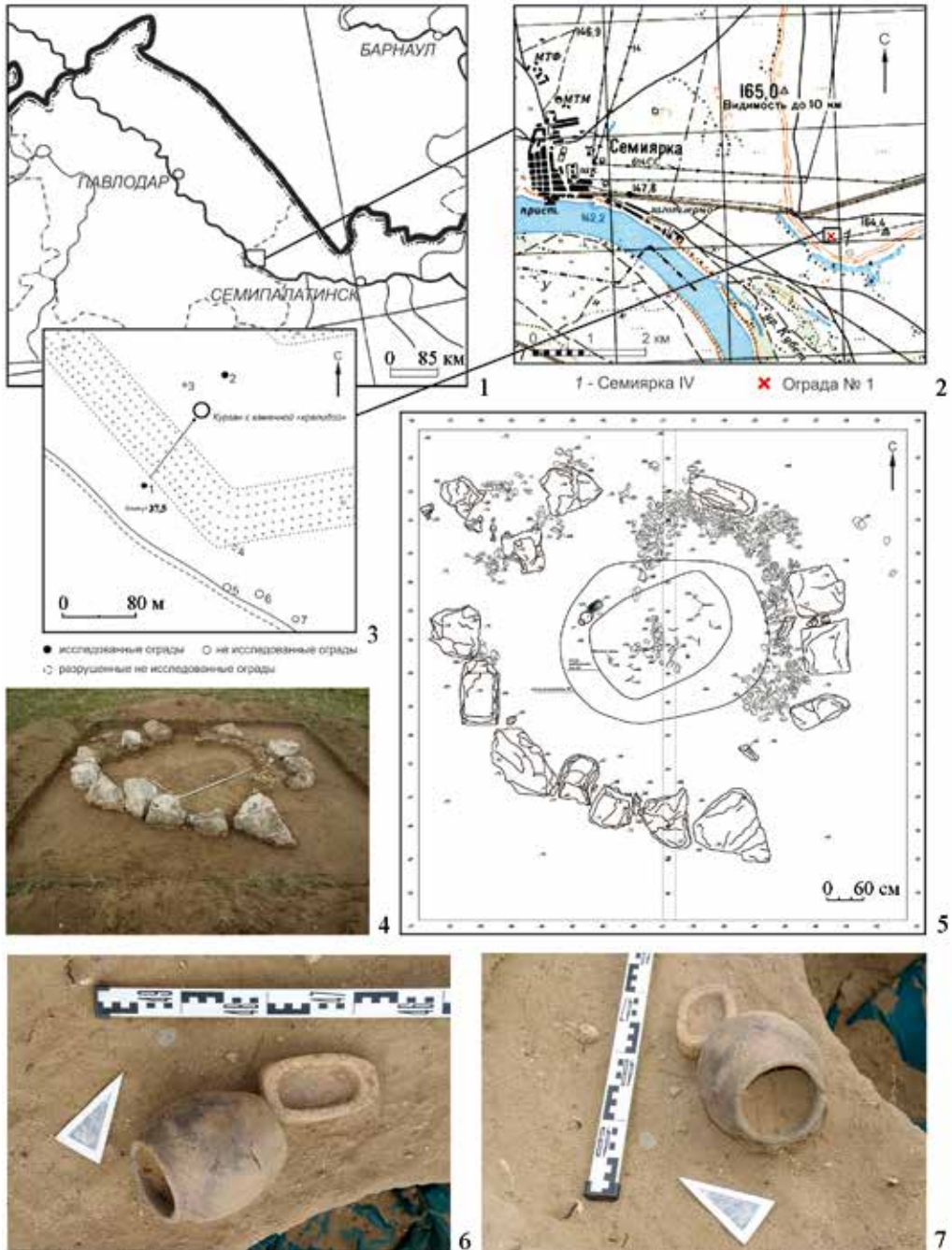

Рис. 1. Ограда №1 могильника Семиярка-IV: 1 – местонахождение на карте Восточного Казахстана; 2 – расположение памятника в окрестностях с. Семиярка; 3 – топоплан объектов в центральной части некрополя; 4 – вид на расчищенную поверхность ограды №1; 5 – план ограды №1 с расположенными в ней могилой андроновской культуры и жертвенником раннего железного века; 6–7 – комплекс предметов в жертвеннике

в песчаном грунте проследить не удалось. Поскольку грабительский лаз выделялся четким черным цветом на общем фоне раскопа, в отличие от жертвенной ямы и погребения, можно предположить, что проникновение в могилу было осуществлено уже после сооружения жертвенного комплекса.

Сосуд представляет собой плоскодонный горшок с короткой шейкой, венчик которого местами слегка выделен (рис. 2.-2). Диаметр его тулова (14,7 см) практически равен высоте (15,4 см), больше диаметра венчика (10 см) и дна (8,5 см). Объем емкости составляет 1,3 л. Внешняя и внутренняя поверхности шершавые, заглажены, имеют светло-коричневый цвет, покрыты местами черными пятнами, образованными в результате кострового обжига. Тесто сосуда плотное, с примесью песка, в изломе черное. Особенностью горшка являются знаки, нанесенные по шейке и верхней части тулова. Они выполнены способами «накальвания» и «протаскивания», для этого использовались заостренная палочка и тростинка диаметром 0,4 и 0,2 см (рис. 2.-2, 3, 5, 6).

На сосуде получили орнаментальное оформление семь секторов, заполненных различными комбинациями точек-ямочек, разделителями между которыми выступают наклонные и вертикальные прочерченные или наколотые линии (рис. 2.-3, 4). В основном (пять случаев) они представлены одинарными, редко (два случая) двойными и тройными линиями. В двух случаях двойная линия-разделитель перечеркнута тремя короткими перпендикулярными линиями, а одинарная – одной длинной.

Можно предположить, что знаки наносились на сосуд слева направо. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что в одном случае правая разделительная линия была прочерчена позднее, чем точки в центре сектора, так как она перерезает одну из точек (рис. 2.-6; 3.-5). Вероятно, первый (исходный) сектор, от которого шло нанесение знаков, а следовательно, и весь счет, отмечен крестом и слабо заметной вертикальной линией, которую можно рассматривать как маркер начала композиции (рис. 3.-1). На это также косвенно указывает относительно большое расстояние от точек в центре сектора до его левой границы в виде трех вертикальных линий. Данное обстоятельство могло являться следствием того, что вертикальные линии замыкали последний сектор, и автору не удалось точно вписать его в оставшееся пространство.

Ниже приводится описание изображений на сосуде по секторам, их нумерация дана, исходя из вышеотмеченных соображений, слева направо, нумерация осуществлена с сектора, помеченного знаком в виде креста.

Первый сектор (рис. 3.-1) состоит из трех точек-ямочек, образующих треугольник, обращенный вершиной вниз. Слева от него расположен косой крест, от левого края которого опущена слегка заметная вертикальная линия. Разделителем между первым и вторым секторами выступают нанесенные вплотную к треугольнику из точек две перпендикулярные наклонные линии, перечеркнутые трижды короткими насечками (рис. 3).

Второй сектор (рис. 3.-2) состоит из трех точек, образующих равносторонний треугольник, обращенный вершиной вверх. Его отделяет от третьего сектора вертикальная линия.

Третий сектор (рис. 3.-3) маркируют пять крупных точек-ямочек, образующих ромбовидную фигуру с точкой внутри. Разделителем между третьим и четвертым секторами является наклонная линия, перечеркнутая по центру линией, левый край которой почти соприкасается с точкой – вершиной ромба в центре сектора. Все точки этой

фигуры имеют следы повторного прокалывания более маленькими тростинками, частично выступающими за пределы первоначальных точек.

Четвертый сектор (рис. 3.-4) отмечен тремя точками-ямками, образующими горизонтальный треугольник, обращенный вершиной влево, на условной гипотенузе кото-

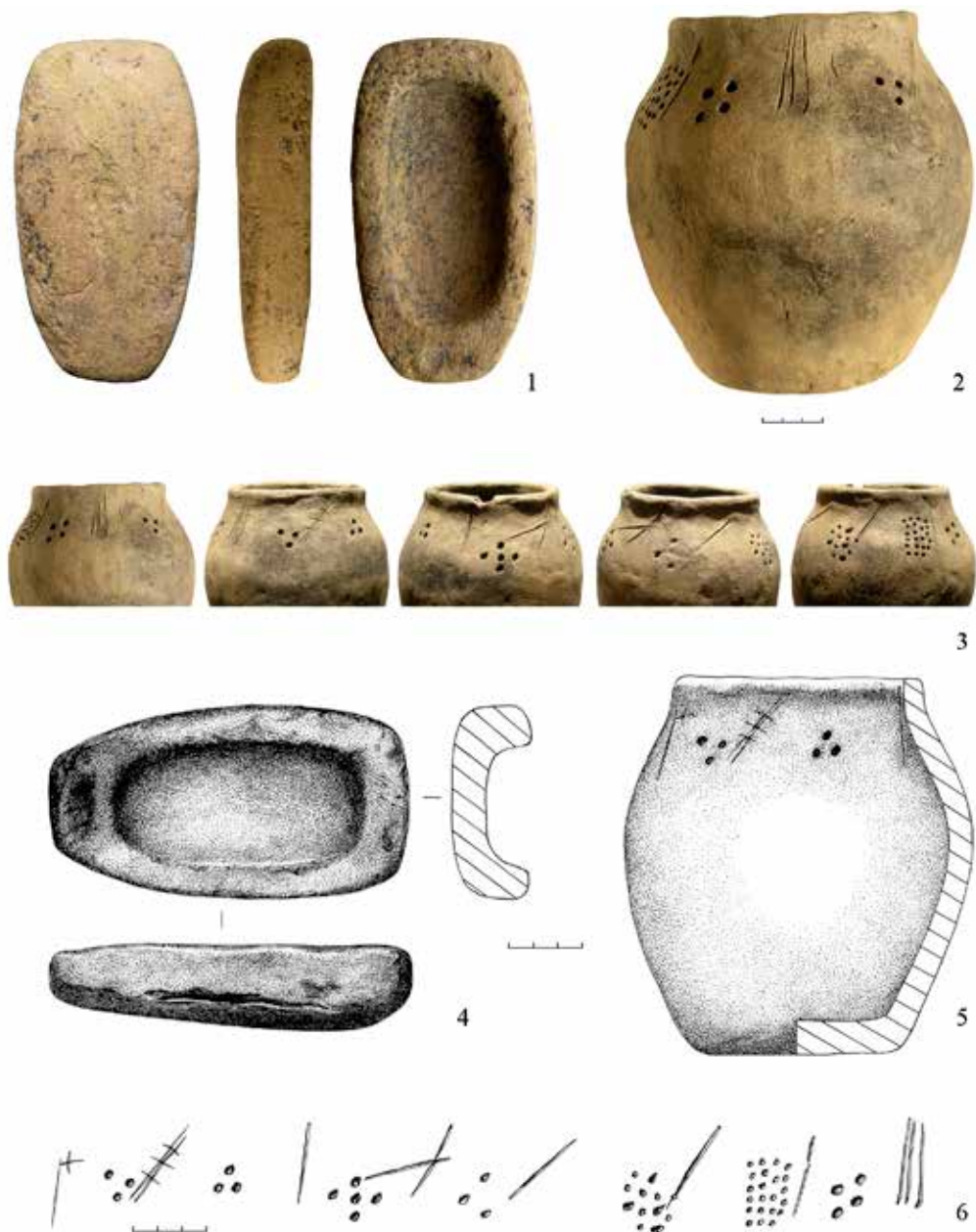

Рис. 2. Предметы из жертвенника в ограде №1 могильника Семярка-IV:
1, 4 – каменный алтарь («жертвенник»); 2, 5 – керамический горшок (общий вид);
3, 6 – изображения знаков на сосуде

рого находится сильно затертое углубление. Нечеткое изображение данного элемента позволяет допустить, что тут первоначально, вероятно, по ошибке могла быть нанесена точка-ямка, которая затем была затерта. Две верхние точки имеют следы повторного прокалывания более маленькими тростинками, выступающими частично за пределы первоначальных точек. Разделителем между четвертым и пятым секторами является наклонная линия.

Пятый сектор (рис. 3.-5) составляет композиция из девяти мелких и четырех крупных точек-ямок. Крупные точки образуют треугольник, обращенный вершиной влево, мелкие – заполняют пространство между крупными ямками. Разделителем между пятым и шестым секторами является наклонная линия, которая накладывается на одну из мелких точек.

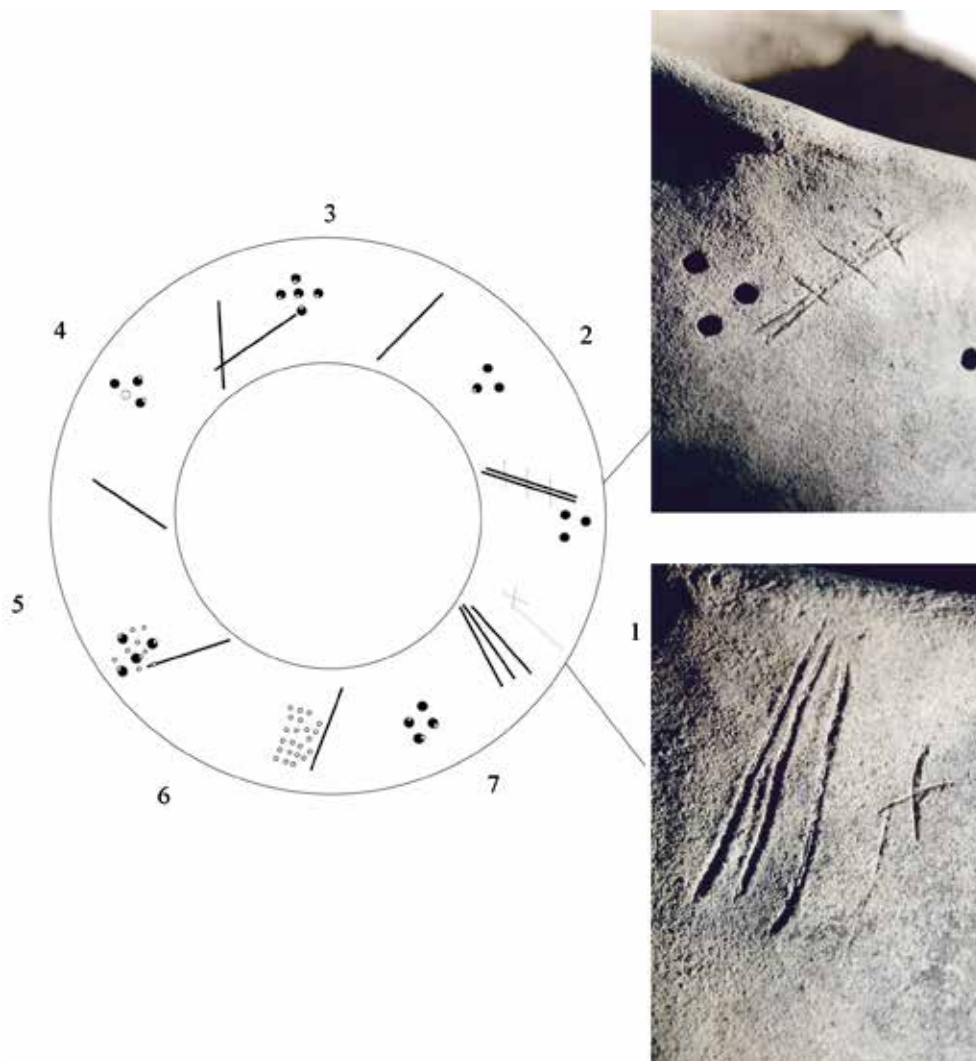

Рис. 3. Схема расположения знаков на керамическом сосуде из ограды №1 могильника Семярка-IV

Шестой сектор (рис. 3.-6) состоит из прямоугольника, выполненного из 22 небольших точек-ямочек. Они организованы в четыре вертикальных ряда, два из которых состоят из шести, и два – из пяти точек-ямочек. Разделителем между шестым и седьмым секторами является наклонная линия, близко расположенная к центральной композиции.

Седьмой сектор (рис. 3.-7) представлен косым ромбом, составленным из четырех точек. Нижние три точки фигуры прорезаны мелкими точками, образующими треугольник. Разделителем между седьмым и первым секторами является вертикальная линия, состоящая из трех параллельных линий.

Второй предмет ритуального комплекса представлен каменной ступкой – «жертвенником» (рис. 2.-1, 4). Он изготовлен из коричневого песчаника, представляет собой изделие яйцевидной формы с приплюснутыми торцами. Его общая длина составляет 14,6 см, максимальная ширина 7,5 см, высота 2,9 см. Самая широкая из торцевых сторон достигает 5,5 см, а узкая – 4 см. Нижняя поверхность (основание) предмета имеет выпуклую форму, верхняя – плоскую, при этом с узкой стороны присутствует небольшой скос, где на трапецевидной площадке расположена неглубокая выемка – 2,3×1,3×0,2 см. Внутри изделия устроена подпрямоугольная чаша размером 10×5,1 см и глубиной 2 см. Вес составляет 0,44 кг. Внешняя поверхность предмета плохо зашлифована, в результате чего на ней остались многочисленные каверны и неровности. Чаша более равномерно обработана грубым абразивом. Необходимо отметить, что если поставить жертвенник на ровную поверхность, из-за асимметрии основания он будет находиться под наклоном.

Полученные результаты и их обсуждение (анализ)

Полных аналогий рассматриваемому комплексу предметов раннего железного века, обнаруженному в ограде №1 могильника Семиярка-IV, в Прииртышье и на сопредельных территориях выявить не удалось. Между тем особенности обнаруженных артефактов позволяют найти ряд параллелей, определить их культурно-хронологическую принадлежность и сделать некоторые предположения относительно их назначения.

Каменные ступки и керамические сосуды достаточно редко встречаются совместно в погребениях раннего железного века степной зоны Евразии. Подобные случаи известны на Южном Урале в «савроматских» могилах (Новоорский-II, курган №2, погребение-2 и др.) и в Приобье, где каменные ступки-«жертвенники» встречаются совместно с глиняными курильницами или небольшими сосудиками [Мошкова, 2000, с. 211].

Важной особенностью рассматриваемого комплекса является то, что он обнаружен в более древнем погребальном объекте. Случаи, когда жертвенники раннего железного века устраивались в сооружениях эпохи бронзы, известны в материалах тасмолинской культуры Северного Казахстана. На могильниках Саргары-II и Жабай-Покровка в насыпях курганов эпохи бронзы в неглубоких ямках найдены предметы конского снаряжения [Хабдулина, 1994, с. 22]. Как правило, устройство жертвенников «тасмолинцами» осуществлялось в небольшие, разные по форме каменные ограды [Бейсенов, 2015, с. 101]. Наиболее близкими к семиярскому объекту являются сооружения на могильниках Талдысай и Акмустафа в Центральном Казахстане. На Талдысае в центре каменной ограды с насыпью диаметром 8,5–9 м находилось скопление предметов конского снаряжения [Бейсенов, 1992, с. 210]. На Акмустафе, в округлой ограде из семи камней, один из которых был «бараньим», диаметром 5,6 м, ближе к восточному сектору располагалась яма-кострище с остатками костей лошади и уз-

дечным набором. Сама ограда была удалена на 150 м от основной части могильника [Курманкулов, 1989, с. 145–146]. В связи с этим, необходимо отметить, что ограда №1 могильника Семиярка-IV расположена на удалении от основных групп погребальных сооружений ранних кочевников.

Данные параллели позволяют рассматривать каменную ограду №1 и обнаруженные предметы раннего железного века как единый жертвенный комплекс. Видимо, наличие готовой каменной конструкции, сходной с жертвенными кольцами этого времени, обусловило выбор ранними кочевниками одной из оград эпохи бронзы Семиярка-IV для реализации своих ритуальных действий. Определенным фактором, способствующим переиспользованию каменной ограды в раннем железном веке, являлось отсутствие поблизости доступных выходов камня, пригодных для строительства ритуальных объектов. Данные наблюдения и привлеченные аналогии позволяют рассматривать андроновскую ограду №1 как сооружение, переиспользованное в раннем железном веке в качестве жертвенника.

Аналогии форме керамического сосуда из ограды №1 Семиярка-IV известны в комплексах раннего железного века Лесостепного (Ближние Елбаны-VII) и Горного Алтая (Тыткескень-VI, курган №3), а также Центрального Казахстана (курганы с усами) [Фролов, 2008, рис. 87.-2; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 37.-3; Кадырбаев, 1966, с. 392, рис. 61]. По классификации посуды скифского времени могильника Тыткескень-VI в Горном Алтае, разработанной барнаульскими археологами, рассматриваемый сосуд относится к кухонной посуде, к горшкам I типа. У данных изделий венчик не выделен, диаметр тулова практически равен высоте и значительно больше размера устья. Исследователи отмечают, что в целом горшки в захоронениях скифского времени Горного Алтая попадаются редко [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 92, 95].

Каменные ступки встречаются почти на всем поясе Евразийских степей [Мошкова, 2000, с. 204]. Согласно разработанной Г.К. Маргарян и А.Д. Таировым классификации каменных «жертвенников» Северного Казахстана, семиярский предмет относится к типу 6 изделий без опоры, яйцевидной формы, с бортиком. По сравнению с предметами остальных типов они менее распространены, аналогии им известны в тасмолинских памятниках Центрального Казахстана – Майкубень-2 (курган №15), Бирлик (курган №1). Артефакты подобного типа являются хронологическими индикаторами VII–VI вв. до н.э. [Маргарян, Таиров, 2017, с. 33].

В научной литературе нет однозначного понимания функционального назначения каменных ступок-«жертвенников». В историографии оно варьирует от сугубо утилитарного, например краскотерки, прибора для нанесения татуировки, до предметов ритуального характера, таких как алтари [Коноплева, 2015, с. 530–532]. В целом можно согласиться с М.Г. Мошковой, которая, проведя типологический анализ, включающий художественное оформление, совокупность всех данных о расположении в могиле, кургане сопутствующего им инвентаря, пришла к выводу об их сакрально-ритуальном назначении. Это обусловлено близкими религиозно-мифологическими представлениями населения степной зоны Евразии, в среде которого были распространены культы огня и солнца, отразившиеся в погребальной практике [Мошкова, 2000, с. 213].

Появление подобных изделий в Прииртышье, по-видимому, надо связывать с культурными влияниями сакского, в частности тасмолинского населения Казахстана

на эту территорию. В последующем эти переселения достигают Приобья, куда в середине – 2-й половине VI в. до н.э. переселяется какая-то часть сакского населения из Приаралья и Центрального Казахстана [Мошкова, 2000, с. 214]. Особый интерес в рассматриваемом комплексе представляют изображения, нанесенные в зоне под венчиком на керамическом сосуде. Они не находят полных аналогий. Отсутствие среди них многократной «повторяемости», «структурности», «ритмичности», «абстрактность» и «полная локализованность» не позволяют рассматривать их как орнамент [Цетлин, 2012, с. 168–169].

Анализ особенностей знаков на семиярском сосуде дает возможность выявить определенные закономерности в их расположении и оформлении. Основными элементами композиций в секторах являются относительно крупные точки-ямки, выполненные заостренной палочкой. Шесть секторов заполнены различными комбинациями из треугольников и ромбов, состоящих из трех-пяти крупных точек (1–5-й, 7-й секторы). Один сектор состоит исключительно из 22 мелких ямок-наколов, нанесенных тростинкой (сектор 6) и образующих фигуру в виде прямоугольника. Полностью мелкие точки отсутствуют только в первом секторе. Также необходимо обратить внимание на сектор 5, в котором сочетаются крупные ямки в виде треугольника и мелкие, которыми заполнено пространство между крупными точками. Вероятно, мелкие точки играли некую вспомогательную роль, дополняя первоначальное значение фигур из крупных знаков. Как самостоятельный элемент они выступают только в секторе 6 и полностью отсутствуют в секторе 1. Прочерченные линии, сделанные инструментом в виде заостренной палочки или насечки, нанесенные острым орудием, выполняли функцию разделения орнаментального поля сосуда на семь секторов.

Как уже было указано, знаки, зафиксированные на семиярском сосуде, не имеют прямых аналогий, однако отдельные элементы находят многочисленные параллели. Традиция украшения поверхности сосудов различными знаками известна в Приаралье, Центральном Казахстане, Алтае и Сынцзяне в эпоху поздней бронзы на бегазы-дандыбаевской и саргаринско-алексеевской посуде и других предметах, а в Восточной Европе – в срубных комплексах [Тишкин, Мерц, Фролов, 2016, с. 130; Захарова, 2000, с. 25]. Согласно разработанной Е.Ю. Захаровой классификации знаков на сосудах срубной общности, семиярские символы ближе всего стоят к типу напоминательных, соотносимых с группой знаков-сигналов. Все они различаются между собой по конфигурации, имеется два варианта их взаимного расположения: либо знак разрывает опоясывающую тулово орнаментальную композицию, либо соседствует с ней. Подобного рода одиночные (напоминательные) знаки, по мнению исследователей, выполняют одну из трех функций: являются знаками собственности (тамгами), клеймами мастеров либо магическими символами [Захарова, 2000, с. 62, 71].

Наибольшее распространение изображение различных символов получает в савроматской среде, особенно в Приуралье, где композиции из различных фигур, значков и линий чаще всего размещены на одной стороне сосуда или в его верхней части по плечикам [Смирнов, 1964, с. 122]. Такие знаки интерпретируются как пиктограммы, обосновывается их схожесть с подобным письмом.

По-видимому, рассматривать изображения на семиярском сосуде как тамги не правомерно, так как такие знаки в основном встречаются отдельно. Это, в частности, касается такого элемента, как крест, нанесенного в секторе 1. Возможно, он мог

обозначать некое небесное тело. Подобные примеры известны на сосуде из срубного погребения у п. Старопетровское в Донецкой области, где крестообразная фигура интерпретируется как звезда Сириус, а сама композиция рассматривается как древнее астрономическое наглядное пособие, отражающее уровень астрономических знаний жречества срубной культурно-исторической общности в эпоху поздней бронзы [Водолажская и др., 2015, с. 56]. Остальные знаки составлены из точек, количество которых варьируется. Фиксируемый числовой порядок орнаментальных элементов на сосуде из могильника Семярка-IV позволяет определить эти изображения именно как некие метрические знаки, обозначающие количество.

Как известно, курганы являлись сакральным пространством, с определенным внутренним структурированием, ориентацией объектов в соответствии со значимыми солнечными и лунными азимутами, опосредованно отражающими представления о строении мира и соответствующую им систему верований, ритуалов и календарно-обрядовой практики. Для памятников VII–V вв. до н.э. Центрального Казахстана характерна особая категория курганов с каменными грядами (с «усами»). Анализ расположения отдельных элементов сооружений такого типа дал основание предполагать, что они являлись простейшими астрономическими приборами, позволяющими определить день весеннего и осеннего равноденствия [Мариковский, 1977, с. 57; 1983, с. 27]*. Такие объекты на заключительной стадии могли становиться погребальными, в них хоронили лиц, связанных с ритуально-культурной сферой жизни древнего населения [Мариковский, 1977, с. 60]. На основании данных параллелей можно сделать вывод: знаковая система, зафиксированная на сосуде из ограды №1 Семярки-IV, может отражать числовые показатели календарного значения. Расшифровка знаковой системы требует отдельного исследования.

В этой связи обнаружение жертвенника в одном комплексе с сосудом, на котором, вероятно, получила отражение календарно-обрядовая символика, согласуется с позицией тех исследователей, которые относят каменные жертвенники к ритуальной сфере. Некоторые специалисты рассматривают их как социальный маркер жреческой страты [Банников, 2009, с. 174]. Очевидно, возможны и другие варианты интерпретации рассматриваемого комплекса. Не исключено, например, что он являлся «примирительной» жертвой, которую осуществили пришлые «тасмолинцы» духам местности. Отметим, что в настоящее время ни одна из предложенных трактовок не обеспечена должным объемом фактических данных, что определяет необходимость дальнейшей разработки этой темы.

Заключение

Проведенные исследования ограды №1 на могильнике Семярка-IV показали, что она была сооружена носителями андроновской культуры бронзового века, о чем свидетельствуют материалы центрального захоронения. Поскольку ограда была выполнена из крупных каменных блоков, она хорошо выделялась на поверхности, а по своим внешним параметрам была схожа с жертвенными кольцами раннего железного века. Эти факторы определили то обстоятельство, что в VII–VI вв. до н.э. носители тасмолинской культуры переиспользовали ее в качестве жертвенника, впустив в него ритуальный комплекс предметов в составе каменной ступки-«жертвенника»

* Критика подобного подхода в рассмотрении курганов с «грядами» содержится в статье А.З. Бейсенова [1998].

и керамического сосуда. В более позднее время этот объект подвергся ограблению. Дальнейшие полевые исследования позволят ответить на вопрос, с какими погребальными комплексами необходимо его связывать. Зафиксированная на керамическом сосуде знаковая система отражает числовые показатели календарного значения. Последующие специальные исследования этого аспекта позволят уточнить предложенную интерпретацию.

Библиографический список

Археологическая карта Казахстана / Ин-т истории археологии и этнографии ; сост.: К.А. Акишев (отв. ред.) и др. Алма-Ата : АН КазССР, 1960. 450 с.

Банников А.Л. Сакральные и социальные аспекты интерпретаций изображений на алтариках ранних кочевников Южного Урала // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I. СПб. : МАЭ РАН, 2009. С. 167–175.

Бейсенов А.З. Околокурганые жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №4 (36). С. 96–104.

Бейсенов А.З. Об астрономических исследованиях на курганах с грядами (по поводу статьи Н.М. Бекбасарова «Курган с „усами“ на р. Сага: астрономическое содержание его элементов») // Вопросы археологии Казахстана. 1998. Вып. 2. С. 171–175.

Водолажская Л.Н., Усачук А.Н., Невский М.Ю. Астрономическая интерпретация знаков на сосуде эпохи бронзы (Центральный Донбасс) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2015. №3(2). С. 43–60.

Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж : Изд-во ЦЧКИ, 2000. 163 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. С. 303–433.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Коноплева К.Г. История изучения каменных жертвенников ранних кочевников Евразии // Наука ЮУрГУ : материалы 67-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2015. С. 527–532.

Курманкулов Ж.К. Новые материалы VIII–VII вв. из Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. Алма-Ата : Изд-во ИИАЭ АН КазССР, 1989. С. 145–147.

Маргарян К.Г., Таиров А.Д. Каменные жертвенники Северного Казахстана // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. : Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 26–37.

Мариковский П.И. О древних астрономических сооружениях на территории Казахстана // Вестник Академии наук КазССР. 1977. Вып. 5. С. 54–61.

Мариковский П.И. К изучению астрономического значения курганов с грядами // Вестник Академии наук КазССР. 1983. Вып. 4. С. 26–31.

Мерц В.К. Археологические работы в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 73–82.

Мерц В.К. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. 2017. №3 (4). С. 495–509.

Мошкова М.Г. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М. : Изд-во ИА РАН, 2000. С. 201–215.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Том седьмой. Заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам Путешествия Академика Фалька. СПб. : Императорская Академия Наук, 1825. 233 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука, 1964. 380 с.

Тишкин А.А., Мерц И.В., Фролов Я.В. Изделие эпохи бронзы из Родинского районного музея (Алтайский край) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14). С. 123–136.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ракурс, 1994. 170 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.

References

Arheologicheskaya karta Kazahstana [Archaeological Map of Kazakhstan] / In-t istorii arheologii i ehtnografii ; sost.: K.A. Akishev (otv. red.) i dr. [Institute of History of Archaeology and Ethnography; comp.: K.A. Akishev (Ed.) and others]. Alma-Ata : AN KazSSR, 1960. 450 p.

Bannikov A.L. Sakral'nye i social'nye aspekty interpretacij izobrazhenij na altarikah rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Sacral and Social Aspects of the Interpretation of Images on the Altars of the Early Nomads of the Southern Urals]. Sibirskij sbornik – 1. Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij. Kn. I [Siberian Collection – 1. The Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories. Book I]. SPb. : MAEH RAN, 2009. Pp. 167–175.

Bejsenov A.Z. Okolokurgannye zhertvenniki kak raznovidnost' pamyatnikov tasmolinskoj kul'tury [Near the Mound Altars as a Kind of Tasmolinskaya Culture Site]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Bulletin. History]. 2015. №4 (36). Pp. 96–104.

Bejsenov A.Z. Ob astronomicheskikh issledovaniyah na kurganah s gryadami (po povodu stat'i N.M. Bekbasarova «Kurgan s „usami“ na r. Saga: astronomicheskoe sodержание ego ehlementov») [About Astronomical Studies on the Mounds with Ridges (regarding the article by N.M. Bekbasarov “A Barrow with Ridges on the Saga River: Astronomical Content of Its Elements”)]. Voprosy arheologii Kazahstana [Questions of Archaeology of Kazakhstan]. 1998. Issue 2. Pp. 171–175.

Vodolazhskaya L.N., Usachuk A.N., Nevskij M.Yu. Astronomicheskaya interpretaciya znakov na sode ehphoi bronzy (Central'nyj Donbass) [Astronomical Interpretation of Signs on the Vessel of the Bronze Age (Central Donbass)]. Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2015. №3(2). Pp. 43–60.

Zaharova E.Yu. Sosudy so znakami srubnoj obshchnosti ehphoi pozdnej bronzy [Vessels with Signs of the Srubna Community of the Late Bronze Age]. Voronezh : Izd-vo CCHKI, 2000. 163 p.

Kadyrbaev M.K. Pamyatniki tasmolinskoj kul'tury [The Sites of the Tasmolinskaya Culture]. Margulan A.K., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1966. Pp. 303–433.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Skifskaya ehpora Gornogo Altaya. Ch. II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoj kul'tury [Scythian Era of Altai. Part II: Funeral and Memorial Complexes of the Pazyryk Culture]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 234 p.

Konopleva K.G. Istoriya izucheniya kamennyh zhertvennikov rannih kochevnikov Evrazii [The History of the Study of Stone Altars of the Early Nomads of Eurasia]. Nauka YuUrGU : materialy 67-j nauchnoj konferencii. Sekcii social'no-gumanitarnyh nauk [Science SUSU: Proceedings of the 67th Scientific Conference. Section of the Social Sciences and Humanities]. Chelyabinsk : Izd-vo YuUrGU, 2015. Pp. 527–532.

Kurmankulov Zh.K. Novye materialy VIII–VII vv. iz Central'nogo Kazahstana [New Materials of the VIIIth – VIIth Centuries from Central Kazakhstan]. Margulanovskie chteniya [Margulan Readings]. Alma-Ata : Izd-vo IIAEh AN KazSSR, 1989. Pp. 145–147.

Margaryan K.G., Tairov A.D. Kamennye zhertvenniki Severnogo Kazahstana [Stone Altars of Northern Kazakhstan]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. : Social'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Ser.: Social and Human Sciences]. 2017. Vol. 17, Issue 2. Pp. 26–37.

Marikovskij P.I. O drevnih astronomicheskikh sooruzheniyah na territorii Kazahstana [About Ancient Astronomical Structures in Kazakhstan]. Vestnik Akademii nauk KazSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. 1977. Issue 5. Pp. 54–61.

Marikovskij P.I. K izucheniyu astronomicheskogo znacheniya kurganov s gryadkami [To the Study of the Astronomical Significance of Mounds with Ridges]. Vestnik Akademii nauk KazSSR [Bulletin of the Kazakh SSR Academy of Sciences]. 1983. Issue 4. Pp. 26–31.

Merc V.K. Arheologicheskie raboty v Beskaragae [Archaeological Work in Beskaragai]. Altaj v sisteme metallurgicheskikh provincij bronzovogo veka [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 73–82.

Merc V.K. Semiyarskoe poselenie bronzovogo veka v kontekste problemy formirovaniya protogorodskoj kul'tury v Verhnem Priirtysh'e [The Semiyar Settlement of the Bronze Age in the Context of the Problem of the Formation of the Proto-City Culture in the Upper Irtysh]. *Mir Bol'shogo Altaya* [World of Big Altai]. 2017. №3 (4). Pp. 495–509.

Moshkova M.G. Naznachenie kamennyh «zhertvennikov» i «savromatskaya» arheologicheskaya kul'tura [The Designation of Stone “Altars” and “Savromat” Archaeological Culture]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.eh.: paleoekologiya, antropologiya i arheologiya* [Scythians and Sarmatians in the VIIth–IIIrd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archaeology. M.: Izd-vo IA RAN, 2000. Pp. 201–215.

Polnoe sobranie uchenyh puteshestvij po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoju Akademiej Nauk, po predlozheniyu ee prezidenta. Tom sed'moj. Zaklyuchayushchij v sebe dopolnitel'nye stat'i k Zapiskam Puteshestviya Akademika Fal'ka [The Complete Collection of Scientific Trips in Russia, Published by the Imperial Academy of Sciences, at the Suggestion of its President. Volume Seven. Containing Additional Articles to Academic Falk's Travel Notes]. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1825. 233 p.

Smirnov K.F. Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmatov [Early History and Culture of the Sarmatians]. M.: Nauka, 1964. 380 p.

Tishkin A.A., Merc I.V., Frolov Ya.V. Izdelie ehpoi bronzy iz Rodinskogo rajonnogo muzeya (Altajskij kraj) [Product of the Bronze Age from the Rodinsky District Museum (Altai Territory)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2016. №2 (14). Pp. 123–136.

Frolov Ya.V. Pogrebal'nyj obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.eh. – II v. n.eh. (po dannym gruntovyh mogil'nikov) [The Funeral Ceremony of the Population of Barnaul Priobye in the VIth BC – IInd AD (according to soil burial grounds). Barnaul: Azbuka, 2008. 479 p.

Habdulina M.K. Stepnoe Priishim'e v ehpoju rannego zheleza [Steppe Priishimye in the Era of the Early Iron Age]. Almaty: Rakurs, 1994. 170 p.

Cetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda [Ancient Pottery. Theory and Methods of Historical and Cultural Approach]. M.: IA RAN, 2012. 384 p.

S.P. Grushin¹, I.V. Merts², V.K. Merts², A.V. Fribus³

¹Altai State University (Barnaul, Russia);

²Pavlodar State University, Pavlodar, Kazakhstan;

³Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

EARLY IRON AGE RITUAL OBJECT FROM SEMIYARKA IV BURIAL GROUND (Eastern Khazakstan)

The joint research conducted over several years by the specialists from Altai State University (Barnaul, Russia), Pavlodar State University (Pavlodar, Kazakhstan), and Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) in Eastern Kazakhstan allowed discovering interesting burial complexes dated to the Bronze Age and Early Iron age. Among them is the Andronovo burial mound Semiyarka-IV.

As a result of its research in 2016, unique archaeological finds were obtained. The article is devoted to the publication and analysis of a ritual object that included a miniature pounder-altar and a ceramic vessel with signs that were found in the burial of Andronovo culture. Based on the above analogies, it can be argued that these products indicate a situation when the bearers of the Tasmola culture in the VIIth – VIth centuries BC reused the construction of an earlier time for their own purposes. The seven-sector sign system fixed on a ceramic vessel can reflect numerical indices of the calendar value. Subsequent special studies on deciphering this composition will clarify the proposed interpretation.

Key words: East Kazakhstan, early Iron Age, Tasmolinskaya culture, ritual object, stone altar, ceramic vessel, sign system.

Б.Н. Нурмуханбетов¹, Т.Ж. Тулегенов¹, С.С. Иванов²

¹Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык»,
Есик, Казахстан;

²Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ МОЛАЛЫ И ШУБАРАТ

В 1985–1986 гг. во время археологического изучения могильников Моалалы-I и Шубарат-I в Семиречье был получен ряд предметов вооружения и воинского снаряжения сакского времени – железные клевец и кинжал, костяные наконечники стрел, бронзовые поясные обоймы и колчаный крюк. Все предметы относятся к развитому (позднему) сакскому времени (2-я половина VI – 1-я половина II в. до н.э.). Они находят аналогии как в синхронных кочевнических культурах Средней Азии и Казахстана, так и в культурах скифского типа Алтае-Саянского региона. Это показывает, что комплекс вооружения древнего населения Притяньшанья в I тыс. до н.э. развивался в условиях тесных культурных контактов с Алтаем, Тувой и Западной Монголией. При этом большая часть предметов вооружения и воинского снаряжения была найдена в кургане №21 могильника Моалалы-I – кинжал, четыре костяных наконечника стрел и колчаный крюк. Эти находки маркируют полный стандартный набор вооружения местного сакского воина, в одинаковой мере удобный для ведения как дистанционного, так и ближнего боя.

Ключевые слова: Семиречье, сакский период, сакская культура Притяньшанья, вооружение, воинское снаряжение.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-09

Введение

В 1985–1986 гг. Алма-Атинской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН КазССР и Республиканского Общества охраны памятников истории и культуры под руководством Б.Н. Нурмуханбетова и Ю.И. Трифонова исследовались могильники раннего железного века Моалалы-I и Шубарат-I. Оба некрополя располагаются на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга в урочище Ушканыр, в предгорной зоне Заилийского Алатау (Карасайский район Алматинской области Казахстана).

Всего на данных могильниках экспедицией были исследованы 52 различных погребальных сооружений. Большая часть древних захоронений была разграблена, но, несмотря на это, из них удалось получить ряд ценнейших предметов вооружения и воинского снаряжения «эпохи ранних кочевников» [Нурмуханбетов, Трифонов, 1989, 2016; Трифонов, 1989].

К сожалению, эти важнейшие материалы не получили должного освещения в публикациях. По этой причине настоящей статьёй необходимо восполнить данный пробел. С учетом того, что предметы вооружения достаточно редко встречаются в погребальных памятниках сакской культуры Притяньшанья, введение в научный оборот малоизвестных материалов из могильников Моалалы-I и Шубарат-I в заметной мере расширяет наши представления о материальной культуре, и в частности об особенностях вооружения и воинского снаряжения сакских племен указанного региона.

Материалы исследования и их обсуждение

Перейдем непосредственно к описанию и анализу предметов рассматриваемой категории предметов из памятников Моалалы-I и Шубарат-I.

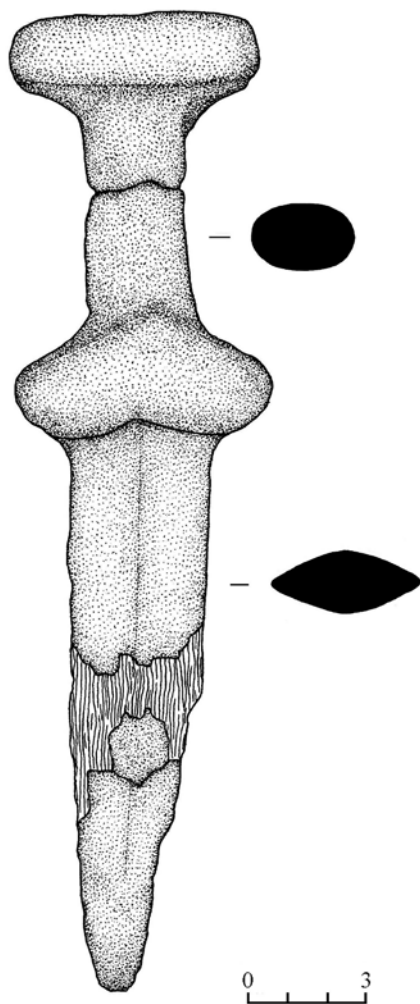

Рис. 1. Железный кинжал, могильник Молалы-I, курган №21

Кинжал. Происходит из кургана №21 могильника Молалы-I. Изготовлен из железа, вследствие чего в значительной мере корродирован. Но, несмотря на это, сохранился в целом удовлетворительно и основные его морфологические детали хорошо различимы.

Кинжал имеет массивное прямое брусковидное навершие, гладкую рукоять, овальную в сечении. В нижней части она переходит в широкое, несколько асимметричное бабочковидное перекрестье. Клинок кинжала незначительно выгнут в одну сторону, в нижней части слегка разрушен, в сечении он линзовидный. Судя по всему, первоначально он имел плавно сужающиеся к острию лезвия. На нижней части клинка кинжала местами сохранились отпечатки деревянных ножен (рис. 1).

Размеры кинжала: общая длина – 24 см, длина рукояти с перекрестьем – 10,5 см, ширина рукояти – 2,5 см, длина сохранившейся части клинка – 13,5 см, максимальная ширина клинка – 3,5 см.

Данный тип кинжалов был достаточно широко распространен в скифо-сакский период в степной части Евразии в VII – начале IV в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 10–16]. Однако сопутствующие ему другие предметы вооружения и воинского снаряжения в значительной мере позволяют уточнить его узкую хронологию. В частности с ним были обнаружены костяные наконечники стрел, позволяющие датировать его рубежом VI и V вв. до н.э.

Данную датировку в целом подтверждают другие находки железных кинжалов (как в Семиречье, так и в соседних районах Средней Азии). Их ранние образцы, датирующиеся по со-

вместным находкам бронзовых наконечников стрел архаичных типов в пределах VI в. до н.э., известны в кургане №25 могильника Бесшатыр [Акишев, Кушаев, 1963, с. 69, 71, рис. 65]. Но они в значительной мере разрушены, поэтому сложно судить об их сходстве с экземпляром из Молалы-I. Практически аналогичный железный кинжал, но с бронзовым навершием был найден в кургане №1 могильника Жаман-Тогай на Средней Сырдарье. Он также надежно датируется VII–VI вв. по другим сопутствующим предметам [Максимова и др., 1968, с. 180, табл. V.-1]. Кроме того, относительно близкий кинжал, но с утраченным навершием был найден в кургане №26 могильника Уйгарак, который был датирован VI в. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 97, табл. VIII.-6].

Таким образом, рассмотренный кинжал наряду с экземплярами, известными ранее из кургана №25 Бесшатыра, является одним из наиболее ранних в Семиречье. На

это также указывает ряд его архаичных деталей: широкое перекрестье и массивное прямое навершие. С учетом этого, а также аналогий хронология молалинского кинжала в пределах конца VI – начала V в. до н.э. особого сомнения не вызывает.

Клевец. Был обнаружен в кургане №12 (?) могильника Шубарат-I. Предмет изготовлен из железа и местами корродирован, но, несмотря на это, основные его детали хорошо прослеживаются.

Рассматриваемый клевец относится к группе проушных. Боек чекана представляет собой длинный и слабо изогнутый (квадратный в сечении) штырь, который примерно с середины в значительной мере расширяется, но к острию опять плавно сужается. Острие пулевидное и выделено по отношению к бойку небольшим расширением. Обух клевца – молотовидный, постепенно расширяется к плоской ударной части, в разрезе он прямоугольной формы. Проух изделия узкий и не выходит за пределы бойка и обуха. Оба отверстия последнего овальной формы, причем, верхнее заметно меньше нижнего. Это было сделано для того, чтобы лучше зафиксировать деревянную рукоять в проухе клевца (рис. 2).

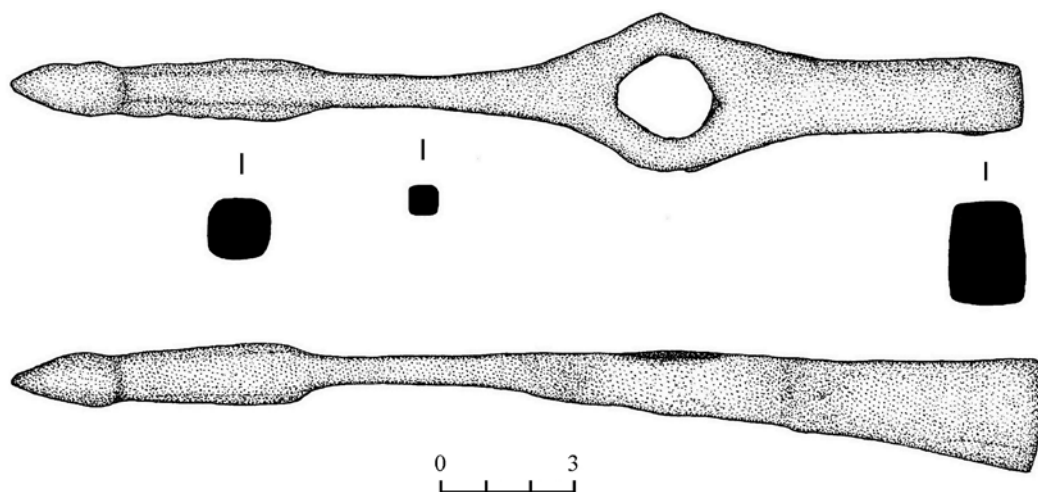

Рис. 2. Железный клевец, могильник Шубарат-I, курган №12 (?)

Общая длина клевца – 23 см, длина бойка – 12 см, ширина в расширяющейся части бойка – 1,5 см, длина обуха – 4,9 см, ударная часть обуха – 1,7×2,2 см, высота проуха – 1,6 см, размер нижней проушины – 3,5×2,2 см.

Данный клевец уникален и не имеет прямых аналогий в синхронных кочевнических культурах Средней Азии. Некоторое сходство он имеет с чеканами и клевцами Памира, но оно ограничивается лишь общей принадлежностью к проушному типу.

Наиболее близкие аналогии рассматриваемому чекану известны из погребальных памятников каменной культуры Лесостепного Алтая. В частности практически аналогичный клевец известен из могилы-1 кургана №2 могильника Новотроицкое-1. Он отличается лишь некоторыми деталями от экземпляра Семиречья, в первую очередь – более удлиненным снизу проухом. Датируется данный клевец IV–II вв. до н.э. [Лихачева 2013, с. 61, 67, рис. 5.-2].

Кроме того, необходимо отметить, что наблюдается сходство клевица из Шубарата-I с экземплярами из Лесостепного Алтая в наличии такой детали, как расширяющееся острие бойка [Лихачева, 2013, с. 67–68, рис. 4.-2, 5.-3]. Поэтому, по-видимому, эту деталь можно рассматривать как характерную для этого региона, притом преимущественно для IV–II вв. до н.э. [Лихачева, 2013, с. 67].

Впрочем, еще один очень близкий чекан известен из Черноярского кургана в лесостепном Зауралье [Генинг, 1993, с. 90, рис. 13.-1]. По своим особенностям он также отличается от семиреченского удлиненным проухом, который ближе к открытой втулке. Но в то же время зауральский клевец аналогичен экземпляру из мог. Новотроицкое-1 на Алтае.

Последнее обстоятельство может указывать на одинаковое время применения алтайского и зауральского экземпляров, что, в свою очередь, говорит о том, что клевец из Шубарата-I может быть датирован этим же временем – IV–II вв. до н.э., поскольку такое поразительное сходство трех образцов этого оружия на отдаленных друг от друга территориях явно было не случайным и свидетельствует об их очень близкой хронологии.

Впрочем, Б.Н. Нурмуханбетов и Ю.И. Трифонов [2016, с. 18], исследовавшие могильник Шубарат-I, на основании особенностей погребального обряда раскопанных в нем захоронений склонялись к тому, что верхняя дата раскопанных ими погребений данного некрополя не выходит за пределы III в. до н.э. Данное обстоятельство позволяет ограничить датировку рассматриваемого клевица IV–III вв. до н.э.

Костяные (роговые) наконечники стрел. Представлены восемью экземплярами: двумя наборами по четыре наконечника из могильника Молалы-I. Первый из них был найден в кургане №21, а точное происхождение второго набора установить не удалось (возможно, из кургана №14).

Первый набор представлен черешковыми наконечниками, при этом три из них совершенно аналогичны друг другу, в то время как четвертый существенно отличается более крупным размером.

Первые три наконечника имеют небольшие боевые головки, форма которых занимает промежуточное положение между сводчатыми и башневидными; в сечении они трехгранные. В нижней части выделены шипы. Черешки у данных наконечников плоские и достаточно длинные.

Четвертый наконечник обладает массивной сводчатой головкой, с одной стороны которой имеется продольный желобчатый вырез. В целом же боевая головка трехгранная в разрезе. Черешок у данного наконечника не сохранился (рис. 3).

Костяные наконечники стрел не слишком характерны для сакской культуры При Тяньшанья, с территории распространения которой происходит сравнительно небольшое их количество. Для понимания их хронологии необходимо учесть, что в целом они копируют современные им бронзовые экземпляры [Литвинский, 1972, с. 98–100; Итина, Яблонский, 1997, с. 49–50]. Поэтому необходимо учесть, что у трех наконечников первого набора из Молалы достаточно длинный черешок, что указывает на их относительно раннюю датировку [Шульга, 2002, с. 48]. Так, к примеру, удлиненные черешки имеют ранние костяные наконечники из других районов Средней Азии. К примеру, очень близкий рассматриваемым наконечник был найден в кургане №10 могильника Памирская-I на Восточном Памире, который датируется VII в. до н.э. [Бернштам, 1952, с. 310, рис. 135.-14].

Ранняя дата экземпляров из Молалы подтверждается также тем, что они имеют форму головки, промежуточную между башневидной и сводчатой. Как отмечает П.И. Шульга [2002, с. 56], в культурах Саяно-Алтая костяные и роговые наконечники с башневидной головкой и длинным черешком очень характерны для раннескифского времени и начинают сменяться наконечниками со сводчатой головкой в конце VI – V вв. до н.э. Видимо, этот же переход нашел отражение и на экземплярах из Молалы.

Не выбивается из данной датировки и четвертый экземпляр второго набора из Молалы, обладающий крупной головкой с продольным вырезом на одной из сторон. Сходные случаи наличия подобного желобка вдоль наконечника отмечены на костяных проникателях VI–III вв. до н.э. с территории Лесостепного Алтая. Это объясняется тем, что они изготавливались преимущественно из кости, а потому имеют на одной грани своеобразный желобок от мозгового канала» [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 151, рис. 111.-1аг, 2а, 13а, 15г].

В целом же первый набор костяных наконечников стрел из кургана №21 Молалы можно датировать рубежом VI и V вв. до н.э.

Второй набор костяных наконечников из могильника Молалы-I также хорошей сохранности, за исключением одного экземпляра. Они имеют узкие сводчатые боевые головки, трехгранные в сечении. В нижней части они снабжены шипами. Черешки у рассматриваемых наконечников короткие, уплощенные в нижней части (рис. 4).

Они отличаются от наконечников первого набора только более короткими черешками, длина которых, как мы

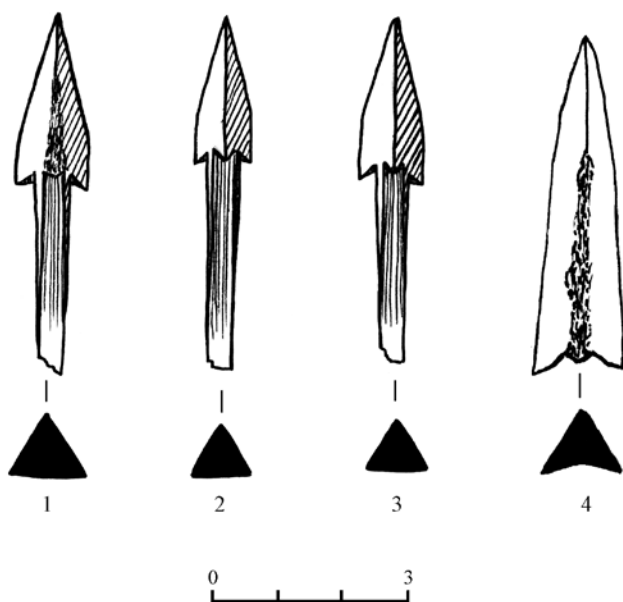

Рис. 3. Костяные наконечники стрел, могильник Молалы-I, курган №21

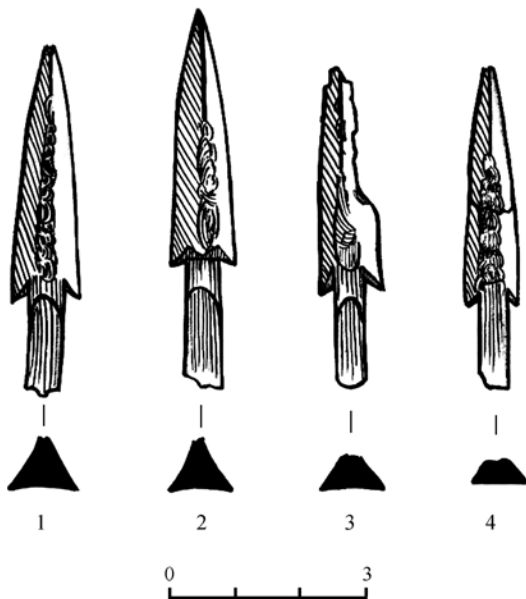

Рис. 4. Костяные наконечники стрел, могильник Молалы-I, курган №14 (?)

показали выше, имеет первостепенное значение для определения их хронологических позиций. Не случайно достаточно сходные костяные наконечники стрел с укороченными черешками известны из погребальных памятников сакского времени, которые датируются в рамках V–III вв. до н.э. (могильники Курты, Берккара и Бериктас) [Иванов, Тулегенов, 2016, с. 78–79, рис. 1.-12–15].

Подобная хронология костяных и роговых наконечников стрел с укороченным черешком также подтверждается широким кругом аналогий из культур скифского облика Саяно-Алтая, где они надежно датируются в рамках V–III вв. до н.э. [Маннай-Оол, 1970, с. 54, рис. 11.-1-6; Могильников, 1997, с. 56, рис. 38.-6, 46.-23; Кочеев, 1999, рис. 2.-21–22, 25–28; Шульга, 2002, с. 44–50; Кубарев, Шульга, 2007, с. 92–93, рис. 69.-24].

Итак, второй набор костяных наконечников стрел может быть в целом датирован V–III вв. до н.э.

Ажурные поясные обоймы. Парные. Были обнаружены в кургане №5 могильника Шубарат-I. Отлиты из бронзы.

Обоймы имеют квадратную форму. С лицевой стороны они представляют собой ажурную рамку, в которую вписаны протомы двух бодающихся горных козлов, обращенных друг к другу головами. Их ноги, соприкасаясь копытами, образуют овальную прорезь для подвешивания предметов вооружения. С оборотной стороны обоймы имеют подквадратный вырез (рис. 5). Размеры поясной обоймы: 3,6×3,6 см.

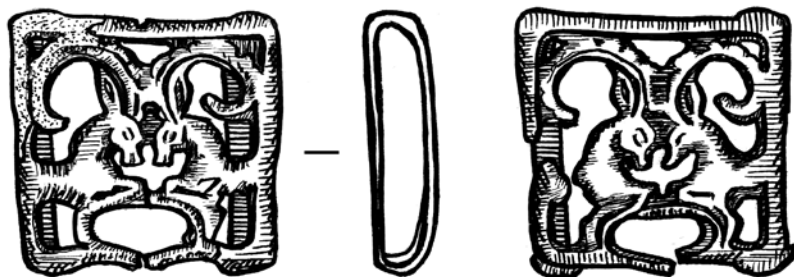

Рис. 5. Бронзовые ажурные поясные обоймы, могильник Шубарат-I, курган №5

Поясные обоймы, предназначенные для подвешивания различных предметов вооружения к поясу воина, были широко распространены в культуре саков Притяньшанья в VI–II вв. до н.э. Однако их ажурные вариации сравнительно редко встречаются в данном регионе. Так, одна близкая поясная обойма известна из кургана №14 могильника Кадырбай-III. Она изображает сцену терзания оленя кошачьим хищником. Датируется указанная обойма IV–III вв. до н.э. [Агеева, 1959, с. 84–85, рис. 2.-14; Иванов, 2007, с. 70–71, рис. 3.-2].

Достаточно близкую аналогию данной обойме от боевого пояса представляют собой также парные ажурные обоймы из могилы 2 кургана №16 могильника Новотроицкое-2 из Лесостепного Алтая. Они также декорированы изображениями двух козлов, зеркально противостоящих друг другу, с одним только отличием: они развернуты в противоположные стороны. Публикаторы данного погребения отнесли его к V–III вв. до н.э. [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 166–167, 181, рис. 80.-3, 4]. Но, учитывая находку в этом же погребении железного кинжала с брусковидным навершием, узким бабочковидным перекрестьем и прорезной рукоятью, который, по-видимому, может быть

отнесен к V–IV вв. до н.э. [Шульга, 2007, с. 144, 147, рис. 2.-7; Мышкин, Денисов, Стащенко, 2007, с. 47], соответственно новотроицкие обоймы можно датировать этим же временем.

Поясные обоймы из Шубарата были датированы IV–III вв. до н.э. [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 90–91]. Но их значительная стилистическая близость с новотроицкими экземплярами свидетельствует о том, что они могут датироваться несколько ранее предложенной даты. Поэтому не исключено, что экземпляры из Шубарата датируются V–IV вв. до н.э. или, по крайней мере, не позднее IV в. до н.э.

Колчанный крюк. Происходит из кургана №21 могильника Молалы-I. Отлит из бронзы.

Он имеет несколько асимметричное кольцевидное навершие. Стержень изделия округлый в сечении, с фронтальной стороны уплощен вплоть до изгиба (рис. 6). Размеры: общая длина – 7 см, диаметр навершия – 1,6 см.

Рассматриваемый колчанный крючок не имеет аналогий ни в Семиречье, ни на Тянь-Шане. В то же время известно значительное количество близких параллелей в культурах скифского типа Алтая, Тувы и Западной Монголии, где они в целом датируются с середины VI по IV в. до н.э. [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 67–69, рис. 28.-1, 29.-7].

Таким образом, аналогии данному колчанному крючку не противоречат тому, что его наряду с другими предметами вооружения, найденными в кургане №21 могильника Молалы-I, можно датировать рубежом VI и V вв. до н.э.

Не менее интересен вопрос об использовании рассмотренного колчанного крюка. Курган был разграблен и предметы сопроводительного инвентаря в захоронении перемещены, поэтому не совсем ясно, являлся он застёжкой основного воинского пояса, от которого сохранились парные обоймы, или же принадлежал дополнительному стрелковому поясу для подвешивания колчана. Но поскольку в нем был найден набор костяных наконечников стрел, по-видимому, более предпочтителен второй вариант.

Заключение

Итак, все рассмотренные предметы вооружения и воинского снаряжения в целом относятся к развитому (позднему) периоду сакского периода Притяньшанья (2-я половина VI – 1-я половина II в. до н.э.). Примечательно также то, что большая их часть происходит из разграбленного захоронения кургана №21 могильника Молалы-I. Вероятно, грабителей интересовали предметы исключительно из драгоценных металлов, поэтому, по-видимому, все первоначально помещенные в данное погребение предметы вооружения в нем сохранились.

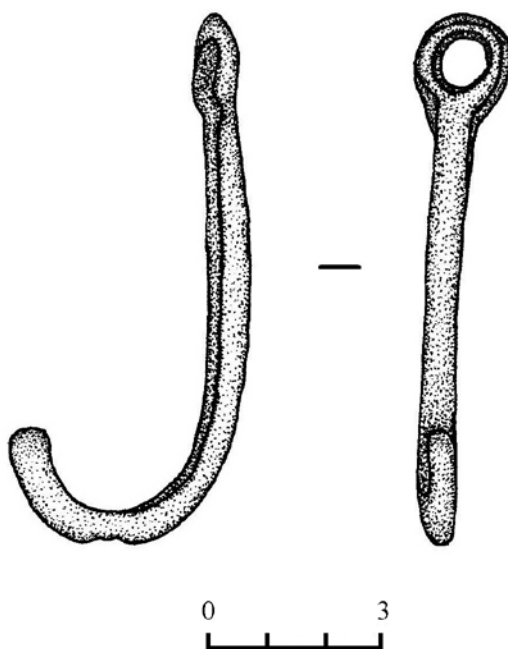

Рис. 6. Бронзовый колчанный крюк, могильник Молалы-I, курган №21

Показательно, что комплекс вооружения в этом случае состоит из стандартного набора, хорошо приспособленного для ведения как дистанционного, так и рукопашного боя: кинжала и набора стрел.

Введенные в научный оборот новые материалы по вооружению и воинскому снаряжению сакских племен Притяньшанья не только в заметной мере пополняют уже имеющиеся сведения об этой категории материальной культуры, но и расширяют наши знания о составе комплекса вооружения данного периода.

Библиографический список

- Агеева Е.И. Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1959. Вып. 3. С. 80–85.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1963. 320 с.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 344 с. (МИА. №26).
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М. : Наука, 1973. 160 с.
- Генинг В.Ф. Большие курганы лесостепного Притоболья // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург : Наука, 1993. С. 72–101.
- Иванов С.С. Боевые пояса ранних кочевников Центральной Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек : Илим, 2009. Вып. 4. С. 66–76.
- Иванов С.С., Тулегенов Т.Ж. Костяные (роговые) наконечники стрел ранних кочевников Притяньшанья // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. Алматы : Институт археологии А.Х. Маргулана, 2016. С. 75–81.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : РОССПЭН, 1997. 187 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 3 : Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.
- Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 74–82.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М. : Наука, 1972. 272 с.
- Лихачева О.С. Системный анализ чеканов VI–I веков до н.э. (по материалам памятников Лесостепного Алтая) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. 3. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. С. 56–72.
- Маннай-Оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М. : Наука, 1970. 119 с.
- Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата : Наука, 1968. 274 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М. : Институт археологии РАН, 1997. 195 с.
- Мышкин В.Н., Денисов А.В., Сташенков Д.А. Находки клинкового оружия савроматского времени в Самарском Поволжье // Самарский край в истории России. Самара : СОИКМ им. П.В. Алабина, 2007. Вып. 3. С. 39–45.
- Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. Новые памятники сакского времени близ г. Алма-Аты // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Ч. 1. Кемерово : КемГУ, 1989. С. 57–61.
- Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. Курганные могильники Шубарат и Молалы // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. Алматы : Институт археологии А.Х. Маргулана, 2016. С. 10–19.
- Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы : КазИздат КТ, 2005. 184 с.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 168 с. (МИА. №101).
- Трифонов Ю.И. К вопросу об археологических критериях социальной стратификации восточноевропейских саков (по материалам могильника Молалы I) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Ч. 1. Кемерово : КемГУ, 1989. С. 45–49.

Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // *Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 43–61.

Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н.э. // *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 142–156.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

References

Ageeva E.I. Kurgannye mogil'niki rannih kochevnikov severo-vostochnoy chasti Alma-Atinskoy oblasti [The Mound Cemeteries of Ancient Nomads in North-Eastern Part of Alma-Ata Province]. *Izvestiya AN Kaz.SSR. Seriya istorii, arheologii i ehtnografii* [Bulletin of AS of Kaz.SSR. Series of History, Archaeology and Ethnography]. 1959. Vyp. 3. Pp. 80–85.

Akishev K.A., Kushaev G.A. Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny reki Ili [The Ancient Culture of Saka and Wusun in the Ilya Basin]. Alma-Ata : Izd-vo AN Kaz.SSR, 1963. 320 p.

Bernshtam A.N. Istoriko-arheologicheskie ocherki Central'nogo Tyan'-Shanya i Pamiro-Alaya [The Historical and Archaeological Essays of Central Tien Shan and Pamiro-Alai]. *MIA. №26*. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1952. 344 p.

Vishnevskaya O.A. Kul'tura sakskikh plemen nizoviev Syrdarii v VII–V vv. do n.eh. (po materialam Uygaraka) [Culture of the Saka Tribes in the Low Syr-Daria Area in the VIIth – Vth Centuries BC (on the materials of Uygarak)]. Moscow : Nauka, 1973. 160 p.

Gening V.F. Bol'shie kurgany lesostepnogo Pritobol'ya [Big Burial Mounds of the Forrest-Steppe Tobol Area]. *Kochevniki Uralo-Kazhstanskih stepy* [Nomads of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Ekaterinburg : Nauka, 1993. Pp. 72–101.

Ivanov S.S. Boevye poyasa rannih kochevnikov Central'noy Azii [The Military Belts of Ancient Nomads of Central Asia]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kyrgyzstana* [The Materials and Investigations on the Archaeology of Kyrgyzstan]. Vyp. 4. Bishkek Ilim, 2009. Pp. 66–76.

Ivanov S.S., Tulegenov T.Zh. Kostyanye (rogovye) nakonechniki strel rannih kochevnikov Pri-tyan'shan'ya [The Bone (horn) Arrowheads of Ancient Nomads of the Tien Shan Region]. *Saki i savromaty Kazhstanskih stepy: kontakt kul'tur* [Sakas and Sauromats of Kazakh Steppes: Cultural Contacts]. Almaty : Institut arkheologii A.Kh. Margulana, 2016. Pp. 75–81.

Itina M.A., Yablonskiy L.T. Saki Nizhney Syrdarii (po materialam mogil'nika Yuzhnyi Tagisken) [Saka Tribes of the Lower Syr-Darya (on burial ground materials of Yuzhnyi Tagisken)]. Moscow : ROSSPEN, 1997. 187 p.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. Skifskaya ehpora Gornogo Altaia. Ch. 3 : Pogrebal'nye komplekсы Skifskogo vremeni Sredney Katuni [The Scythian Epoch of the Altai Mountains. Part 3. The Funeral Complexes of the Scythian Period in the Katun Basin]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 292 p.

Kocheev V.A. Boevoe oruzhie pazyryktsev [The Combat Weapons of the Pazyryk Tribes]. *Drevnosti Altaia* [Antiquities of Altai]. 1999. №4. Pp. 74–82.

Kubarev V.D., Shul'ga P.I. Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chuyi i Ursula) [The Pazyryk Culture (the burial mounds of Chuya and Ursul)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 282 p.

Litvinskiy B. A. Drevnie kochevniki «kryshi mira» [The Ancient Nomads of “Roof of the World”]. Moscow : Nauka, 1972. 272 p.

Lihacheva O.S. Sistemnyi analiz chekanov VI–I vekov do n.e. (po materialam pamyatnikov Lesostepnogo Altaia) [The Systematic Analysis of Combat Hatchets of the VIth – Ist Centuries BC (on the materials of Forrest-Steppe Altai)]. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy* [War and Weapons. New Investigations and Materials]. Ch. 3. Saint Petersburg : VIMAIViVS, 2013. Pp. 56–72.

Mannay-Ool M.H. Tuva v skifskoe vremya (uyukskaya kul'tura) [Tuva in the Scythian Period (Uyuk culture)]. Moscow : Nauka, 1970. 119 p.

Maksimova A.G., Mershev M.S., Vainberg B.I., Levina L.M. Drevnosti Chardary (Arheologicheskie issledovaniya v zone Chardarinskogo vodohranilisha) [The Antiquities of Chardara (Archaeological Investigations in the Area of the Chardara Water Reserve)]. Alma-Ata : Nauka, 1968. 274 p.

Mogil'nikov V.A. Naselenie Verhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tys. do n.e. [The Population of Upper Ob-river Area in the Middle – Late Half of the 1st Millennium BC]. Moscow : Institut arkheologii RAN, 1997. 195 p.

Myshkin V.N., Denisov A.V., Stashenkov D.A. Nahodki klinkovogo oruzhiya savromatskogo vremeni v Samarskom Povolzh'e [The New Finds of Bladed Weapon of the Sauromat Period in the Samara Volga Region]. Samarskiy kray v istorii Rossii [Samara Region in Russian History]. Samara : SOIKM im. P.V. Alabina, 2007. Vyp. 3. Pp. 39–45.

Nurmuhambetov B.N., Trifonov Yu.I. Novyye pamyatniki saksogo vremeni bliz g. Alma-Aty [The New Sites of the Saka Period near Alma-Ata]. Problemy arheologii skifo-sibirskogo mira [The Problems of Archaeology of the Scythian-Siberian World]. Ch. 1. Kemerovo : KemGU, 1989. Pp. 57–61.

Nurmuhambetov B.N., Trifonov Yu.I. Kurgannyye mogil'niki Shubarat i Molaly [The Burial Mounds of Shubarat and Molaly]. Saki i savromaty Kazahskikh stepey: kontakt kul'tur [Sakas and Sauromats of Kazakh Steppes: Cultural Contacts]. Almaty : Institut arkheologii A.Kh. Margulana, 2016. Pp. 10–19.

Samashev Z., Grigor'ev F., Zhumabekova G. Drevnosti Almaty [The Antiquities of Almaty]. Almaty : Kazlzdat KT, 2005. 184 p.

Smirnov K.F. Vooruzhenie savromatov [The Weapons of Sauromats]. MIA. №101. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1961. 168 p.

Trifonov Yu.I. K voprosu ob arheologicheskikh kriteriyah sotsialnoy stratifikatsii vostochnosemirechenskikh sakov (po materialam mogil'nika Molalyi-I) [On the Problem of Archeological Criteria of Social Stratification of Eastern Semirechie Sakas (on the materials of burial site Molaly-I)]. Problemy arheologii skifo-sibirskogo mira [The Problems of Archaeology of Scythian-Siberian World]. Ch. 1. Kemerovo : KemGU, 1989. Pp. 45–49.

Shul'ga P.I. Rannie kostyanye nakonechniki strel iz kurganov skifskogo vremeni na Altae [The Early Bone Arrowheads from the Mounds of the Scythian Period in Altai]. Materialy po voennoy arheologii Altaya i sopredel'nyh territoriy [The Materials on Military Archaeology of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 43–61.

Shul'ga P.I. Vooruzhenie na Altae v VI–III vv. do n.e. [The Weapons in Altai in the VIth – IIIrd Centuries BC]. Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i hronologiya [The Weapons of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology]. Chelyabinsk : Izd-vo YuUrGU, 2007. Pp. 142–156.

Shul'ga P.I., Umanskiy A.P., Mogil'nikov V.A. Novotroitskiy nekropol' [Novotroitskoe Necropolis]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 329 p.

B.N. Nurmukhanbetov¹, T.Zh. Tulegenov¹, S.S. Ivanov²

¹State Historical Cultural Reserve Museum "Issyk", Esik, Kazakhstan;

²Balasagyn Kyrgyz National University named, Bishkek, Kyrgyzstan

THE COLLECTION OF WEAPON OF THE SAKA PERIOD FROM THE SHUBARAT AND MOLALY BURIAL MOUNDS

In 1985–1986, during the archaeological investigation of the Molaly I and Shubarat burials in Semirechie, a number of items of armaments and military equipment of the Saka period were received: an iron combat hatchet and a dagger, bone arrowheads, bronze belt buckles and a quiver hook. All these items belong to the late Saka time (the second half of the VIth – the first half of the IInd centuries BC). They have analogies in synchronous nomadic cultures of Central Asia and also in cultures of the Scythian type of the Sayano-Altai region. This shows that the armament complex of ancient population in the Tien Shan region in the 1st millennium BC developed under the close cultural contacts with the territories of Altai, Tuva and Western Mongolia. It is interesting, that general part of the weapons and military equipment was found in mound No.21 of the Molaly burial site. These are a dagger, four bone arrowheads and a quiver hook. This marks the full standard set of weapons of local Saka warriors, equally convenient for conducting both remote and close-in fighting.

Key words: Semirechie, Saka period, Saka culture of Tien Shan region, weapons and military equipment.

С.В. Шнайдер¹, К.А. Колобова^{1,2}, Т.Г. Филимонова³,
С. Алишер кызы^{1,4}, А.И. Кривошапкин^{1,4}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АНРТ, Душанбе, Таджикистан;

⁴Новосибирский государственный университет, Россия

ТУТКАУЛЬСКАЯ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ: КОМПЛЕКСЫ С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМИ МИКРОЛИТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ПАМИРО-АЛАЯ*

Работа посвящена выделению и обоснованию туткаульской линии развития на территории Памиро-Алая. Авторами проведен технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода материалов памятников Туткаул и Оби-Киик, которые являются ключевыми объектами финального плейстоцена – раннего голоцена региона. В результате анализа были выделены наиболее характерные черты данных комплексов: мелкопластинчатое расщепление и доминирование геометрических микролитов в орудийном наборе, форма которых со временем изменяется от прямоугольников к сегментам. Сопоставление с синхронными стоянками региона показало аналогии на территории Афгано-Таджикской депрессии, Гиссарского хребта и Памира. Корреляционный анализ с верхнепалеолитическими комплексами Памиро-Алая и эппалеолитическими комплексами Леванта и Загроса позволил предположить хронологические рамки туткаульской линии развития в пределах 20–9 тыс. л.н. и говорить о ее поликомпонентном генезисе. Проведенное исследование позволило пересмотреть хронологию, генезис и логику развития комплексов с геометрическими микролитами на территории Памиро-Алая.

Ключевые слова: Памиро-Алай, финальный плейстоцен, ранний голоцен, технико-типологический анализ, каменная индустрия, геометрический микролит.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-10

Введение

Обрамленная Загросом, Гиндукушем, Алтаем и Гималаями, Центральная Азия включает в себя несколько горных систем (Тянь-Шань, Гиссаро-Алай и Памир), которые располагаются на территории ряда современных государств – Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Данная территория включает в себя множество природных коридоров, по которым проходили миграционные маршруты древних человеческих популяций. Там же происходили процессы культурного, технологического и генетического обмена между населением смежных территорий.

Активное планомерное археологическое изучение рассматриваемого региона проводится начиная с середины XX в. [Вишняцкий, 1989, с. 5; Шнайдер, Хошимов, 2013, с. 18]. Тем не менее изучение разных археологических периодов сложно назвать равнозначным, поскольку большинство исследователей сосредоточены на изучении либо самых ранних периодов человеческой истории, либо проблем первой глобализации – появлении и развитии «Шелкового пути». Хронологический отрезок от верхнего палеолита до неолита вплоть до настоящего времени остается малоизученным.

Согласно результатам ранее проводившихся исследований, в период раннего голоцена выделялись два хронологически синхронных комплекса – «мезолит» и «эпипалеолит». Предполагалось, что мезолитические индустрии с геометрическими микролитами представляют собой результат прямых миграций с территорий Ближнего и Среднего Востока, в то время как эпипалеолитические комплексы (без геометриче-

* Работы выполнены при поддержке грантов РФФИ №18-09-00222 и №18-00-00660.

ских микролитов) считались результатом автохтонного развития культуры регионального верхнего палеолита [Окладников, 1966, с. 67; Ranov and Davis, 1979, p. 261; Коробкова, 1989, с. 166; Ранов, Каримова, 2005, с. 88].

Настоящая работа посвящена детальному изучению комплексов с геометрическими микролитами, что потребовало проведения нового всестороннего анализа материалов известных ранее памятников. Прежде всего, многослойной стоянки Туткаул (горизонты (гор.) 3 и 2а) ввиду однозначности ее стратиграфического контекста, где зафиксированы индустрии раннего и позднего этапов мезолита, и материалов памятника Оби-Киик, которые демонстрируют сочетание признаков, характерных для обоих этапов мезолита [Шнайдер, 2013, с. 211].

Материалы и методы

В ходе настоящего исследования был проведен детальный технико-типологический анализ коллекций каменных артефактов в рамках атрибутивного подхода для таких коллекций [Monigal, 2002, p. 50; Павленок, Белоусова, Рыбин, 2011, с. 35–43]. Необходимо отметить, что при анализе первичного расщепления в категорию отходов производства были отнесены обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм в максимальном измерении. Пластинчатые сколы дифференцируются по ширине. Пластинками являются сколы шириной более 12 мм, пластинками – до 12 мм включительно, микропластинками – до 6 мм включительно. Описание нуклеусов в работе приведено в соответствии с классификацией В.Н. Гладилина [1976, с. 7–29].

Местонахождение и история изучения памятника Туткаул

Памятник Туткаул располагался в южном Таджикистане в 70 км на юго-восток от г. Душанбе в местности Дашти-Мазар у входа р. Вахш в Пулисангинское ущелье (рис. 1).

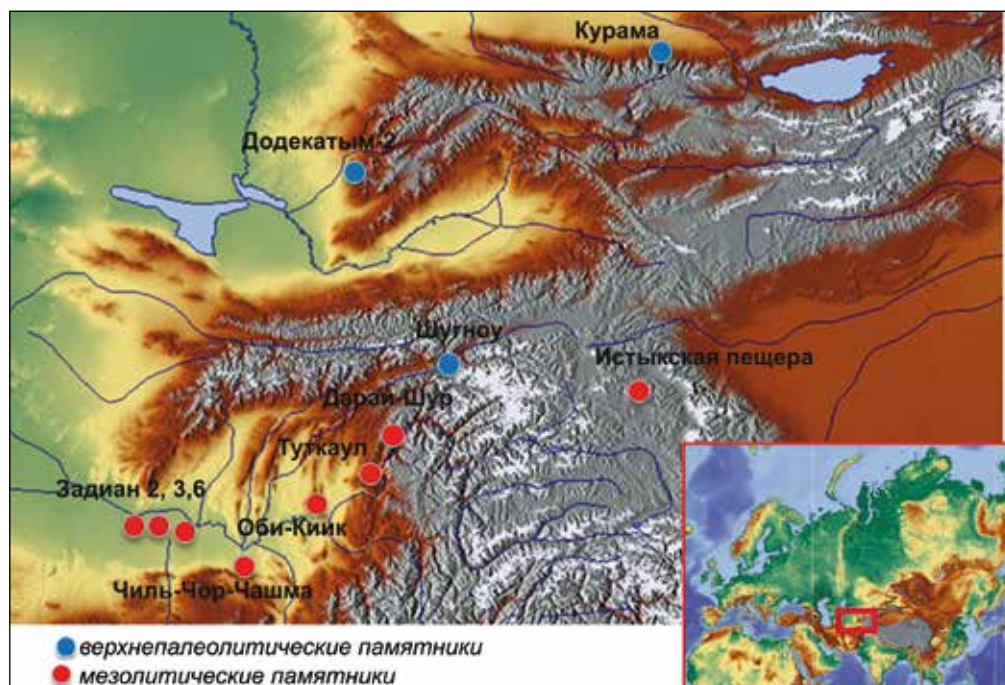

Рис. 1. Расположение археологических памятников, упоминающихся в тексте

Стоянка была обнаружена экспедицией, возглавляемой А.П. Окладниковым [1959, с. 18], в 1956 г. при проведении археологической разведки затопляемых территорий Нурекского водохранилища. Раскопки памятника проводились в рамках спасательных археологических работ в 1963, 1965–1969 гг. под руководством В.А. Ранова [Ранов, Юсупов, 1970, с. 428].

В.А. Рановым на памятнике были выделены шесть литологических слоев (А–Е), которые содержали четыре культуросодержащих горизонта, два верхних слоя (2 и 1) были отнесены им к гиссарской неолитической культуре, два нижних горизонта (3 и 2а) – к мезолиту. Важно отметить, что между мезолитическими горизонтами была выявлена стерильная прослойка мощностью в 2,5 м [Ранов, Коробкова, 1971, с. 136–139; Шнайдер, 2015, с. 10].

Каменная индустрия горизонта 3 памятника Туткаул

Коллекция каменных артефактов насчитывает 874 экз., из них отходы производства составляют 440 экз. (50%) (табл. 1). Петрографический анализ, проведенный ведущим научным сотрудником Института археологии и этнографии СО РАН, кандидатом геолого-минералогических наук Н.А. Кулик, показал, что подавляющую часть коллекции (96%) составляют изделия из высококремнистых пород – кремня и халцедона, 2% – изделия из эффузивных пород и 2% – из песчаника.

В индустрии гор. 3 Туткаула выделены два морфологически выраженных ядрища (табл. 2) – кареноидный нуклеус для пластинок (рис. 2.-21) и микропластин и конвергентный нуклеус для микропластин (рис. 2.-20). Технические сколы представлены в коллекции (11 экз.) таблетками, краевыми сколами, сколами подправки дуги скальвания, и был выделен один скол латеральной подправки кареноидного ядрища (табл. 3, рис. 2.-22). Индустрия сколов представлена отщепами – 121 экз., пластинами – 53 экз., пластинками – 247 экз. (табл. 1).

Таблица 1

Типологический состав коллекций памятников Туткаул (гор. 3, 2а) и Оби-Киик

<i>Категории первичного расщепления</i>	<i>Туткаул</i>				<i>Оби-Киик</i>	
	<i>Слой 3</i>		<i>Слой 2а</i>			
	<i>N</i>	<i>%</i>	<i>N</i>	<i>%</i>	<i>N</i>	<i>%</i>
Нуклевидные изделия	2	0,5	72	4,6	14	6
Гальки	–	–	6	0,4	–	–
Технические сколы	11	3	78	5	6	3
Отщепы	121	28	835	54	145	60
Пластины	53	12	322	21	20	8
Пластинки	247	57	228	15	55	21
<i>Всего, без отходов производства*</i>	<i>434</i>	<i>50</i>	<i>1541</i>	<i>55</i>	<i>240</i>	<i>78</i>
Отходы производства (отломки, чешуйки, отщепы меньше 20 мм)**	440	50	1266	45	69	22
<i>Всего</i>	<i>874</i>	<i>100</i>	<i>2807</i>	<i>100</i>	<i>309</i>	<i>100</i>

* Процент от суммы артефактов горизонта без учета отходов производства;

** процент от общей суммы артефактов горизонта.

Морфометрические характеристики отщепов не стандартизированы, для отщепов характерны угловатая форма, однонаправленная и поперечная огранка дорсальной поверхности, многогранное поперечное сечение, гладкие и линейные ударные площадки.

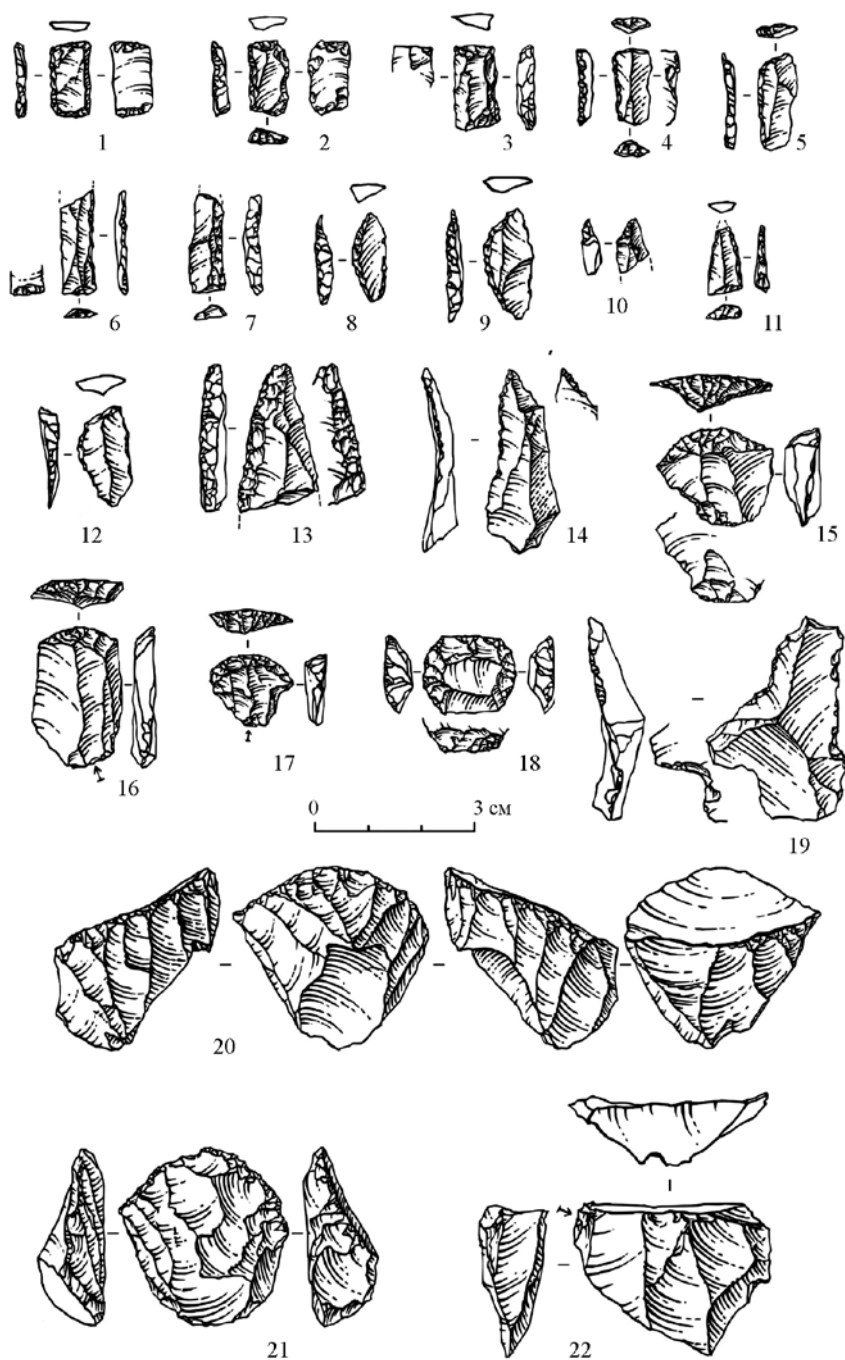

Рис. 2. Коллекция каменных артефактов гор. 3 памятника Туткаул:
 1–7 – прямоугольники; 8, 9, 12 – сегменты; 10, 14 – проколки; 11 – треугольник;
 13 – пластина с альтернативной ретушью; 15–18 – концевые скребки;
 19 – выемчатое изделие; 20–21 – нуклеусы; 22 – технический скол

Согласно морфологии представленных в коллекции ядрищ и составу коллекции можно заключить, что первичное расщепление было направлено на получение мелкопластинчатых сколов. Заготовки демонстрируют следующие характеристики: продольная огранка дорсальной поверхности (82%), прямой (70%), закрученный и изогнутый латеральный профиль (30%), треугольное и трапециевидное латеральное сечение (43%) и редуцированные линейные (57%) или точечные (28%) ударные площадки.

Орудийный набор насчитывает 130 экз. (табл. 4). Основную часть орудийной коллекции составляют геометрические микролиты, среди которых преобладают прямоугольники (рис. 2.-1-7), выделяются единичные экземпляры сегментов (рис. 2.-8, 9, 12) и неравносторонний треугольник (рис. 2.-11). Были также выделены пластинки с притупленным краем, пластины с альтернативной ретушью (рис. 2.-14), проколки (рис. 2.-10, 14), выемчатое орудие (рис. 2.-20) и концевые скребки различных модификаций (рис. 2.-15-18).

Каменная индустрия горизонта 2а памятника Туткаул

Коллекция гор. 2а насчитывает 2807 экз., ее большую часть составляют отходы производства: 1266 экз. – 45% (табл. 1). Для комплекса гор. 2а был проведен петрографический анализ, который показал, что в коллекции доминируют изделия из эффузивных пород (54%), кремня и халцедона (43,9%) при незначительном использовании песчаника (2%) и кварца (0,1%) (личное сообщение канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик) [Шнайдер и др., 2015].

Нуклеидных изделий в комплексе насчитывается 64 экз. (табл. 2), из них обломков выделено 6 экз. Плоскостные нуклеусы включают радиальные (рис. 3.-8), дисковидные, продольные (рис. 3.-2), бипродольные, ортогональные и перпендикулярные типы (рис. 3.-3). В коллекции также выделены торцовые продольные (рис. 3.-1) и бипродольные нуклеусы для пластинок (рис. 3.-7), среди объемных ядрищ доминируют подцилиндрические нуклеусы для пластин (рис. 3.-9) и подцилиндрические (рис. 3.-10) и цилиндрические нуклеусы для пластинок (рис. 3.-5, 6).

Таблица 2

Типологический состав нуклеусов коллекций памятников Туткаул (гор. 3, 2а) и Оби-Киик

Типы нуклеусов	Туткаул		Оби-Киик
	Слой 3	Слой 2а	
Плоскостные нуклеусы	1	28	
<i>для отщепов</i>		16	
радиальный		2	
продольный		10	
бипродольный		2	
ортогональный		2	
<i>для пластинок</i>	1	11	
дискоидальный		1	
продольный		4	
бипродольный		1	
ортогональный		2	
перекрестный		3	
конвергентный	1	–	
<i>для пластин</i>		1	
продольный		1	

Типы нуклеусов	Туткаул		Оби-Киик
	Слой 3	Слой 2а	
Торцовые нуклеусы		11	2
<i>для пластинок</i>		<i>11</i>	<i>2</i>
торцовый продольный		6	2
торцовый бипродольный		5	
Объемные нуклеусы	1	19	2
<i>для пластин</i>		<i>2</i>	
подцилиндрический		2	
<i>для пластинок</i>	<i>1</i>	<i>17</i>	<i>2</i>
подконусовидный		10	
цилиндрический		7	
кареноидный	1		2
Всего	2	58	4

Технических сколов в коллекции выделено 78 экз., среди них представлены сколы подправки фронта расщепления, латеральные сколы (рис. 3.-4), краевые снятия, «таблетки», реберчатые и полуреберчатые пластины. Большая часть сколов в индустрии представлена отщепами – 835 экз., пластинчатых заготовок насчитывается 550 экз., из них пластин – 322 экз., пластинок – 228 экз. (рис. 4.-1).

Таблица 3

Типологический состав технических сколов коллекций памятников Туткаул (гор. 3, 2а) и Оби-Киик

Типы технических сколов	Туткаул		Оби-Киик
	Слой 3	Слой 2а	
краевой скол	3	15	1
скол подправки фронта расщепления	3	24	2
«таблетка»	4	13	–
«полутаблетка»	–	–	1
реберчатая пластина	–	7	–
полуреберчатая пластина	–	9	–
латеральный скол подправки	1	2	2
скол подправки терминальной части нуклеуса	–	7	–
заныривающий	–	1	–
Всего	11	78	6

Проведенный анализ сколов показывает, что преимущественно плоскостное расщепление было направлено на получение нестандартизированных по метрическим и морфологическим характеристикам отщепов. Отщепы, представленные в индустрии, характеризуются варьирующей формой скола и ударной площадки, следы кортикальной поверхности были идентифицированы на половине сколов. Пластинчатые сколы данного культурного горизонта характеризуются продольной огранкой дорсальной поверхности (80%), линейными (50%) и точечными (25%) ударными площадками, треугольным (58%) и трапециевидным (36%) поперечным сечением и прямым латеральным профилем (90%).

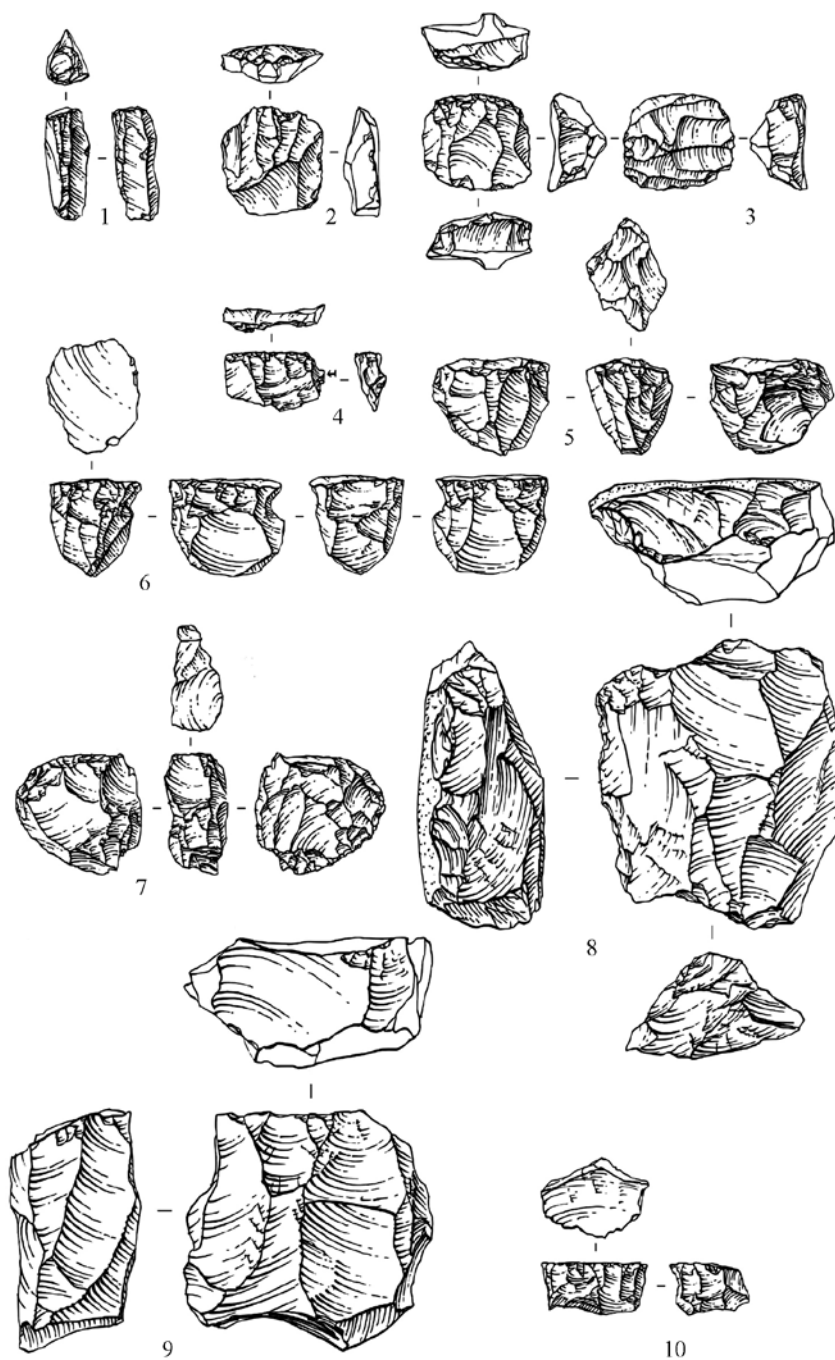

Рис. 3. Коллекция каменных артефактов гор. 2а памятника Туткаул:
1 – торцовый нуклеус; 2 – продольный нуклеус; 3 – перпендикулярный;
4 – технический скол; 5–6 – цилиндрические нуклеусы; 7 – бипродольный
торцовый нуклеус; 8 – радиальный нуклеус; 9–10 – подцилиндрические нуклеусы

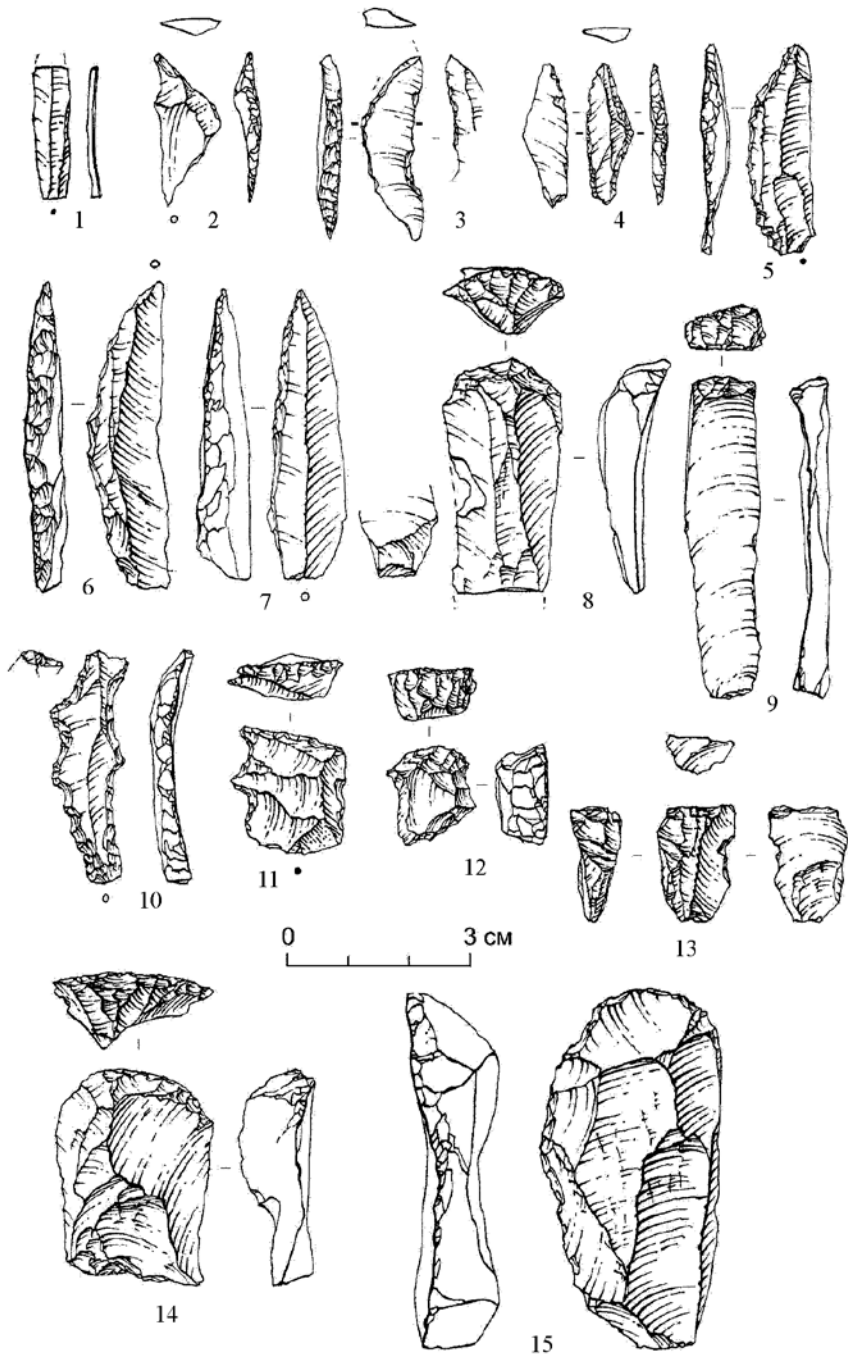

Рис. 4. Коллекция каменных артефактов гор. За памятника Туткаул:
 1 – пластинка; 2–3 – сегменты; 4 – треугольник; 5–6 – острия туткаульского типа;
 7 – остроконечная пластинка с притупленным краем; 8–9, 12, 14 – скребки;
 10 – выемчатое изделие; 11 – шиповидное изделие; 13 – долотовидное изделие; 15 – скребло

Орудийный набор насчитывает 264 экз. (табл. 4). Наиболее многочисленной категорией орудийной коллекции являются геометрические микролиты в виде сегментов (рис. 4.-2, 3), выделяются единичные треугольники (рис. 4.-4). К категории негеометрических микролитов отнесены пластинка с притупленным краем и узкое микроострие с тронкированным основанием. Значительную часть орудийной коллекции составляют острия туткаульского типа (острия на пластинах, асимметричность которым задавалась ретушью притупления) (рис. 4.-5, 6). В комплексе также выделены пластины с притупленным краем, концевые скребки различных модификаций (рис. 4.-8, 9, 12, 14), скребла (рис. 4.-15), выемчатые (рис. 4.-10), шиповидные (рис. 4.-11) и долотовидные изделия (рис. 4.-13).

Таблица 4

Типологический состав орудий коллекций памятников Туткаул (гор. 3, 2а) и Оби-Киик

Тип орудия	Туткаул		Оби-Киик
	Слой 3	Слой 2а	
Геометрические микролиты:	38	46	14
прямоугольник	32	–	–
сегмент	5	43	14
треугольник	1	3	–
пластинка с притупленным краем	15	1	7
узкое микроострие с тронкированным основанием	–	1	–
туткаульское острие	–	45	–
острие с притупленным краем	–	6	4
острие с двумя притупленными краями	–	6	–
пластина с ретушью притупления	–	2	1
пластина с альтернативной ретушью	5		3
концевые скребки	21	30	3
скребло	–	4	–
проколка	6	13	3
выемчатое орудие	1	17	12
долотовидное орудие	–	12	1
резец	–	1	1
пластина с ретушью	11	6	3
пластинка с ретушью	7	8	1
отщеп с ретушью	4	22	11
пластина с ретушью утилизации	5	–	4
пластинка с ретушью утилизации	4	3	4
отщеп с ретушью утилизации	4	7	–
неопределимые фрагменты орудий	9	34	3
Всего	130	264	75

Местонахождение и история изучения памятника Оби-Киик

Памятник Оби-Киик располагается в 50 км южнее г. Душанбе (Таджикистан) в устье ущелья Дагана перед его выходом в Оби-Киикскую долину (урочище Дашти-Киик) (рис. 1). Стоянка была обнаружена А.П. Окладниковым в 1948 г. и повторно ис-

следовалась им же в 1953 г. Планомерные археологические раскопки проводились на памятнике в 1964 г. под руководством В.А. Ранова [1980, с. 83].

На памятнике В.А. Рановым выделены два литологических слоя, археологический материал приурочен к верхней части первого слоя и залегает в переотложенном состоянии. Тем не менее, основываясь на сохранившихся описаниях характера залегания артефактов в слое и имеющихся в коллекции склейках, можно уверенно утверждать, что представленный на данном памятнике археологический материал принадлежит одному комплексу [Шнайдер, 2014, с. 110].

Каменная индустрия памятника Оби-Киик

В коллекции каменных артефактов памятника Оби-Киик насчитывается 309 экз., из общего количества отходы производства составляют 22% (69 экз.) (табл. 1). Для коллекции проведен петрографический анализ кандидатом геолого-минералогических наук Н.А. Кулик, который показал, что все изделия изготовлены из кремня.

Нуклеидные изделия (14 экз.) представлены обломками (7 экз., табл. 2), типологически выраженные нуклеусы выполнены в рамках объемного и торцового принципов расщепления. В коллекции присутствуют также фрагменты торцового и кареноидного нуклеусов и заготовка кареноидного ядрища. Торцовый принцип расщепления представлен одноплощадочными нуклеусами для пластинок (рис. 5.-15), объемный принцип расщепления – кареноидными одноплощадочными бифронтальным и монофронтальным нуклеусами для пластинок (рис. 5.-17, 18). В категории технических сколов представлены сколы подправки фронта расщепления (рис. 5.-16), сколы латеральной подправки и скол-«полутаблетка», полученные с кареноидных нуклеусов (табл. 3). Большая часть сколов в индустрии представлена отщепами – 145 экз. Пластинчатых сколов в коллекции насчитывается 75 экз., из них пластин – 20 экз., пластинок – 55 экз.

Морфометрические характеристики отщеповых снятий не стандартизированы, для них характерны угловатая форма, продольная огранка дорсальной поверхности, треугольное и трапециевидное поперечное сечение и распространение гладких и линейных ударных площадок. В целом набор данных признаков в совокупности с отсутствием нуклеусов для отщепов может свидетельствовать о том, что они не являлись целевыми заготовками и были получены при оформлении ядрищ.

Пластинчатые сколы характеризуются продольной огранкой дорсальной поверхности (90%), линейными (30%) и гладкими (25%) ударными площадками, треугольным (35%) и трапециевидным (45%) поперечным сечением и прямым латеральным профилем (52%), доля изделий с изогнутым и закрученным латеральным профилем составляет 36%.

Орудийный набор индустрии насчитывает 75 экз., основную часть составляют сегменты (табл. 4, рис. 5.-1–3, 5). К категории негеометрических микролитов были отнесены пластинки с притупленным краем (рис. 5.-7), остроконечные пластинки с притупленным краем (рис. 5.-4). Помимо этого, в коллекции выделены пластины с альтернативной ретушью (рис. 5.-8, 10), пластина с притупленным краем, в коллекции содержатся также концевые скребки (рис. 5.-11), выемчатые (рис. 5.-6, 14), шиповидные изделия (рис. 5.-12, 13), двулезвийное долотовидное орудие и угловой монофасеточный резец (рис. 5.-9).

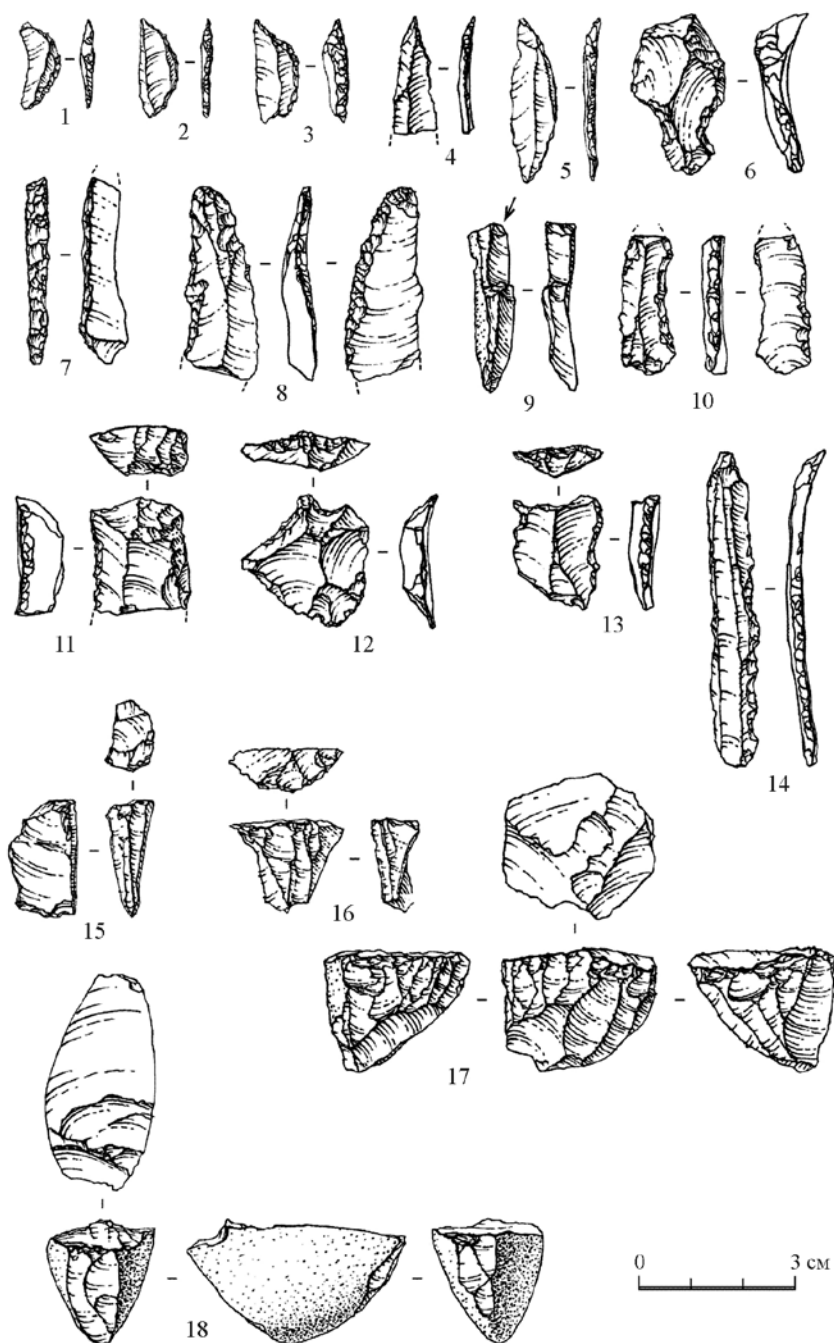

Рис. 5. Коллекция каменных артефактов памятника Оби-Киик:
1–3, 5 – сегменты; 4 – остроконечная пластинка с притупленным краем;
6, 14 – выемчатые изделия; 7 – пластинка с притупленным краем;
8, 10 – пластины с альтернативной ретушью; 9 – резец; 11 – скребок;
12–13 – шиповидные изделия; 15, 17, 18 – нуклеусы; 16 – скол подправки фронта расщепления

Сопоставление материалов памятников Туткаул (гор. 3–2а) и Оби-Киик

До настоящего времени материалы памятников Туткаул (гор. 2а, 3) и Оби-Киик сопоставлялись исключительно на типологическом уровне [Коробкова, 1989, с. 163; Ранов, Каримова, 2005, с. 88], проведенный на новом этапе исследований детальный технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода каменных индустрий памятников Туткаул (гор. 2а, 3) и Оби-Киик позволил значительно расширить перечень их характеристик.

При сопоставлении сырьевой базы двух комплексов стоянки Туткаул выявлено, что в этом аспекте индустрия гор. 2а более разнообразна: здесь практически в равной степени использовалось кремневое и эффузивное сырье, что повлияло на характеристики первичного расщепления и орудийного набора.

Проведенный анализ показал, что в индустрии гор. 3 памятника Туткаул пластины получали с одноплощадочных ядрищ посредством продольного краевого скалывания, ориентированного вдоль двух прямых направляющих ребер. Производство пластинок с изогнутым и закрученным профилем осуществлялось в рамках кареноидного расщепления, а прямопрофильных пластинок – в рамках продольного скалывания с одноплощадочных ядрищ. В орудийном наборе комплекса доминируют высокие концевые микроскребки и геометрические микролиты в виде прямоугольников (сегменты и треугольники единичны), а также присутствуют пластины с альтернативной ретушью.

В гор. 2а памятника Туткаул представлено целенаправленное производство отщепов с плоскостных ядрищ в рамках продольного, поперечного, центростремительного и ортогонального скалываний. Пластины демонстрируют признаки их получения с одноплощадочных нуклеусов путем преимущественно некраевого скалывания, ориентированного вдоль двух прямых направляющих ребер. Для производства пластинок и микропластин использовались в большей степени одноплощадочные торцовые и объемные ядрища, отмечается значительная доля (ок. 20%) бипродольного расщепления. В орудийном наборе доминируют сегменты, острия туткаульского типа, концевые скребки, отмечается значительная доля выемчатых, шиповидных и долото-видных орудий.

В целом, говоря об общих характеристиках каменного производства в изученных комплексах стоянки Туткаул, можно отметить следующее:

- использование при производстве мелкопластинчатых заготовок кремневого сырья;
- преимущественная утилизация одноплощадочных ядрищ для производства пластинок и микропластин с прямым профилем;
- наличие в орудийных наборах сегментов, концевых скребков и пластинок с притупленным краем. При этом отметим, что в индустрии гор. 3 сегменты представлены лишь единичными экземплярами, а в гор. 2а они выступают одним из основных типов орудий. Пластинки с притупленным краем, напротив, являются одним из основных типов орудийной коллекции гор. 3, в то время как в гор. 2а выделено всего одно подобное изделие.

В результате проведенного анализа установлено, что мезолитические горизонты памятника Туткаул демонстрируют определенное сходство между комплексами. Стратиграфическое положение культурных горизонтов свидетельствует об определенном временном разрыве между ними, что, на наш взгляд, более обоснованно объясняет различия в каменном инвентаре, нежели их разнокультурная интерпретация.

Характерные черты как для гор. 3, так и для гор. 2а Туткаула демонстрируют материалы памятника Оби-Киик. Для данной индустрии характерно получение пластин с одноплощадочных ядрищ посредством краевого скалывания, ориентированного вдоль двух прямых направляющих ребер. Получение пластинок осуществлялось с однонаправленных кареноидных и торцовых ядрищ. При этом в индустрии отмечается наличие единичных ярких маркеров применения для производства пластинок как ударной, так и отжимной техники скола. В орудийном наборе преобладают сегменты и выемчатые орудия, присутствуют пластины с альтернативной ретушью и негеометрические микролиты – пластинки с притупленным краем и остроконечные пластинки с притупленным краем.

При проведении корреляций материалов Оби-Киик с индустрией гор. 3 выделяются следующие общие характеристики:

- использование схожих типов сырья;
- отсутствие стратегий расщеплений, направленных на получение отщепов;
- схожие стратегии получения пластин;
- схожие стратегии получения мелкопластинчатых заготовок, при этом отмечается значительная доля кареноидного расщепления;
- специфические типы орудий – сегменты, пластинки с притупленным краем (рис. 6.-1, 2), пластины с альтернативной ретушью. Отметим, что заготовки и вторичная обработка изделий имеют схожие морфологические характеристики, в том числе близкие метрические параметры.

При корреляции комплексов Оби-Киика и гор. 2а Туткаула обнаруживаются следующие общие характеристики:

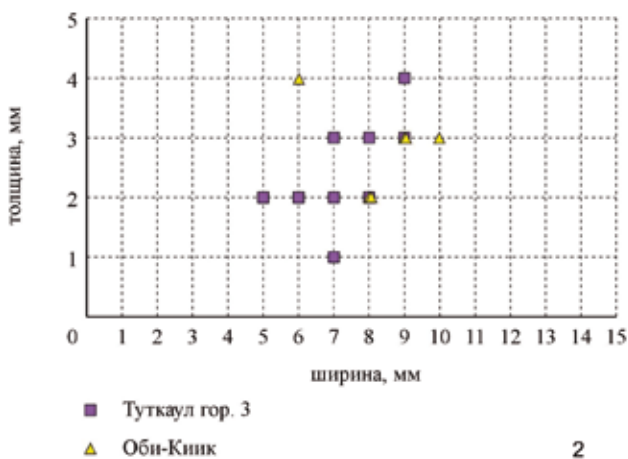
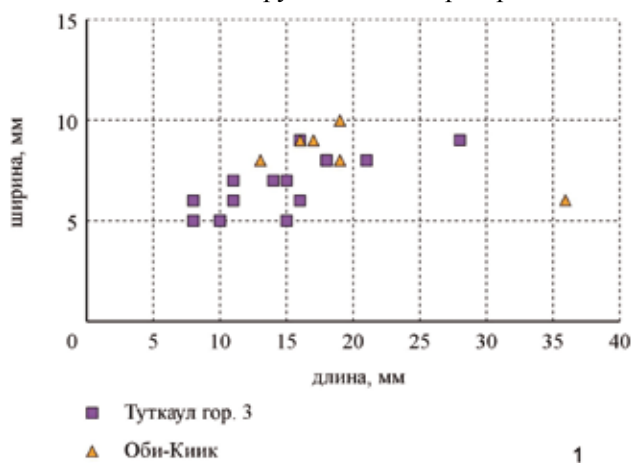

Рис. 6. Сопоставление метрических параметров пластинок с притупленным краем коллекций памятников Туткаул (гор. 3) и Оби-Киик: 1 – соотношение длины и ширины пластинок с притупленным краем из индустрий гор. 3 памятника Туткаул и памятника Оби-Киик; 2 – соотношение ширины и толщины пластинок с притупленным краем из индустрий гор. 3 памятника Туткаул и памятника Оби-Киик

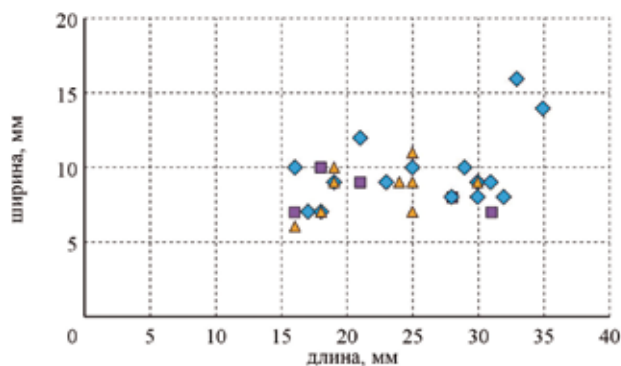
– доминирование в орудийном наборе сегментов. Метрические параметры заготовок и характер вторичной обработки кремневых сегментов Оби-Киик и значительной доли кремневых сегментов Туткаула 2а схожи (рис. 7.-1–2). Также в обоих комплексах фиксируется тенденция применения двусторонней ретуши для оформления сегментов с наибольшей толщиной (от 4 мм);

– значительное количество выемчатых орудий. Выемчатые изделия обоих комплексов

в большей степени оформлялись на пластинах дорсальной чешуйчатой субпараллельной постоянной сильно модифицирующей рабочий край ретушью.

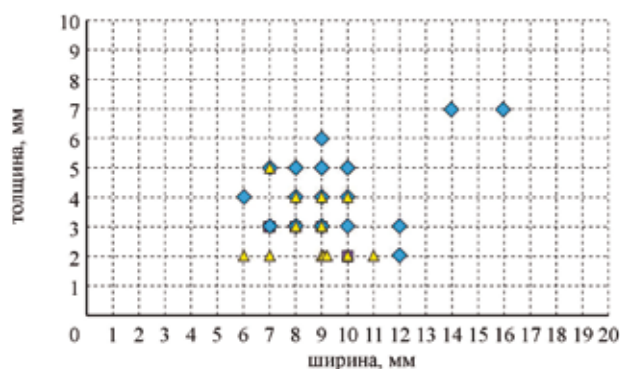
Анализ каменной коллекции памятника Оби-Киик показал, что в данной индустрии отмечается как доминирование в орудийном наборе сегментов (при полном отсутствии других типов геометрических микролитов), так и присутствие в первичном расщеплении кареноидных нуклеусов. Ранее одновременное сочетание этих признаков в одном комплексе не отмечалось. Считалось, что кареноидное расщепление связано с верхнепалеолитическими-раннемезолитическими индустриями (Шугноу, Харкуш, Додекатым-2, Туткаул гор. 3) [Колобова, 2014, с. 32–33; Шнайдер, 2013, с. 114], а наличие сегментов маркировало поздний этап развития мезолита региона (Туткаул гор. 2, Дарай-Шур) [Ранов, 1988, с. 18–19; Филимонова, 2007, с. 20].

На основе детального изучения технико-типологических параметров комплекса Оби-Киик можно предположить, что и хронологически, и технологически он занимает переходное положение между индустриями гор. 3 и гор. 2а Туткаула.

■ Туткаул гор. 3
 ◆ Туткаул гор. 2а
 ▲ Оби-Киик

1

■ Туткаул гор. 3
 ◆ Туткаул гор. 2а
 ▲ Оби-Киик

2

Рис. 7. Сопоставление метрических параметров кремневых сегментов коллекций памятников Туткаул (гор. 3, 2а) и Оби-Киик: 1 – соотношение длины и ширины кремневых сегментов из индустрий гор. 3, 2а памятника Туткаул и памятника Оби-Киик; 2 – соотношение ширины и толщины кремневых сегментов из индустрий гор. 3, 2а памятника Туткаул и памятника Оби-Киик

Сравнительный анализ с материалами Памиро-Алая

Анализ ключевых комплексов региона Туткаула и Оби-Киика позволил выявить ряд значимых характеристик и пересмотреть их атрибуцию относительно взглядов предыдущих исследователей. Таким образом, для оценки вариабельности индустрий необходимо вернуться к рассмотрению материалов синхронных комплексов региона.

Схожие характеристики рассматриваемых индустрий Туткаул (гор. 2а, 3) и Оби-Киик демонстрируют материалы памятников Чиль-Чор-Чашма, Дарай-Шур, Истыкская пещера (гор. 3–4), Задиан-2 (№334), Задиан-3, Задиан-6, пункт 424а, пункт 424б, располагающихся на территории Памиро-Алая (рис. 1).

В материалах местонахождения *Чиль-Чор-Чашма* (Афгано-Таджикская депрессия) наблюдается наибольшее количество сходных черт с материалами гор. 3 памятника Туткаул. Местонахождение Чиль-Чор-Чашма включает материалы с пяти пунктов с поверхностным залеганием артефактов. Поскольку археологический материал со всех пунктов сборов имеет схожие технико-типологические характеристики, он рассматривался исследователями как единый комплекс [Окладников, 1958, с. 57–58; Ранов, Каримова, 2005, с. 89–90]. Основным использовавшимся типом сырья в данной индустрии был кремень. Самым ярким компонентом орудийной коллекции являются геометрические микролиты в виде прямоугольников, которые изготавливались на медiallyх фрагментах пластинок посредством нанесения ретуши притупления на продольный и два поперечных края заготовки (рис. 8.-19, 21). Необходимо отметить, что поперечные края, кроме притупления, несут следы утилизации в виде вентральной стелящейся разноразмерной чешуйчатой и субпараллельной ретуши (рис. 8.-21). По морфологическим и метрическим параметрам данные микролиты полностью соответствуют прямоугольникам гор. 3 Туткаула. В Чиль-Чор-Чашме также были обнаружены сегменты, которые находят аналогии с подобными изделиями из гор. 3 Туткаула (рис. 8.-20). На сходство между комплексами указывают и такие типы орудий, как пластины с ретушью, пластины с альтернативной ретушью, микроскребки (рис. 8.-22, 23). Последние и по метрическим параметрам схожи с изделиями из гор. 3 Туткаула.

Таким образом, между индустриями Чиль-Чор-Чашмы и гор. 3 Туткаула прослеживаются значительные сходства на основании схожих типов ядрищ и орудий.

Наиболее близкой в технико-типологическом отношении к материалам гор. 2а Туткаула является индустрия стоянки *Дарай-Шур*, расположенной в отрогах Гиссарского хребта. При раскопках Дарай-Шура был выделен один культурный слой, датированный по археологическому материалу 9–13 тыс. л.н. [Ранов, Юсупов, Филимонова, 1982, с. 17–19]. Согласно исследованиям Т.Г. Филимоновой, в этом комплексе представлены следующие типы сырья: эффузивные и метаморфические породы из аллювиальных отложений р. Вахш, а также кремень из известняковых отложений. Для данных типов пород исследователь выделяет различные техники расщепления – галечную и микропластинчатую. В орудийном наборе доминируют концевые скребки, сегменты, острия туткаульского типа, в коллекции выделяются также выемчатые и шиповидные изделия.

В 2014 г. было проведено повторное изучение коллекции стоянки Дарай-Шур. К сожалению, в силу различных причин коллекция сохранилась не полностью. Среди имеющихся в настоящее время материалов практически отсутствуют пластинчатые сколы, сегменты, острия туткаульского типа, известные по упоминанию в публика-

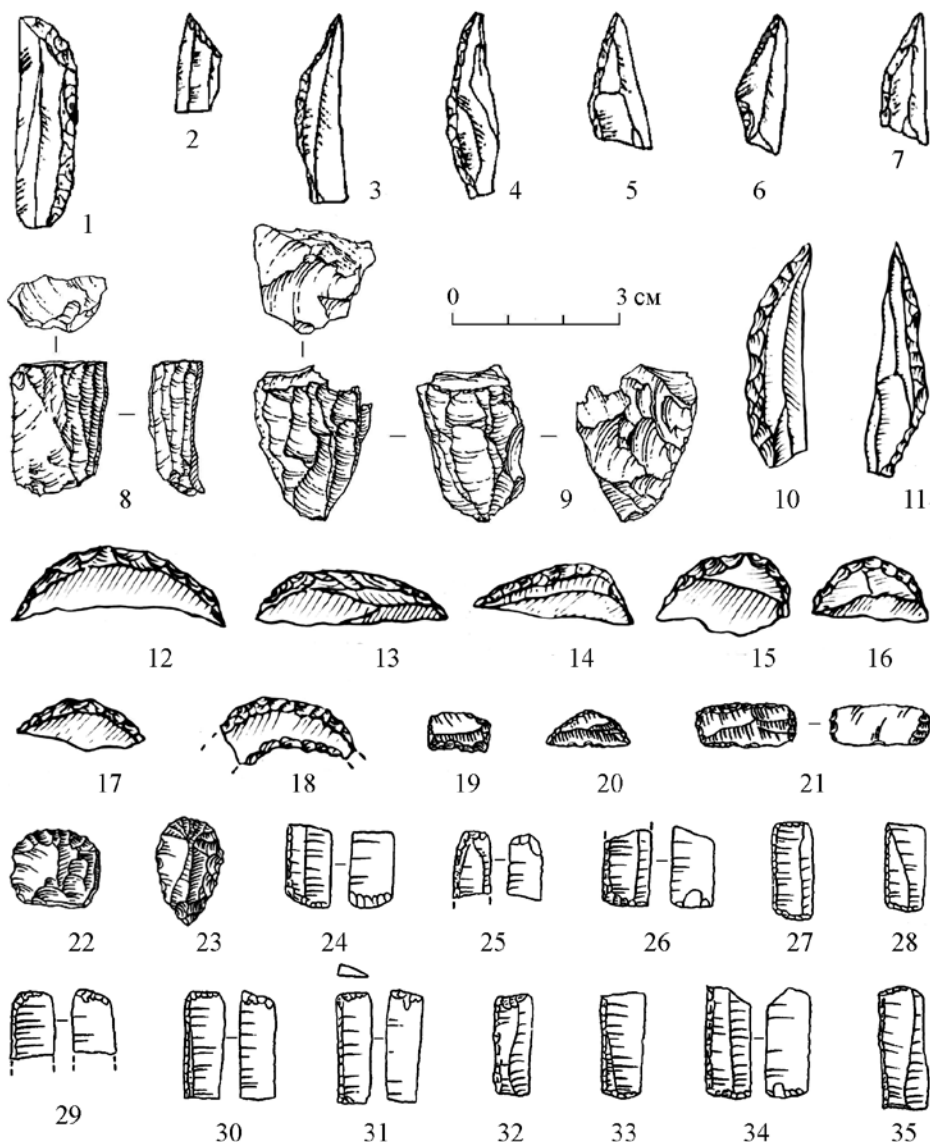

Рис. 8. Каменные артефакты из мезолитических комплексов запада Центральной Азии:
 1–7 – материалы памятника Истыкская пещера (сл. 3–4);
 8–18 – материалы памятника Дарай-Шур; 19–23 – материалы памятника
 Чиль-Чор-Чашма; 24–35 – материалы памятника Задиан-3

циях. Тем не менее на основе оставшегося материала, прекрасно сохранившейся полевой документации и информации, представленной в диссертации Т.Г. Филимоновой [2007], удалось составить представление об индустрии гrotта Дарай-Шур.

В индустрии Дарай-Шура наблюдаются такие же стратегии расщепления, как и в гор. 2а Туткаула. В обоих комплексах выделяется дифференцированный подход при утилизации различных типов сырья. На эффузивных и метаморфических галь-

как изготовлены нуклеусы «чопперо-чоппинговидной формы» и плоскостные (радиальные, дисковидные, продольные, поперечные, ортогональные и т.д.) [Филимонова, 2007, с. 10], направленные на получение сколов с пропорциями отщепов. Сколы, согласно трасологическим исследованиям Т.Г. Филимоновой, использовались без предварительной подготовки для выполнения разовых операций. Кроме этого, выделяется представительная серия «галек-нуклеусов» [Филимонова, 2007, с. 10], выполненных на овальных слабовыпуклых гальках средне- и крупнозернистого олегомиктового песчаника (личное сообщение канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик, 2014). С данных изделий снимались первичные округло-овальные отщепы, использовавшиеся, согласно Т.Г. Филимоновой, в дальнейшем в качестве скребел.

Объемные (конусовидные, подконусовидные, призматические, подпризматические) и торцовые нуклеусы служили исключительно для получения пластинок и микропластин (рис. 8.-9, 10). В качестве заготовок для них выступали небольшие желваки кремня. Судя по малому количеству сколов декортикации и технических сколов, отображающих ранние стадии утилизации, как, собственно, и ядрищ, оставленных на начальных стадиях расщепления, можно предположить, что на территорию стоянки приносились уже оформленные кремневые нуклеусы. Практически все они представлены в истощенном или фрагментированном состоянии.

Орудийные ансамбли Дарай-Шура и гор. 2а Туткаула в целом аналогичны. Такие типы орудий, как сегменты (рис. 8.-10-18), острия туткаульского типа, концевые скребки, выемчатые, шиповидные и долотовидные изделия, по своим основным характеристикам схожи, за исключением того, что в индустрии Дарай-Шура острия туткаульского типа имеют меньшую длину (от 25 до 35 мм).

Таким образом, между индустриями Дарай-Шура и гор. 2а Туткаула прослеживаются прямые аналогии, как в стратегиях первичного расщепления, так и в орудийном наборе. Выявлено единственное отличие – присутствие в индустрии Дарай-Шура «галек-нуклеусов», выполненных из олигомиктового песчаника.

Ключевое значение для понимания хронологии развития каменных индустрий в раннем голоцене имеют материалы *Истыкской пещеры* (Восточный Памир). Здесь обнаружено четыре непотревоженных культурных горизонта. На основе сходств археологического материала гор. 1 и 2, 3 и 4 были объединены в две группы. Исследователи ассоциировали верхний и нижний комплексы Истыкской пещеры с разными линиями развития: нижний с мезолитом, сопоставляя его с комплексом гор. 2а стоянки Туткаул, а верхний – с эпипалеолитом (маркансуйская культура) [Ранов, Юсупов, Филимонова, 1982, с. 17–19; Коробкова, 1989, с. 163; Филимонова, 2007, с. 20]. Для слоев 3 и 4 имеется серия абсолютных датировок от 13 800 до 9700 тыс. л.н. [Shnaider et al., 2018].

Общая численность каменной коллекции составляет 956 экз. (личное сообщение канд. ист. наук Т.Г. Филимоновой, 2013). Благодаря Т.Г. Филимоновой была получена возможность ознакомиться с наиболее представительной частью коллекции (острия туткаульского типа, сегменты, концевые скребки) нижних горизонтов Истыкской пещеры, а также с полевой документацией и личными описаниями материала, составленными В.А. Жуковым и Т.Г. Филимоновой. Первичное расщепление комплекса представлено призматическими и торцовыми ядрищами для пластинчатых сколов. Отметим, что торцовые нуклеусы морфологически схожи с нуклеусами гор. 2а памят-

ника Туткаул. Изделия прямоугольные в плане, ударная площадка подготавливалась одним широким снятием, на контрфронте оформлялся киль.

Орудийные наборы нижних горизонтов Истыкской пещеры и гор. 2а Туткаула также схожи, их основу составляют сегменты (рис. 8.-4–7), острия туткаульского типа (рис. 8.-1–3), концевые скребки, остроконечные пластины с ретушью притупления, пластины с одним и двумя притупленными краями, пластинки с притупленным краем, а также выемчатые и шиповидные изделия. Аналогии между орудиями прослеживаются как на уровне выбора заготовок, так и в характере вторичной обработки. Так, острия туткаульского типа изготавливались на прямопрофильных пластинчатых сколах (с шириной от 10 до 15 мм), один продольный край заготовки несет следы ретуши притупления, которой задавалась дистальная асимметрия изделию. В качестве заготовок для скребков выступали медиально-дистальные фрагменты пластин и целые отщепы. Дистальная часть оформлялась дорсальной крутой среднемодифицирующей постоянной равно- и разноразмерной ретушью. Часть изделий имеет дополнительные участки ретуши по одному или двум продольным краям, несущим вспомогательные функции.

Таким образом, между индустрией нижних горизонтов Истыкской пещеры и гор. 2а Туткаула прослеживаются прямые аналогии.

В Северном Афганистане А.В. Виноградовым было обнаружено несколько подъемных комплексов, где широко представлены схожие относительно друг друга комплексы, которые на основе орудийных наборов можно сравнивать с материалами Туткаула и Оби-Киика. Так, геометрические микролиты в виде прямоугольников были найдены на стоянках *Задриан-2 (№334)*, *Задриан-3*, *Задриан-6*, *пункты 424а, 424б*. Согласно описаниям и иллюстрациям, представленным исследователем, прямоугольники североафганских подъемных комплексов полностью аналогичны изделиям гор. 3 Туткаула (рис. 8.-24–35). На параллели между комплексами указывают также высокие микроскребки на отщепе и пластины с крутой дорсальной ретушью [Виноградов, 1979, с. 11–21; Ранов, 1988, с. 18; Коробкова, 1989, с. 163]. Имеющиеся сходства между этими комплексами позволяют уверенно коррелировать их с индустрией гор. 3 Туткаула.

На местонахождениях с поверхностным залеганием артефактов *Задриан-7*, *Ничка-5*, *Тагана-5*, *пункты 67а и 407* представлены индустрии, в орудийных наборах которых отмечается наличие удлиненных сегментов, асимметричных треугольников, острий с притупленной спинкой (которые А.В. Виноградов считал аналогами острий туткаульского типа), выемчатых изделий, единичных экземпляров скребков и резцов. А.В. Виноградов и Г.Ф. Коробкова предполагали культурно-хронологическое единство данных комплексов с индустриями гор. 2а Туткаула и Оби-Киика [Виноградов, 1979, с. 14–21; Коробкова, 1989, с. 163–164], с чем нельзя не согласиться.

Нельзя обойти вниманием материалы слоя 0 стоянки *Шугноу* (Предпамирье) [Ранов, Каримова, 2005, с. 92; Ранов и др., 2012, с. 13; Колобова и др., 2016, с. 251–255]. По уточненным данным, немногочисленная коллекция комплекса содержит 217 экз. каменных изделий, среди которых представлены нуклеусы плоскостного, призматического и торцового принципов расщепления для отщепов и мелкопластинчатых заготовок; в орудийном наборе фиксируются скребки, пластина с ретушью, нож и острие с притупленным дистальным окончанием [Ранов и др., 2012, с. 13]. Прямые типологи-

ческие аналогии индустрии слоя 0 Шугноу усматриваются в материалах гор. 3 памятника Туткаула и в материалах Оби-Киика. В комплексах выделяются схожие объемные нуклеусы, для них характерен угол между ударной площадкой и фронтом расщепления около 70° , D-образный фронт расщепления, который демонстрирует негативы отделения пластинок с закрученным и изогнутым профилем. В целом данные нуклеусы морфологически близки к кареноидным ядрищам.

В орудийных наборах прослеживаются прямые аналогии между комплексами слоя 0 Шугноу и материалами Оби-Киика, так, в обоих комплексах зафиксировано применение техники притупления, а также выделены схожие специфические изделия – остроконечная пластинка с притупленным краем, помимо этого, в коллекциях отмечается наличие схожих типов концевых скребков. Таким образом, на настоящем этапе исследований предлагается рассматривать данный технокомплекс как близкий по технико-типологическим параметрам индустриям гор. 3 Туткаула и памятника Оби-Киик (подробный анализ смотреть в публикациях [Колобова и др., 2016, с. 252–254; Колобова и др., 2017, с. 62–64]).

Проведенные корреляции Туткаула и Оби-Киика с относительно синхронными индустриями западной части Центральной Азии выявили несколько памятников, материалы которых демонстрируют схожие черты. Аналогичные материалы гор. 3 Туткаула отмечаются на местонахождениях Афгано-Таджикской депрессии Чиль-Чор-Чашма, Задиан-2, 3, 6, пункты 424а и 424б. Сходными характеристиками с гор. 2а Туткаула обладают материалы памятников Дарай-Шур (Гиссаро-Алай) и Истыкская пещера (Памир). Предварительный характер публикации подъемных комплексов Афгано-Таджикской депрессии Задиан-7, Ничка-5, Тагана-5, пункты 67а и 407 не позволил их четко атрибутировать. Данные комплексы демонстрируют сходства как с гор. 2а Туткаула, так и с памятником Оби-Киик. Индустрия слоя 0 стоянки Шугноу находит аналогии с коллекциями памятника Оби-Киик и гор. 3 Туткаула.

Корреляции мезолитических комплексов Туткаула и Оби-Киика с эппалеолитическими индустриями Леванта и Загроса

При выяснении вопросов происхождения обсуждаемых коллекций практически все исследователи обращались исключительно к материалам эппалеолитических индустрий Леванта и Загроса, считая их основным (а часто и единственным) источником формирования индустрий с геометрическими микролитами на территории Памиро-Тянь-Шаня [Виноградов, 1979, с. 20–21; Коробкова, 1989, с. 164; Ранов, 1991, с. 26; Филимонова, 2007, с. 21]. Для средне- и верхнепалеолитической эпох западной части Центральной Азии были обоснованы многократные эпизоды взаимодействий с комплексами Леванта и Загроса [Кривошапкин, 2012, с. 26–28; Колобова, 2014, с. 26–31]. С учетом этих двух обстоятельств в качестве корреляционных привлечены материалы синхронных комплексов данных регионов.

При проведении корреляций эппалеолитических комплексов Леванта и Загроса с материалами Памиро-Алая фиксируется значительное сходство, выражающееся в первую очередь в синхронном распространении на огромных территориях определенных типов геометрических микролитов.

В каждом рассматриваемом нами регионе выявляются процессы ранней геометризации: на территории западной части Центральной Азии более 23 тыс. л.н. на памятнике Додекатым-2 [Колобова и др., 2011, с. 16], в Леванте около 23 тыс. л.н. (кали-

брованные значения) на Охало-2 [Nadel, 2003, p. 217] и около 22 тыс. л.н. в Загросе на Варвази [Smith, 1986, p. 28]. В данных комплексах широко представлены геометрические микролиты в виде треугольников, отмечаются также пластинки с притупленным краем и микроострия. Значительная степень типологического сходства, проявляемая данными комплексами, позволила сделать вывод о едином тренде развития сравниваемых ансамблей [Kolobova et al., 2018].

В среднеэпипалеолитических комплексах Леванта (17,5–14,6 тыс. л.н.) / Загроса (14,35–10,6 (некалиброванные значения) тыс. л.н.) и в материалах гор. 3 памятника Туткаул получают широкое распространение геометрические микролиты в виде низких прямоугольников. При этом во всех комплексах кроме прямоугольников отмечается наличие сегментов, треугольников и пластинок с притупленным краем [Belfer-Cohet, Goring-Morris, 2013, p. 1383; McDonald, 2010, p. 32–35; Olszewski, 2012, p. 8–10; Ярошевич, 2006, с. 15–16].

При сравнении позднеэпипалеолитических индустрий Леванта (14,6–11,5 тыс. л.н.) и Загроса (12,5–10,2 (некалиброванные значения) тыс. л.н.) с индустриями гор. 2а Туткаула и Оби-Киика также фиксируются многочисленные общие тенденции, которые выражаются в первую очередь в доминировании в орудийном наборе геометрических микролитов в виде сегментов. Принципиально важно, что сегменты Памиро-Тянь-Шаня, как и натуфиана, характеризуются нестандартизированными размерами. В комплексах позднего этапа туткаульской линии развития выделяется также представительная серия острий туткаульского типа. По своему морфологическому облику они близки пластинкам с изогнутым притупленным лезвием, широко распространенным в культурах всех этапов эпипалеолита Леванта (arched backed bladelets, curved backed bladelets), но характеризуются большими размерами.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что для эпипалеолитических индустрий Леванта и Загроса и комплексов Туткаула (гор. 2а и 3) и Оби-Киика отмечаются общие тенденции. В первую очередь они выражаются в синхронном распространении схожих типов геометрических микролитов на обширной территории. Для регионов Загроса и Леванта данный феномен объясняется с позиций существования в эпипалеолитическое время взаимодействия (торговые связи / обмен) между населением данных территорий. Причем имеются неоспоримые доказательства этому в виде найденных в Загросе ракушек, принесенных с восточного побережья Средиземного моря [Olszewski, 2012, p. 3–35; Richter, 2009, p. 336].

В настоящее время прямых свидетельств о непосредственных контактах древнего населения между этими территориями и Памиро-Алаем нет, однако нет и оснований предполагать, что данные индустрии развивались независимо. Схожие траектории развития между территориями Леванта, Загроса и западной части Центральной Азии прослеживаются начиная с периода перехода от среднего к верхнему палеолиту [Кривошапкин, 2012, с. 26–28]. В последующее верхнепалеолитическое время также отмечаются значительные аналогии между культурами данных территорий, таких как левантский ориньяк, ахмарийская, барадостская, зарзийская и кульбулакская, принципиально отметить, что сходство прослеживается на каждом этапе их развития, начиная приблизительно от 35 и до 20 тыс. л.н. Для объяснения значительного сходства между данными комплексами была предложена гипотеза «переплетающихся потоков», согласно которой в верхнепалеолитическое время на границах заселенных регионов происходили много-

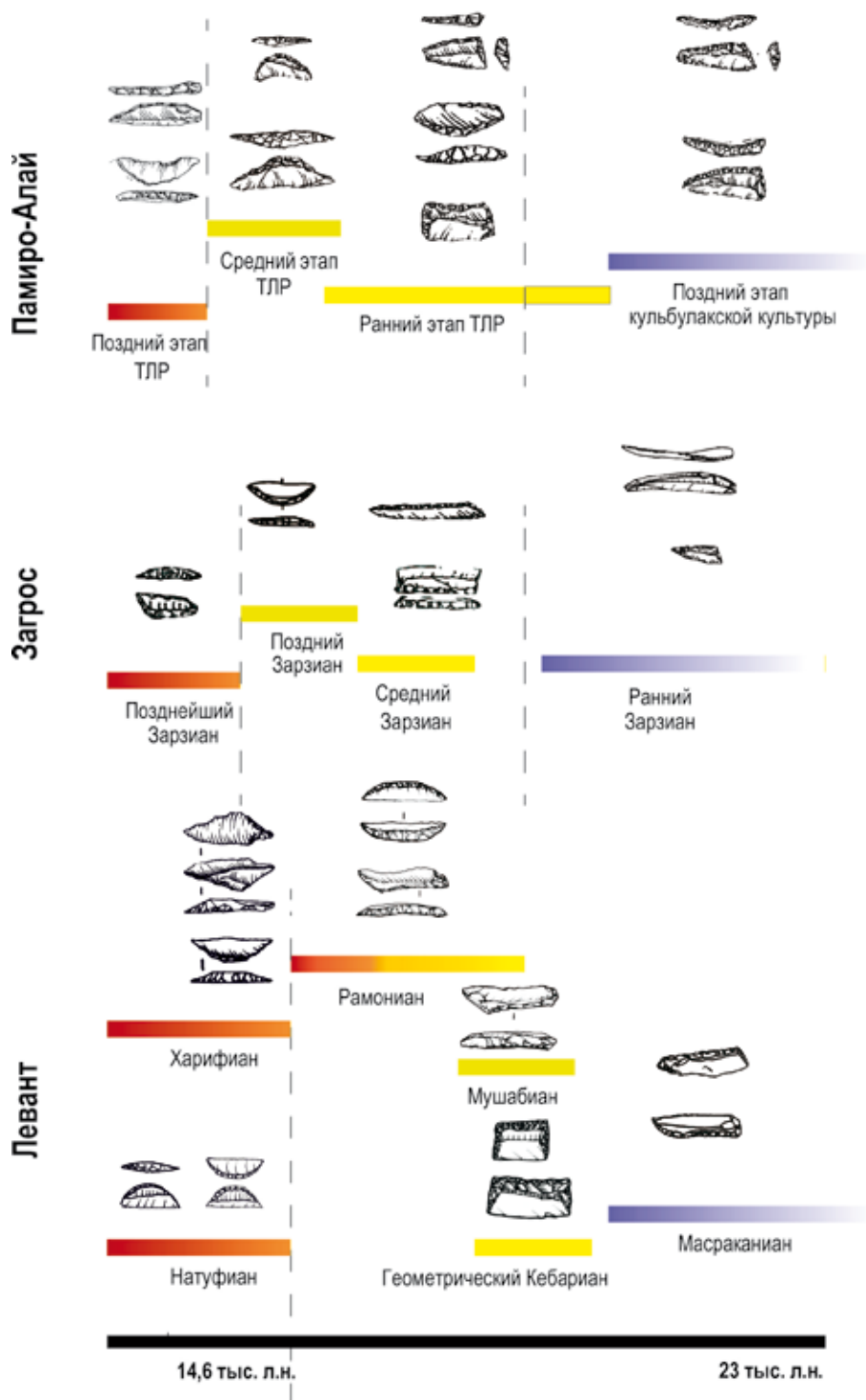

Рис. 9. Культурная схема эпипалеолитических комплексов Леванта, Загроса и Памиро-Алая

кратные одновременные эпизоды межкультурного взаимодействия между населением Леванта, Загроса и западной части Центральной Азии, выразившиеся в обмене технологическими решениями и инновациями [Колобова, 2014, с. 26–31].

При этом исследователи отмечают, что скорость развития переходных от среднего к верхнему палеолиту комплексов и верхнепалеолитических индустрий различна. Так, переходные от среднего к верхнему палеолиту комплексы (обирахматский вариант) характеризуются медленным поступательным развитием [Кривошапкин, 2012, с. 33]. Более быстрые технологические и типологические изменения характерны для культуры булакской культуры, причем наибольшая скорость внедрения инновационных идей в каменном производстве отмечается на заключительном ее этапе [Колобова, 2014, с. 26–31].

На основании проведенных корреляций можно констатировать, что развитие комплексов Туткаула (гор. 2а и 3) и Оби-Киика шло в едином тренде с эпилеполитическими комплексами Леванта и Загроса. Причем здесь речь идет о более значительной степени сходства, чем мы наблюдали в переходных от среднего к верхнему палеолиту и в верхнепалеолитических индустриях. Наиболее ярким доказательством схожих тенденций развития выступает появление и распространение определенных видов геометрических микролитов. На территории западной части Центральной Азии, Загроса и Леванта на протяжении длительного периода они появлялись в одной и той же последовательности: неравносторонние треугольники / прямоугольники / сегменты (рис. 9). На наш взгляд, совокупность сходных черт каменного инвентаря между эпилеполитическими индустриями Леванта, Загроса и материалами Туткаула (гор. 2а и 3) и Оби-Киика позволяет говорить о наличии неоднократных культурных взаимодействий между ними.

Обсуждение

В результате нового этапа изучения полных коллекций мезолитических комплексов Туткаула и Оби-Киика были получены данные, позволяющие предложить их существование в рамках одной линии развития, в которой можно выделить три этапа (рис. 10): ранний (гор. 3 Туткаула), средний (памятник Оби-Киик) и поздний (гор. 2а Туткаула).

Ранний этап туткаульской линии развития характеризуется следующими признаками:

- использование в первичном расщеплении преимущественно кремневых пород;
- отсутствие стратегий первичного расщепления, направленных на получение сколов с пропорциями отщепов;
- основной тип получаемых сколов в индустрии – пластинки;
- значительная доля кареноидного расщепления, направленного на получение пластинок и микропластин с изогнутым и закрученным профилем;
- доминирование в орудийном наборе геометрических микролитов в виде прямоугольников, при этом отмечается наличие единичных экземпляров сегментов и треугольников. Присутствуют также такие специфические типы орудий, как пластинки с притупленным краем, пластины с альтернативной ретушью и высокие микроскребки;
- геометрические микролиты в наибольшем измерении, как правило, не превышают 20 мм;
- метрическая стандартизация геометрических микролитов.

Период	Тип микролита	Образец микролита
Поздний этап ТЛР		
Средний этап ТЛР		
Ранний этап ТЛР		

Рис. 10. Эволюция развития микролитов на территории Памиро-Алая

Для *среднего этапа* характерны такие признаки, как:

- использование в первичном расщеплении преимущественно кремневых пород;
- отсутствие в первичном расщеплении стратегий, направленных на получение сколов с пропорциями отщепов;
- основной тип получаемых сколов в индустрии – пластинки;
- значительная доля кареноидного расщепления, направленного на получение пластинок и микропластин с изогнутым и закрученным профилем;
- доминирование в орудийном наборе пластинок с притупленным краем и геометрических микролитов в виде сегментов. Отмечается также наличие остроконечных пластинок с притупленным краем, пластин с альтернативной ретушью и выемчатых изделий;
- отсутствие метрической стандартизации для сегментов;
- использование для оформления сегментов толщиной более 4 мм двусторонней ретуши притупления.

Позднему этапу туткаульской линии присущи следующие характеристики:

- использование в первичном расщеплении преимущественно кремневых и эффузивных пород;
- получение отщепов с плоскостных ядрищ в рамках продольного, поперечного, центростремительного и ортогонального скалываний;
- получение пластин в рамках простого продольного скалывания с плоскостных и подпризматических нуклеусов;
- получение пластинок с объемных (цилиндрические и подконусовидные) и торцовых (продольных и бипродольных) ядрищ;
- отсутствие свидетельств кареноидного расщепления;
- основной тип получаемых сколов в индустрии – пластины;

– доминирование в орудийном наборе геометрических микролитов в виде сегментов и острий туткаульского типа. Отмечается также присутствие остроконечных пластин с ретушью притупления, концевых скребков различных модификаций, выемчатых и шиповидных изделий;

– отсутствие метрической стандартизации для сегментов;

– использование для оформления сегментов толщиной более 5 мм двусторонней ретуши притупления.

Заключение

В контексте выяснения вопросов генезиса комплексов туткаульской линии развития было проведено сопоставление с материалами кульбулакской верхнепалеолитической культуры и материалов Леванта и Загроса [Колобова и др., 2016], в результате которого было предложено рассматривать комплексы туткаульской линии развития как результат эволюции локальных верхнепалеолитических индустрий (кульбулакской культуры), испытывавших неоднократное культурное воздействие со стороны синхронных комплексов Леванта и Загроса.

В контексте отмеченных единых тенденций развития в каменном производстве для туткаульской линии развития и средне- и позднеэпипалеолитических индустрий Леванта и Загроса, а также в связи со значительными технико-типологическими сходствами с комплексами заключительной стадии кульбулакской культуры встает вопрос о пересмотре хронологии нижней границы туткаульской линии развития в пользу значительного удревнения.

Ранее хронологические определения комплексов, отнесенных к туткаульской линии развития, оценивались в 12–9 (8) тыс. л.н. на основе корреляций с эпипалеолитическими комплексами Леванта и Загроса [Коробкова, 1989, с. 164; Филимонова, 2007, с. 21; Ranov, Davis, 1979, p. 258]. Сейчас по ряду причин можно говорить об удревнении нижней границы. Во-первых, пересмотрена хронология самих среднеэпипалеолитических комплексов Леванта за счет получения серии абсолютных датировок для комплексов геометрического кебарана, укладываемых в пределы 17,5–14,6 тыс. л.н. (калиброванные значения) [Belfer-Coher, Goring-Morris, 2013, p. 1383]. Во-вторых, общие тенденции развития с едиными наборами культурозначимых признаков позволяют говорить о синхронности существования каменных индустрий западной части Центральной Азии, Леванта и Загроса в финальном плейстоцене – раннем голоцене без фиксируемого хронологического разрыва («запаздывания в развитии») между ними. В-третьих, наличие многих общих черт (кареноидное расщепление, аналогичные треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем) между ранним этапом туткаульской линии развития и заключительным этапом кульбулакской культуры, для которого имеется серия абсолютных определений возраста в диапазоне от 23 до 21 тыс. л.н. [Колобова и др., 2011, с. 19], указывает на то, что хронологическая лакуна между ними не была столь протяженной (ок. 10 тыс. л.). На основе этих аргументов можно предположить, что ранний этап туткаульской линии развития относится к 20–17 тыс. л.н.

В качестве верхней хронологической границы предлагается считать известную дату для ранней стадии гиссарской неолитической культуры 9800–9600 л.н. (гор. 2 памятника Туткаул, калиброванные значения – калибровка была сделана по базе INTCAL13 [Reimer et al., 2013, p. 183] и OxCal версия 4.2) [Ранов, Коробкова, 1971, с. 144].

Таким образом, в результате проведенного исследования на территории западной части Центральной Азии предлагается выделять туткаульскую линию развития (20–9 тыс. л.н.), которая характеризуется развитым мелкопластинчатым расщеплением и широким распространением геометрических микролитов, форма которых с течением времени изменяется в определенной последовательности (от прямоугольников к сегментам).

Библиографический список

- Виноградов А.В. Исследования памятников каменного века в северном Афганистане // Древняя Бактрия. М. : Наука, 1979. Вып. 2. С. 7–62.
- Вишняцкий Л.Б. Изучение палеолита Средней Азии (материалы, методы, концепции) // Советская археология. 1989. №1. С. 5–19.
- Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев : Наукова думка, 1976. 231 с.
- Колобова К.А. Верхний палеолит западного Памиро-Тянь-Шаня : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №4. С. 2–21.
- Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Преемственность развития верхнепалеолитических и мезолитических индустрий в западной части Центральной Азии // Stratum Plus. 2016. №1. С. 51–63.
- Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И., Филимонова Т.Г., Худжагелдиев Т.У. Новая интерпретация каменной индустрии слоя 0 стоянки Шугноу (Предпамирье) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №4. С. 250–257.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Рудая Н.А., Худжагелдиев Т.У., Филимонова Т.Г. Шугноу: верхний палеолит на подступах к Памиру. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 132 с.
- Коробкова Г.Ф. Мезолит средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М. : Наука, 1989. С. 149–174.
- Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.
- Окладников А.П. Исследования памятников каменного века Таджикистана. Предварительное сообщение о работах 1948, 1952–1954 гг. // МИА. 1958. Вып. 66. С. 12–71.
- Окладников А.П. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1956 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1956 г. 1959. №4. С. 3–21.
- Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 3–76.
- Павленок К.К., Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3 : Археология и этнография. С. 35–46.
- Ранов В.А. Стоянка Оби-Киик и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев : Наукова думка, 1980. С. 82–90.
- Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 52 с.
- Ранов В.А. Могут ли геометрические микролиты быть показателем миграционных процессов в Средней Азии // Древности. 1991. №19. С. 25–27.
- Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. Душанбе : Деваштич, 2005. 252 с.
- Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Верхнепалеолитические комплексы стоянки Шугноу (Таджикистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №2. С. 2–24.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // Советская археология. 1971. №2. С. 2–24.
- Ранов В.А., Юсупов А.Х. Раскопки в зоне строительства Нурекской ГЭС // Археологические открытия 1969 года. М. : Наука, 1970. С. 428.
- Ранов В.А., Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь стоянки Дарай-Шур и его культурные связи // Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе : Дониш, 1982. С. 5–21.

Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и мезолит афгано-таджикской депрессии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2007. 24 с.

Шнайдер С.В. Мезолитические культуры Западного Памиро-Тянь-Шаня // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы IV Междунар. науч. конф. Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2013. С. 209–214.

Шнайдер С.В. Туткавальская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 28 с.

Шнайдер С.В., Кулик Н.А., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Сырьевые стратегии в позднем мезолите западной части Центральной Азии (по материалам памятника Туткаул, горизонт 2а) // Возвращение к истокам : сборник памяти выдающегося археолога В.А. Ранова. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 177–196.

Шнайдер С.В., Хошимов Х.Б. Изучение палеолита на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня: обзор концепций // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : история, филология. 2013. Т. 12, вып. 7 : Археология и этнография. С. 18–27.

Шнайдер С.В. Каменная индустрия мезолитической стоянки Оби-Киик (Таджикистан) // Вестник Новосибирского государственного ун-верситета. Сер. : История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5 : Археология и этнография. С. 108–117.

Ярошевич А. Техноморфологические аспекты микролитических элементов метательных орудий на примере культуры геометрическая Кебара в Леванте и индустрии эпиграветта в Восточной Европе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4. С. 8–30.

Belfer-Cohen A., Goring-Morris N. The Upper Palaeolithic and Earlier Epi-Palaeolithic of Western Asia // *The Cambridge World Prehistory*. 2014. №3. P. 1381–1407.

Nadel D. The Ohalo II Flint Assemblage and the Beginning of the Epipalaeolithic in the Jordan Valley // *More than meets the eye: Studies on Upper Paleolithic Diversity in the Near East*. Oxford : The Short Run Press, 2003. P. 216–230.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V. Early geometric microlith technology in Central Asia // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2018. DOI 10.1007/s12520-018-0613.

McDonald D.A. Interpreting Variability Through Multiple Methodologies: The Interplay of Form and Function in Epipalaeolithic Microliths. Unpublished PhD dissertation. Toronto, 2013. 283 p.

Monigal K. The Levantine leptolithic: blade technology from the Lower Paleolithic to the dawn of the Upper Paleolithic : Unpublished Ph.D. dissertation. 2002. Southern Methodist University, USA.

Olshewski D. The Zarzian in the Context of the Epipalaeolithic Middle East // *Journal of Humanities*. 2012. №19. P. 1–20.

Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // *Current Archeology*. 1979. №20. P. 249–262.

Richter T. Marginal Landscapes? The Azraq Oasis and the cultural landscapes of the final Pleistocene southern Levant. London: University College. 2009. 384 p.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal.BP // *Radiocarbon*. 2013. Vol. 55. P. 1869–1887.

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonovad T.G., Taylor W., Krivoshapkin A.I., New insights into the Epipalaeolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex // *Quaternary International*. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001>.

Smith P. Paleolithic archaeology in Iran. Philadelphia: American Institute of Iranian Studies. 1986. 70 p.

References

Vinogradov A.V. Issledovaniya pamyatnikov kamennogo veka v severnom Afganistane. [Studies of Stone Age Sites in Northern Afghanistan]. *Drevnyaya Baktriya* [Ancient Bactria]. M.: Nauka, 1979. Issue 2. Pp. 7–62.

Vishnyackij L.B. Izuchenie paleolita Srednej Azii (materialy, metody, koncepcii) [Paleolithic Study of Central Asia (materials, methods, concepts)]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1989. №1. Pp. 5–19.

Gladilin V.N. Problemy rannego paleolita Vostochnoj Evropy [Problems of the Early Paleolithic of Eastern Europe]. Kiev: Naukova dumka, 1976. 231 p.

Kolobova K.A., Verhnij paleolit zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya. Avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk [Upper Paleolithic of the Western Pamir-Tien Shan: Synopsis of the Dis. ... Dr. Hist. Science]. Novosibirsk, 2014. 38 p.

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Derevyanko A.P., Islamov U.I. Verhnepaleoliticheskaya stoyanka Dodekatym-2 (Uzbekistan) [Upper Paleolithic Site Dodekatym-2 (Uzbekistan)]. Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2011. №4. Pp. 2–21.

Kolobova K.A., Shnaider S.V., Krivoschapkin A.I. Preemstvennost' razvitiya verhnepaleoliticheskikh i mezoliticheskikh industriy v zapadnoj chasti Central'noj Azii [Continuity of Development of the Upper Paleolithic and Mesolithic Industries in the Western Part of Central Asia]. Stratum Plus. 2016. №1. Pp. 51–63.

Kolobova K.A., Shnaider S.V., Krivoschapkin A.I., Filimonova T.G., Hudzhageldiev T.U. Novaya interpretaciya kamennoj industrii sloya 0 stoyanki Shugnou (Predpamir'e) [New Interpretation of the Stone Industry Layer 0 of the Shugnou Site (Pamir area)]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Altai State University]. 2016. №4. Pp. 250–257.

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Shnaider S.V., Rudaya N.A., Hudzhageldiev T.U., Filimonova T.G. Shugnou: verhnij paleolit na podstupah k Pamiru [Shugnou: Upper Paleolithic at the Approaches to the Pamirs]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2017. 132 p.

Korobkova G.F. Mezolit srednej Azii i Kazahstana [Mesolithic of Central Asia and Kazakhstan]. Mezolit SSSR [Mesolithic of the USSR]. M. : Nauka, 1989. Pp. 149–174.

Krivoschapkin A.I. Obirahmatskij variant perekhoda ot srednego k verhnemu paleolitu : Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Obirakhmat Version of the Transition from the Middle to the Upper Paleolithic: Synopsis of the Dis. ... Dr. Hist. Science]. Novosibirsk, 2012. 38 p.

Okladnikov A.P. Issledovaniya pamyatnikov kamennogo veka Tadzhikestana. Predvaritel'noe soobshchenie o rabotah 1948, 1952–1954 gg. [Studies of the Sites of the Stone Age of Tajikistan. Preliminary Report on the Work of 1948, 1952-1954] MIA. 1958. Vyp. 66. Pp. 12–71.

Okladnikov A.P. O rabotah Tadzhikskoj arheologicheskoy ehkspedicii v 1956 g. [On the Work of the Tajik Archaeological Expedition in 1956]. Arheologicheskie raboty v Tadzhikestane v 1956 g. [Archaeological Work in Tajikistan in 1956]. 1959. №4. Pp. 3–21.

Okladnikov A.P. Paleolit i mezolit Srednej Azii. [Paleolithic and Mesolithic of Central Asia]. Srednyaya Aziya v ehposu kamnya i bronzy [Central Asia in the Stone and Bronze Period]. M.; L.: Nauka, 1966. Pp. 3–76.

Pavlenok K.K., Belousova N.E., Rybin E.P. Atributivnyj podhod k rekonstrukcii «operacionnyh cepochek» rasshepleniya kamnya [An Attributive Approach to the Reconstruction of the “Operational Chains” of Stone Splitting]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2011. Vol. 10, issue 3: Arheologiya i ehtnografiya. [Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology. 2011. V. 10, No. 3: Archaeology and Ethnography]. Pp. 35–46.

Ranov V.A. Stoyanka Obi-Kiik i nekotorye voprosy izucheniya mezolita yuga Srednej Azii [The Obi-Kiik Site and Some Issues of Studying the Mesolithic of the South of Central Asia]. Pervobytnaya arheologiya. Poiski i nahodki [Primitive Archaeology. Search and Finds]. Kiev: Naukova Dumka. 1980. Pp. 82–90.

Ranov V.A. Kamennyj vek Yuzhnogo Tadzhikestana i Pamira: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Stone Age of Southern Tajikistan and the Pamir: Synopsis of the Dis. ... Dr. Hist. Sciences. Novosibirsk, 1988. 52 p.

Ranov V.A. Mogut li geometricheskie mikrolity byt' pokazatelem migracionnyh processov v Srednej Azii [Can Geometrical Microliths be an Indicator of Migration in Central Asia]. Drevnosti [Antiquities]. 1991. №19. Pp. 25–27.

Ranov V.A., Karimova G.R. Kamennyj vek Afgano-Tadzhikskoj depressii [Stone Age of the Afghan-Tajik Depression]. Dushanbe: Devashtich, 2005. 252 p.

Ranov V.A., Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I. Verhnepaleoliticheskie komplekсы stoyanki Shugnou (Tadzhikestana) [Upper Paleolithic Complexes of the Shugnou Site (Tajikistan)]. Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2012. №2. Pp. 2–24.

Ranov V.A., Korobkova G.F. Tutkaul – mnogoslojnoe poselenie gissarskoj kul'tury v Yuzhnom Tadzhikestane [Tutkaul – a Multi-Layered Settlement of the Gissar Culture in South Tajikistan]. Sovetskaya Arheologiya [Soviet Archaeology]. 1971. №2. Pp. 2–24.

Ranov V.A., Yusupov A.H. Raskopki v zone stroitel'stva Nureksoj GES [Excavations in the Construction Area of the Nurek HPP]. *Arheologicheskie otkrytiya 1969 goda* [Archaeological Discoveries of 1969]. M.: Nauka, 1970. 428 p.

Ranov V.A., Yusupov A.H., Filimonova T.G. Kamennyj inventar' stoyanki Daraj-Shur i ego kul'turnye svyazi [Stone Inventory of the Darai-Shur Site and its Cultural Connections]. *Kul'tura pervobytnoj ehpoi Tadjikistana* [Culture of the Primitive Epoch of Tajikistan]. Dushanbe: Donish, 1982. Pp. 5–21.

Filimonova T.G. Verhnij paleolit i mezolit afgano-tadjikskoj depressii : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Upper Paleolithic and Mesolithic of the Afghan-Tajik Depression: Synopsis of the Ddis. ... Cand. Hist Science]. Dushanbe, 2007. 24 p.

Shnaider S.V. Mezoliticheskie kul'tury Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya [Mesolithic Cultures of the Western Pamir-Tien Shan]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia: Materials of the IV Intern. scientific conf]. Chita, Zabajkal. gos. un-t., 2013. Pp. 209–214.

Shnaider S.V. Tutkaul'skaya liniya razvitiya v mezolite zapadnoj chasti Central'noj Azii : avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Tutkaul Line of Development in the Mesolithic of the Western Part of Central Asia: Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2015. 28 p.

Shnaider S.V., Kulik N.A., Ranov V.A., Filimonova T.G. Syr'evye strategii v pozdnem mezolite zapadnoj chasti Central'noj Azii (po materialam pamyatnika Tutkaul, gorizont 2a) [Raw Materials Strategies in the Late Mesolithic of the Western Part of Central Asia (based on the Tutkaul site, horizon 2a)]. *Vozvrashchenie k istokam: sbornik pamyati vydayushchegosya arheologa V.A. Ranova* [Return to the Sources: a Collection of the Memory of an Outstanding Archaeologist V.A. Ranov]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i ehtnografii SO RAN, 2015. Pp. 177–196.

Shnaider S.V., Hoshimov H.B. Izuchenie paleolita na territorii Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya: obzor koncepcij. [Study of the Paleolithic in the Territory of the Western Pamir-Tien Shan: a Review of the Concepts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2013. T. 12, vyp. 7: *Arheologiya i ehtnografiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology]. 2013. V. 12, no. 7: *Archaeology and Ethnography*. Pp. 18–27.

Shnaider S.V. Kamennaya industriya mezoliticheskoj stoyanki Obi-Kiik (Tadjikistan) [Stone Industry of the Mesolithic site Obi-Kiik (Tajikistan)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2014. T.13, vyp. 5 : *Arheologiya i ehtnografiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology]. 2014. V. 13, no. 5 : *Archaeology and Ethnography*. Pp. 108–117.

Yaroshevich A. Tekhnomorfologicheskie aspekty mikroliticheskikh ehlementov metatel'nyh orudij na primere kul'tury geometricheskaya Kebara v Levante i industrii ehpigravetta v Vostochnoj Evrope [Technomorphological Aspects of Microlithic Elements of Throwing Tools on the Example of Geometric Culture Kebar in the Levant and the Epigravetta Industry in Eastern Europe]. *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2006. №4. Pp. 8–30.

Belfer-Cohen A., Goring-Morris N. The Upper Palaeolithic and Earlier Epi-Palaeolithic of Western Asia. *The Cambridge World Prehistory*. 2014. №3. Pp. 1381–1407.

Nadel D. The Ohalo II Flint Assemblage and the Beginning of the Epipalaeolithic in the Jordan Valley. *More than Meets the Rye: Studies on Upper Paleolithic Diversity in the Near East*. Oxford: The Short Run Press, Pp. 216–230.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V. Early Geometric Microlith Technology in Central Asia. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2018. DOI 10.1007/s12520-018-0613.

McDonald D.A. Interpreting Variability through Multiple Methodologies: The Interplay of Form and Function in Epipalaeolithic Microliths. Unpublished PhD dissertation. Toronto. 2013. 283 p.

Monigal K. The Levantine Leptolithic: Blade Technology from the Lower Paleolithic to the Dawn of the Upper Paleolithic : Unpublished Ph.D. Dissertation. 2002. Southern Methodist University, USA.

Olszewski D. The Zarzian in the Context of the Epipalaeolithic Middle East // *Journal of Humanities*. 2012. №19. P. 1–20.

Ranov V.A., Davis R. Toward a New Outline of Soviet Central Asian Paleolithic. *Current Archaeology*. 1979. №20. Pp. 249–262.

Richter T. Marginal Landscapes? The Azraq Oasis and the Cultural Landscapes of the Final Pleistocene Southern Levant]. London: University College, 2009. 384 p.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas L., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal.BP. Radiocarbon. 2013. Vol. 55. Pp. 1869–1887.

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonov T.G., Taylor W., Krivoshepin A.I., New Insights into the Epipaleolithic of Western Central Asia: The Tutkaulian Complex // Quaternary International. 2018. URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001>.

Smith P. Paleolithic Archaeology in Iran. Philadelphia: American Institute of Iranian Studies. 1986. 70 p.

S.V. Shnaider^{1,2}, K.A. Kolobova¹, T.G. Filimonova³, S. Alisher kyzy⁴, A.I. Krivoshepin^{1,4}

¹*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;*

²*Altai State University, Barnaul, Russia;*

³*A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography AS RT, Dushanbe, Tajikistan;*

⁴*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

TUTKAUL LINE OF DEVELOPMENT: COMPLEXES WITH GEOMETRIC MICROLITHS IN THE TERRITORY OF THE PAMIR ALAI

This work is devoted to the distinguishing and justification of the Tutkaul development line in the Pamir-Alai territory. The authors carried out a technical typological analysis in the framework of the attribute-based approach of the materials from the Tutkaul and Obi-Kiik sites, which are key objects of the final Pleistocene – the early Holocene in the region. As a result of this analysis, the most characteristic features of these complexes have been identified: fine lamellar splitting and dominance of geometric microliths in the tool set, the shape of which changes from time to time from rectangles to segments. Comparison with the synchronous sites of the region showed analogies in the territory of the Afghan-Tajik Depression, the Gissar Range and the Pamir. Correlation analysis with the Upper Palaeolithic complexes of the Pamir-Alai and the epipaleolithic complexes of Levant and Zagros suggested attributing the chronological framework of the Tutkaul line of development within 20–9 thousand years ago and talking about its multicomponent genesis. The study made it possible to revise the chronology, genesis and logic of the development of complexes with geometric microliths in the territory of Pamir-Alai.

Key words: Pamir-Alai, Final Pleistocene, Early Holocene, techno-typological analysis, lithic industry, geometric microliths.

АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ

УДК 902.2(571.12)

Е.П. Загваздин

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Россия

СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ТОБОЛЬСКА*

Статья посвящена ряду вопросов, связанных со спасательными археологическими раскопками, которые проходили в исторической части Тобольска. История изучения города как памятника археологии начинается с 1970 г., когда к раскопкам приступают профессиональные исследователи. Наиболее показателен период с 2000 г. В то время возобновляются реставрационные и строительные работы. Они подтолкнули археологов к активному изучению старинного ядра города – Кремля. Историография, касающаяся раскопок тех лет, отражена в ряде статей и монографий и, казалось бы, достаточно полна. Однако, несмотря на эти сведения, ясной картины фронта проведенных работ до сих пор нет. Частично этот пробел связан с неполным набором репрезентативных данных за все годы активных раскопок (территория, объемы, исполнители и т.п.). Цель публикации – представить историческую часть Тобольска, затронутую раскопками. Рассматриваемый хронологический период: от 1970 г. до наших дней. Задачи, которые ставились в статье, связаны с оценкой перспективности исследований и проблемами изучения и охраны культурного слоя в Тобольске. В статье обозначены вопросы по истории и организации проведения спасательных археологических исследований в городе, а также отражены основные итоги такой деятельности.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тобольск, археология, раскопки, реставрация.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-11

Введение

Историография, касающаяся археологических исследований в Тобольске, достаточно обширна. Сводные сведения об этих работах впервые увидели свет в расширенной монографии «Город Тобольск. Археологический очерк» под авторством А.А. Адамова, И.В. Балюнова, П.Г. Данилова [2008]. В последующем, в связи с продолжением раскопок, информация о них расширяется. Итоги раскопок с 2007 г. и до 2012 г. отражены в многочисленных работах тюменских археологов А.В. Матвеева, О.М. Аношко и др. [Матвеев, Аношко, 2011; Аношко, 2015]. Несмотря на колоссальный массив информации, сводных планов раскопок, касающихся многолетних исследований, так и не появилось. Данная работа призвана компенсировать недостаток картографирования всех известных тобольских раскопок, в основном спасательной направленности. Как известно, начало профессиональных раскопок в городе было положено в 1970 г. [Адамов, Балюнова, Данилова, 2008, с. 24].

Другая важная информация, касающаяся спасательных раскопок, активно проходивших в Тобольске с 2000 по 2012 гг., – это характеристика механизмов организации и проведения таких работ. В научных публикациях этот момент почти всегда остается «за кадром». В данной статье этому уделено особое внимание, так как без учета этих обстоятельств трудно было бы представить и тобольскую археологию.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ №0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)».

Тобольск как памятник археологии

История археологического изучения г. Тобольска как памятника археологии Нового времени началась относительно недавно. До революции, в последней четверти XIX – начале XX в., представления о тобольских древностях обогащаются лишь случайными сборами с территории Чукманского мыса и Панина бугра [Адамов, Балюнова, Данилова, 2008, с. 31].

В последующем городские раскопки приобретут другую направленность и масштабность. Во многом их предваряли работы талантливого археолога и краеведа А.Ф. Палашенкова. По поручению Омского облисполкома в течение 1938–1940 гг. [Лейфер, 2013, с. 254] он и двое его помощников (техники И.П. Каширов и Ф.П. Серов) провели огромную работу по подготовке проектной документации для реставрации памятников в Тобольском кремле [Жук, 2016, с. 120]. В 1941 г. по уже утвержденному плану должны были начаться работы по его восстановлению, но им не суждено было сбыться – началась война [Лейфер, 2013, с. 253].

Лишь после окончания Великой Отечественной войны к этому проекту вернутся вновь. В 1952 г. Центральными научно-реставрационными мастерскими проведено предварительное обследование состояния архитектурных памятников Тобольского кремля. С 1956 по 1966 г. под руководством Ф.Г. Дубровина в нем осуществляются восстановительные работы. Предвосхищали их реставрационные раскопки*. В 1957 г. были исследованы контуры и фундаменты бывших крепостных стен (южные, восточные и северные прясла) [Кочедамов, 1963, с. 144]. Именно раскопки позволили реставраторам определить их точное расположение и конфигурацию, наметить планы реконструкции.

После проведения первых крупных реставрационных работ в Кремле наступило относительно затишье. Главная цель реставрации комплекса была достигнута, а проводить раскопки другой направленности не было возможности. Такая ситуация, с одной стороны, была связана с тем, что длительное время в науке господствовало мнение о том, что ценность представляют лишь средневековые напластования. Верхний временной рубеж в их изучении был обозначен 1700 годом.

Сибирские города, конечно, культурным слоем такой древности в основном обделены. На это можно возразить, что есть пример раскопок позднего сибирского памятника – Мангазеи (XVII в.), проведенных в 1968–1973 гг. [Белов, Овсянников, Старков, 1980]. Однако по своему содержанию и местоположению «златокипящая» больше подпадает под описание памятника археологии, чем объекта городских раскопок, и является, конечно, исключением, а не правилом. Контрпримером служит г. Санкт-Петербург. Его «пограничная» дата основания привела к тому, что систематическое изучение культурных напластований археологами началось лишь в конце 1980 – начале 1990-х гг.! А до этого времени раскопки проходили эпизодически, в 1970–1980-х гг., играли подчиненную роль в рамках реставрационных работ [Сорокин, 2015].

В отличие от г. Санкт-Петербурга, не испытывавшего трудностей в археологических кадрах, Тобольску таких специалистов не хватало. Лишь в 1970 г. впервые изучением городского слоя со знанием дела занялась первый постоянный археолог – И.А. Сыркина. На Чукманском мысу, близ Кремля, она изучала погребения, потревоженные во

* Термин обозначает земляные работы, направленные на выявление (так называемое «раскрытие») утраченного архитектурного объекта и локальное изучение технического состояния фундамента памятника. Их главная цель – сбор технических данных для подготовки проекта реставрации и производства работ. Методически отличаются от археологических исследований ограниченным арсеналом научных приёмов, присущих археологической науке.

время земляных работ. В дальнейшем эпизодически археологические раскопки широкими площадями в 1980–1990-х гг. в разных районах исторической нагорной части города проводили П.А. Беляев, Е.Л. Хворостова, Л.Н. Сладкова. Так, П.А. Беляев исследовал восточный край городского оборонительного вала 1688 г., Е.Л. Хворостова проводила рекогносцировочные раскопки у фасадов дома Фонвизина, а Л.Н. Сладкова занималась исследованиями на ул. Октябрьской [Адамов, Балюнова, Данилова, 2008, с. 24–27].

Важным фактором в становлении тобольской археологии стало открытие в 1979 г. историко-английского факультета (в дальнейшем исторического) Тобольского пединститута, ставшего кузницей археологических кадров. Благодаря плеяде молодых преподавателей, таких как Е.П. и С.В. Мартыновы, А.В. Головнев, В.П. Галкин и др., на факультете кипела научная жизнь. Студенты-историки принимали деятельное участие как в этнографических, так и археологических экспедициях [Лаптева, 2009].

До 1990-х гг. состояние культурного слоя в Кремле (исключая реставрационные раскопки 1950–1960-х гг.) профессиональными археологами было не известно, несмотря на то, что севернее него исследования уже велись.

В 1990-х гг. в Тобольском кремле организовал небольшие раскопки сотрудник Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ) А.В. Нескоров [2000].

В 2000 г. сотрудник ТГИАМЗ кандидат исторических наук А.А. Адамов [2000] по заказу Тобольско-Тюменской епархии впервые провел в Кремле археологические раскопки широкой площадью на месте строящейся иконной лавки. Площадь раскопа составила 198 кв. м. Хотя ранее на этом месте проводились реставрационные раскопки, итоги тех работ упоминаются кратко [Кочадамов, 1963, с. 143 (рис. 95), с. 144]. А.А. Адамов не только провел раскопки на качественном уровне, но и получил ценные сведения по планировке Кремля XVII–XVIII вв. Поддержку в этих работах оказал открытый тремя годами ранее Тобольский филиал областной Инспекции по охране и использованию памятников истории и культуры [Панфилов, 2011, с. 9–10].

Рубеж XX–XXI вв. стал поворотным в деле изучения тобольских древностей. Немаловажную роль в последующем сыграл административный фактор. В 2003 г. (16 марта) президент РФ В.В. Путин посетил город с рабочим визитом. В том же году им было дано поручение о разработке комплекса мер по созданию туристического центра Западной Сибири на базе историко-архитектурного наследия г. Тобольска (№Пр-515 от 26.03.2003). Главный акцент в этих мероприятиях уделялся реставрационным работам в Тобольском кремле. Поэтому львиная доля археологических исследований, проведенных там, – это спасательные раскопки. Осуществлялись они главным образом на объектах реставрации, в местах строительства инженерных сетей и сооружений, при благоустройстве территории.

Неоценимую помощь в организации раскопок оказал Тобольский филиал областного Комитета по охране памятников. Он не оставался в стороне, даже когда был преобразован ранее (июнь 2002 г.) в филиал ГУК ТО «Дирекция по сохранению культурного наследия», учредителем которого стал областной Комитет по охране и использованию историко-культурного наследия (далее – КОИ). В последний год своей работы, в 2006 г., дирекция, в очередной раз переименованная в АНОК «Проектно-реставрационный центр», продолжала поддерживать исследования. Так, благодаря вмешательству сотрудников центра удалось приостановить земляные работы на ул. Ремезова и провести раскопки. Это необычное место раскопок, находившееся на полотне автодороги, дало

массу ценного научного материала. Впервые в Тобольске была изучена часть усадьбы 1-й половины XVIII в. с прилегающим к ней двором, а также фрагмент улицы [Данилов, 2009]. Из-за линзы локальной многовековой мерзлоты сохранились многие находки того времени из органических материалов: шерстяные ткани, кожа, дерево, береста и т.п.

С начала активной фазы реставрационных работ археологические исследования в нагорной и подгорной частях города проводили археологи из Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, НП «Сохранение памятников истории и культуры», НПО «Сохранение археологического наследия народов Сибири», АНОК «Проектно-реставрационный центр». Финансирование этих мероприятий складывалось из двух составляющих. На стадии проектирования финансирование таких раскопок осуществляли проектные организации, такие как ЗАО «Промстройпроект». Эта организация разработала большинство реставрационных проектов по памятникам Тобольска. На стадии ремонтно-реставрационных работ финансирование раскопок проходило через генподрядные организации.

С 2007 по 2012 г. к раскопкам в городе подключается Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета под руководством доктора исторических наук, профессора А.В. Матвеева. Заказчиком выступил Комитет по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области (г. Тюмень) [Археологические..., 2018; Об отчете..., 2018; Новый..., 2018]. На протяжении этих лет раскопано около 2000 кв. м культурного слоя [Аношко, 2015]. Многолетней экспедицией под руководством А.В. Матвеева в Тобольске было сделано много замечательных открытий [Матвеев, Аношко, Селиверстова, 2011; Аношко, 2013].

В последний год раскопок Институт гуманитарных исследований ТюмГУ совместно с Институтом проблем освоения Севера проводил изучение тобольского городского слоя на территории воеводского двора в Кремле [Аношко, 2015, с. 13]. В этом же, 2012 г., совместными усилиями тюменских и тобольских археологов изучался культурный слой на месте проектируемого пешеходного моста* и при разработке проекта по благоустройству Чукманского мыса [Адамов, Турова, 2017]. По обеим сторонам Никольского взвоза было вскрыто 100 кв. м культурного слоя. Изучены фундаменты утраченной Никольской церкви и кладбище при ней. На Чукманском мысу раскапывалась территория посада, а также городище раннего железного века.

После 2012 г. раскопки в исторической части Тобольска не проводились, так как реставрационные работы в Кремле в основном были завершены. Возобновились исследования лишь в 2017 г. по ул. Октябрьской, но были иными по направленности. Они осуществлены Тобольской комплексной научной станцией в рамках научной темы ФНИ и были скромными по своим объемам – всего 10 кв. м, но достаточно интересными. Оказалось, что даже на такой незначительной площади, на треть уничтоженной коммуникациями, раскопками удалось выявить непотревоженные напластования XVII–XVIII вв.

Заключение

В ходе многолетних исследований, а конкретно с 2000 по 2012 г., когда спасательные раскопки в исторической части Тобольска стали вестись систематически, общая площадь исследованного культурного слоя составила 4343 кв. м. На исследования тобольских археологов приходится 2343 кв. м**, тюменских специалистов – около 2000 кв. м.

* Скандальный проект, к счастью, не был осуществлен.

** По материалам научного архива Группы этноархеологических исследований ТКНС УрО РАН. Сюда не включены площади исследований, связанных с надзором за земляными работами.

В этих исследованиях наметилась неравномерность в степени изученности города (рис. 1, 2). Так, наибольшая плотность раскопок была сосредоточена на территории Кремля и Красной площади (зона 1А), как на наиболее активной реставрационной площадке. Далее следуют раскопки севернее Красной площади (зона 1Б). Хуже всего изучена подгорная часть города (зона 2).

Помимо сложностей работы на участках с высоким уровнем грунтовых вод в нижнем городе, настоящей проблемой стал неотлаженный механизм проведения спасательных раскопок до начала строительства.

Непростая ситуация образовалась после ликвидации Тобольского филиала областного органа охраны памятников и сосредоточения значительной части полно-

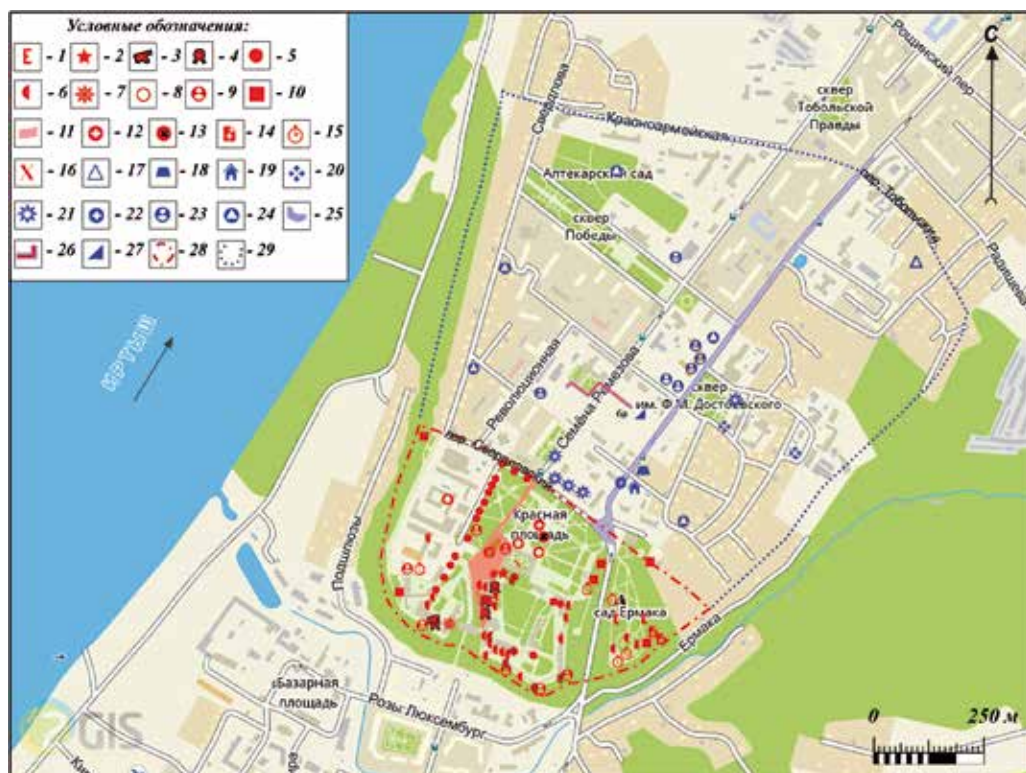

Рис. 1. Карта археологических исследований в нагорной части Тобольска:
Исследования в зоне 1А: Кремль – Красная площадь – Чукманский мыс. А.А. Адамов (раскопки: 1 – 1999 г., 2 – 2000 г., 3 – 2001 г., 4 – 2003 г., 5 – 2004 г., 6 – 2005 г., 7 – 2006 г.); А.В. Нескоров (раскопки: 8 – 2003 г.); И.В. Балюнов (раскопки: 9 – 2007 г., 10 – 2008 г.; надзор: 11 – 2007 г.); А.В. Матвеев и др. (раскопки: 12 – 2007 г., 13 – 2008; 14 – 2008–2009 гг., 15 – 2012 г.); Е.П. Загваздин (разведка: 16 – 2009 г.; 17 – 2006 г.).
Исследования в зоне 1Б: пер. Свердловский – ул. Красноармейская – пер. Тобольский. П.А. Беляев (раскопки: 18 – 1986 г.); Е.Л. Хворостова (раскопки: 19 – 1988 г.); Л.Н. Сладкова (раскопки: 20 – 1988 г., 21 – 2004 г.); А.А. Адамов (раскопки: 22 – 2006 г.); А.В. Матвеев и др. (раскопки: 23 – 2007 г.); Балюнов И.В. (раскопки: 24 – 2007 г., 25 – 2008 г.; надзор: 26 – 2007 г., 27 – 2008 г.); Е.П. Загваздин (раскопки: 28 – 2017 г.); 29 – границы зоны 1А; 30 – граница зоны 1Б

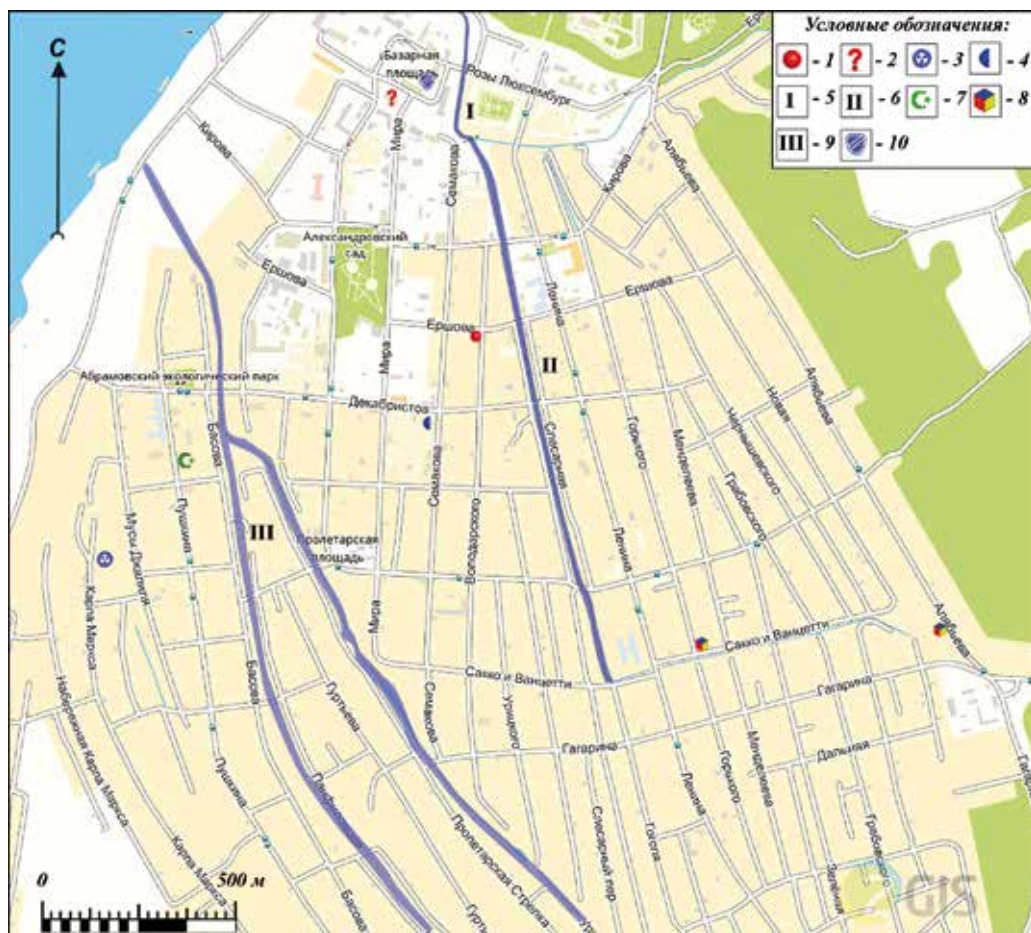

Рис. 2. Карта археологических исследований в подгорной части Тобольска (зона 2).
Л.Н. Сладкова (раскопки: 1 – 2001 г.); **А.А. Адамов** (раскопки/надзор: 2 – 2005 г.,
 3 – 2006 г.; надзор: 4 – 2005 г., 5 – 2006 г.); **Е.П. Загваздин** (надзор: 6 – 2006 г.);
И.В. Балюнов (раскопки: 7 – 2006 г., 8 – 2008 г.; надзор: 9 – 2008 г.);
А.В. Матвеев и др. (раскопки: 10 – 2010–2011 гг.)

мочий по надзору в областном центре. Должный контроль за земляными работам в историческом центре города, по сути, не осуществляется – с 2012 г. спасательные раскопки не проводились.

Несмотря на объективные трудности, проведение спасательных раскопок показало свою необходимость. Накопленный за эти годы полевой материал хранит в себе огромный потенциал, который находит выход в многочисленных публикациях и диссертационных исследованиях.

Библиографический список

Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы : материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 450–451.

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск : археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.

Адамов А.А., Турова Н.П. Городище раннего железного века на мысу Чукман в городе Тобольске // Тобольск: времена, события, люди. Тобольск : Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, 2017. С. 7–16.

Аношко О.М. Археологические исследования культурного слоя первой российской столицы Сибири // Наследие Тюменской области. 2015. №1(5). С. 11–18.

Аношко О.М. Памяти А.В. Матвеева // Наследие Тюменской области. 2013. №1 (3). С. 61–63.

Археологические находки в Тобольске и Тюмени имеют большую историческую ценность (02 ноября 2007 г.) // Тюменская область : официальный портал органов государственной власти. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/news/arhiv_news/objList.htm?id=10382639@egNews (дата обращения 25.11.2018).

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л. : Гидрометеоздат, 1980. Ч. 1. 166 с.

Данилов П.Г. Никольская церковь в структуре городской застройки Тобольска XVII–XVIII вв. // Баландинские чтения. Новосибирск, 2014. Т. 9. Ч. 1. С. 56–60.

Данилов П.Г. Усадьба первой половины XVIII в. в Тобольске // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. Ч. 2. С. 392–396.

Жук А.В. Андрей Федорович Палашенков как церковный археолог. Ляпин-Сосьвинская экспедиция 1939 г. // Вестник Омского университета. Сер. : Исторические науки. 2016. №3 (11). С. 116–134.

Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень : Тюменское книжное издательство, 1963. 156 с.

Лаптева М.Ю. О становлении исторического факультета Тобольского пединститута им. Д.И. Менделеева // Исторический сборник : сборник научных работ, посвященный 30-летию юбилею исторического факультета ТГСПА им. Д.И. Менделеева. Тобольск : Изд-во ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 6–7.

Лейфер А.Э. Жить вместе. Избранные очерки и эссе. Омск : Министерство культуры Омской области, 2013. 384 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. Тюмень, 2011. №1. С. 49–54.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Н.Ф. Основные итоги археологического изучения верхнего посада Тобольска в 2007–2009 годах // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №2. С. 6–11.

Нескоров А.В. Тобольские изразцы как исторический источник (к постановке проблемы) // Русские старожилы. Тобольск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2000. С. 400–403.

Новый археологический раскоп в Тобольске. (Дата публикации 17.07.2012) // Тобольск-информ. URL: <http://tobolsk.info/news/10210-novuj-arheologicheskij-raskop-v-tobolske> (дата обращения 25.11.2018).

Об отчете Главы администрации города Тобольска за 2011 год // СПС Право.ru. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/25574562/25287185> (дата обращения 25.11.2018).

Панфилов А.Н. Об организации дела охраны памятников истории и культуры в Тюменской области // Наследие Тюменской области. Тюмень, 2011. №1. С. 7–11.

Сорокин П.Е. Археологические исследования в Санкт-Петербурге // Клио. 2015. №7(103). С. 126–133.

References

Adamov A.A. Arheologicheskie issledovaniya v Tobol'skom kremle [Archaeological Research in the Tobolsk Kremlin]. Russkie starozhily : materialy III Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri» [Russian Old-Timers: Materials of the IIIrd Siberian Symposium “Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia”]. Tobol'sk ; Omsk : Izd-vo OmGPU, 2000. Pp. 450–451.

Adamov A.A., Balyunov I.V., Danilov P.G. Gorod Tobol'sk : arheologicheskij ocherk [The City of Tobolsk: an Archaeological Essay]. Tobol'sk, 2008. 114 p.

Adamov A.A., Turova P. Gorodishche rannego zheleznogo veka na mysu Chukman v gorode Tobol'ske [The Settlement of the Early Iron Age at Cape Chukman in the City of Tobolsk]. Tobol'sk: vremena, sobytiya, lyudi [Tobolsk: Times, Events, People]. Tobol'sk : Tobol'skaya kompleksnaya nauchnaya stanciya UrO RAN, 2017. Pp. 7–16.

Anoshko O.M. Arheologicheskie issledovaniya kul'turnogo sloya pervoj rossijskoj stolicy Sibiri [Archaeological Studies of the Cultural Layer of the First Russian Capital of Siberia]. Nasledie Tyumenskoj oblasti [Heritage of the Tyumen Region]. 2015. №1(5). Pp. 11–18.

Anoshko O.M. Pamyati A.V. Matveeva [In memory of A.V. Matveyev]. Nasledie Tyumenskoj oblasti [Legacy of the Tyumen Region]. 2013. №1(3). Pp. 61–63.

Arheologicheskie nahodki v Tobol'ske i Tyumeni imeyut bol'shuyu istoricheskuyu cennost' (02 noyabrya 2007 g.) [Archaeological Finds in Tobolsk and Tyumen Have Great Historical Value (November 2, 2007)]. Tyumenskaya oblast' : oficial'nyj portal organov gosudarstvennoj vlasti [The Tyumen Region: the Official Portal of the State Authorities]. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/news/arhiv_news/objList.htm?id=10382639@egNews (data obrashcheniya 25.11.2018).

Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeya. Mangazejskij morskoy hod [Mangazeya Sea Course]. L. : Gidrometeoizdat, 1980. CH. 1. 166 p.

Danilov P.G. Nikol'skaya cerkov' v strukture gorodskoj zastrojki Tobol'ska XVII–XVIII vv. [St. Nicholas Church in the Structure of the Urban Development of Tobolsk in the XVIIth – XVIIIth Centuries]. Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Novosibirsk, 2014. Vol. 9. Part 1. Pp. 56–60.

Danilov P.G. Usad'ba pervoj poloviny XVIII v. v Tobol'ske [The Manor of the First Half of the XVIIIth Century in Tobolsk]. Novgorodskaya Zemlya – Ural – Zapadnaya Sibir' v istoriko-kul'turnom i duhovnom nasledii Novgorod Land – Ural – Western Siberia in historical, cultural and spiritual heritage. Ekaterinburg : Bank kul'turnoj informacii, 2009. Part 2. Pp. 392–396.

Zhuk A.V. Andrej Fedorovich Palashenkov kak cerkovnyj arheolog. Lyapin-Sos'vinskaya ehkspediciya 1939 g. [Andrei Fedorovich Palashenkov as a Church Archaeologist. Lyapin-Sosvinskaya Expedition of 1939]. Vestnik Omskogo universiteta. Ser. : Istoricheskie nauki [Bulletin of Omsk University. Ser. : Historical Sciences]. 2016. №3 (11). Pp. 116–134.

Kochedamov V.I. Tobol'sk (kak ros i stroilsya gorod) [Tobolsk (as the city grew and was built)]. Tyumen' : Tyumenskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 156 p.

Lapteva M.Yu. O stanovlenii istoricheskogo fakul'teta Tobol'skogo pedinstituta im. D.I. Mendeleeva [On the Formation of the Faculty of History of Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute]. Istoricheskij sbornik : sbornik nauchnyh rabot, posvyashchennyj 30-letnemu yubileyu istoricheskogo fakul'teta TGSPA im. D.I. Mendeleeva [Historical Collection: Collection of Scientific Works Dedicated to the 30th Anniversary of the Faculty of History of the Mendeleev TGSPA]. Tobol'sk : Izd-vo TGSPA im. D.I. Mendeleeva, 2009. Pp. 6–7.

Lejfe A.Eh. Zhit' vmeste. Izbrannye ocherki i ehssse [To Live Together. Selected Essays]. Omsk : Ministerstvo kul'tury Omskoj oblasti, 2013. 384 p.

Matveev A.V., Anoshko O.M. Arheologicheskie otkrytiya v Tobol'ske [Archaeological Discoveries in Tobolsk]. Nasledie Tyumenskoj oblasti [The Legacy of the Tyumen Region]. Tyumen', 2011. №1. Pp. 49–54.

Matveev A.V., Anoshko O.M., Seliverstova N.F. Osnovnye itogi arheologicheskogo izucheniya verhnego posada Tobol'ska v 2007–2009 godah [The Main Results of the Archaeological Study of the Upper Posad of Tobolsk in 2007–2009]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tyumen State University]. 2011. №2. Pp. 6–11.

Neskorov A.V. Tobol'skie izrazcy kak istoricheskij istochnik (k postanovke problemy) [Tobolsk Tiles as a Historical Source (for the problem statement)]. Russkie starozhily [Russian Old-Timers]. Tobol'sk : Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2000. Pp. 400–403.

Novyj arheologicheskij raskop v Tobol'ske. (Data publikacii 17.07.2012) [New Archaeological Site in Tobolsk. (Date of publication July 17, 2012)]. Tobol'sk-inform [Tobolsk-inform]. URL: <http://tobolsk.info/news/10210-novyj-arxeologicheskij-raskop-v-tobolske> (data obrashcheniya 25.11.2018).

Ob otchete Glavy administracii goroda Tobol'ska za 2011 god [About the Report of the Head of the Administration of the City of Tobolsk for 2011]. SPS Pravo.ru. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/25574562/25287185> (data of address 25.11.2018).

Panfilov A.N. Ob organizacii dela ohrany pamyatnikov istorii i kul'tury v Tyumenskoj oblasti [On the Organization of the Protection of Monuments of History and Culture in the Tyumen Region]. Nasledie Tyumenskoj oblasti [Legacy of the Tyumen Region]. Tyumen', 2011. №1. Pp. 7–11.

Sorokin P.E. Arheologicheskie issledovaniya v Sankt-Peterburge [Archaeological Research in St. Petersburg]. Klio. 2015. №7(103). Pp. 126–133.

E.P. Zagvazdin

*Tobolsk Integrated Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tobolsk, Russia*

RESQUE ARCHAEOLOGY OF TOBOLSK

The article is devoted to a number of issues related to rescue archaeological excavations, which took place in the historical part of Tobolsk. The history of exploring the city as a monument of archaeology begins in 1970, when professional researchers began the excavation. The most indicative is the period since 2000. At that time, restoration and construction work was resumed. They prompted archaeologists to actively explore the ancient core of the city – the Kremlin. The historiography relating to the excavations of those years is reflected in a number of articles and monographs and, it would seem, is quite complete. However, despite this information, there is still no clear picture of the work carried out. Partially this gap is associated with an incomplete set of representative data for all the years of active excavation (territory, volumes, performers, etc.). The purpose of the publication is to present the historical part of Tobolsk affected by the excavations. The considered chronological period is from 1970 to the present day. The tasks that were posed in the article are connected with the assessment of the prospects of research and the problems of studying and protecting the cultural layer in Tobolsk. The article identifies questions on the history and organization of rescue archaeological research in the city, and also reflects the main results of such activities.

Key words: Western Siberia, Tobolsk, archaeology, excavation, restoration.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТАБЫНСКОЙ КРЕПОСТИ XVIII–XX ВВ. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАШКИРИИ*

Разведочные исследования на территории одного из крупнейших укрепленных поселений на территории Башкирии выявили многочисленные находки периода бытования Табынской крепости XVIII – начала XX в., а также материалы эпохи бронзы (срубная культура) и эпохи Средневековья (кушнаренковская культура). Историко-архивные исследования обозначают проблемы ранней истории центральной части Башкирии, фортификации и конфигурации Табынской крепости в границах современного села. Крепость являлась крупнейшим укрепленным поселением в Оренбургской губернии, в которой служили до 400 казаков и ссыльных. Однако вплоть до 2016 г. на таком значимом фортификационном памятнике Нового времени не проводилось никаких археологических исследований.

В ходе археологических работ на территории Табынска были найдены многочисленные фрагменты гончарной кухонной посуды, формы и типы которой встречаются на аналогичных поселениях Башкирии. В то же время были выявлены локальные особенности гончарства. Проведенные исследования фиксируют общие сведения о территории распространения культурного слоя, гончарных традициях, категориях и типах керамики, формовочной массе, орнаментальных мотивах и традициях дополнительной обработки поверхности глиняной посуды.

Ключевые слова: Новое время, Табынская крепость, фортификация, культурный слой, гончарная керамика.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-12

Введение

Укрепление восточных границ России в XVIII в. было связано со строительством Оренбургской, Уйской, Сакмарской, Самарской и Яицкой оборонительных линий. Цепь крепостей и редутов, отстоящих друг от друга на расстоянии от 20 до 30 км, протянулась вдоль южных и восточных границ современной Башкирии, защищая от нападения калмыков и казахов. Несмотря на нехватку служилых казаков, сложная военно-политическая ситуация вынуждала правительство содержать военные гарнизоны в укрепленных крепостях внутри самой Башкирии, крупнейшей из которых являлась Табынская крепость.

Культурный слой форпоста XVIII–XX вв. находится в границах современного села Табынское, дополнительно создавая актуальность и остроту археологических исследований данной территории [Ахатов, Камалеев, 2014, с. 17–21]. Населенный пункт расположен в 85 км к юг–юго-востоку от г. Уфа и в 40 км к север–северо-востоку от г. Стерлитамака на правом берегу р. Белой при впадении в нее р. Усолки на ровной 5–6 м коренной террасе.

Согласно нашим исследованиям и данным разновременных исторических карт, крепость позиционируется в западной части села на краю террасы правого рукава р. Белой, занимает предполагаемую площадь 13 га и имеет длину периметра 1,5 км. Центральную часть форпоста занимала церковь, которая на современном этапе сохраняет свое местоположение. Значительную территорию (около 2 га) на современном этапе в восточной части предполагаемого местоположения крепости занимают развалины корпусов и складов бывшего овощеконсервного завода. Асфальтирование

* Работа осуществлена в рамках Государственного задания по теме «Внутренние и внешние факторы культурогенеза населения Южного Урала (от эпохи палеометалла к Новому времени)», №АААА-А18-118041290046-0

территории указанного производства делает невозможным проведение археологических изысканий. Остальная часть культурного слоя крепости находится под личными хозяйствами и земельными участками жителей села.

На начальном этапе строительства в 1735 г. проектом была предусмотрена закладка пяти бастионов, что предполагало замкнутую планировку крепости в виде пятиугольника. Исторические сведения И.И. Лепехина [2007, с. 10] 2-й половины XVIII в. фиксируют в крепости три башни, вероятно, в восточной и северо-восточной части, с замкнутыми стенами.

Материалы И.И. Лепехина дают повод усомниться в конечной пятиугольной конфигурации Табынской крепости. На наш взгляд, крепость имела три указанные башни в восточном направлении и замкнутые укрепленные стены, огибающие край террасы правого берега р. Белой (рис. 1). Об этом свидетельствуют данные стратиграфии трех разведочных шурфов, заложенных на краю террасы правого берега р. Белой западнее и северо-западнее Вознесенского храма.

Рис. 1. План с. Табынское 1864 г. Фрагмент карты (источник: План лесонасаждений неразмежеванной Табынской дачи Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии.

Составлен в 1864 г. // Научный архив РБ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 9493)

Мощность культурного слоя рекогносцировочного шурфа №1 в 270 м северо-западнее храма составила 1,3 м. Мощность культурного слоя в шурфах №2 и 3 составила 0,6 и 0,9 м соответственно (рис. 2). Тот факт, что все три шурфа заложены вне территории реконструируемой пятиугольной конфигурации крепости, может свидетельствовать о длительном проживании здесь населения, вероятно, с момента основания крепости. В качестве дополнительного аргумента можно привести исследования Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов

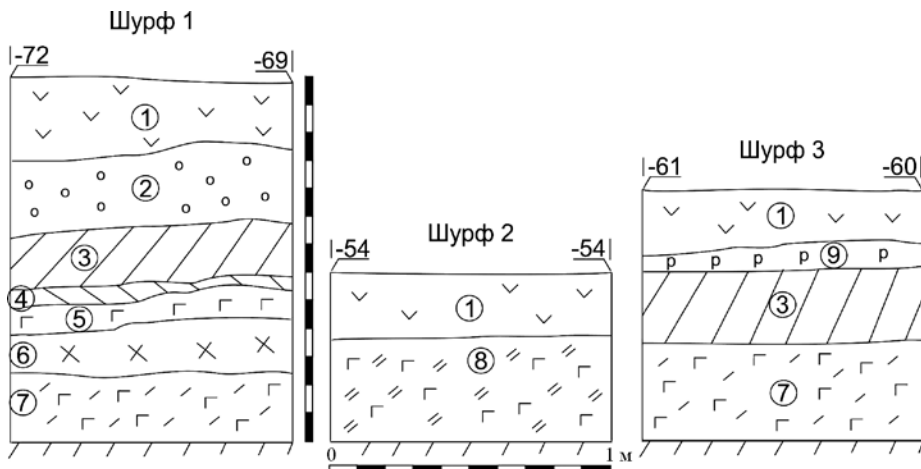

Рис. 2. План профиля северной стенки рекогносцировочных шурфов №1–3. Цифрами на профилях обозначены: 1 – пахотный слой гумуса черного оттенка; 2 – рыхлый пластовый слой перегнившего навоза коричневого оттенка; 3 – рыхлый навозный слой с золой серого оттенка с включениями кусочков угля и комков обожженной глины; 4 – зольная прослойка бело-серого оттенка; 5 – рыхлый гумусовый слой серо-коричневого оттенка; 6 – слой рыхлого коричневого перегноя с линзами коричневого оттенка; 7 – плотный гумусовый слой темно-серого оттенка; 8 – рыхлый гумусовый слой серо-коричневого оттенка с примесью суглинки; 9 – рыхлый гумусовый слой серого оттенка

культурного наследия Республики Башкортостан на территории села Табынское. Сотрудниками учреждения были осмотрены земельные участки и естественные обнажения, а также заложен рекогносцировочный шурф по проекту «Строительство спецшколы в с. Табынское» в 500 м к северо-востоку от Вознесенского храма. По результатам исследований не было выявлено ни подъемного материала, который в значительном количестве присутствует на всей территории западнее храма, ни содержащего находки культурного слоя мощностью 0,5 м [Насретдинов, 2018, с. 143–144].

Результаты полевых исследований

На территории села был произведен сбор подъемного материала и рекогносцировочная шурфовка с целью определения мощности культурного слоя. Сбор подъемного материала на памятниках Нового времени имеет значение с точки зрения получения общих, предварительных данных о территории распространения, гончарных традициях, категории и типах гончарной посуды, формовочной массе, орнаментальных мотивах и традициях дополнительной обработки поверхности посуды.

В ходе разведки были собраны 387 фрагментов гончарной керамики, из которых 229 фрагментов восстановительного обжига серого и черного цвета в изломе черепка и 158 фрагментов – окислительного обжига. Среди найденных фрагментов керамики восстановительного обжига следует выделить посуду из хорошо отмученного теста без видимых примесей и фрагменты с примесью мелкого песка в тесте. К реконструируемым типам кухонной гончарной посуды восстановительного обжига относятся горшки с диаметром венчика от 12 до 18 см, небольшие приземистые кринки, миски, а также корчаги с диаметром венчика от 20 см. Были встречены всего два фрагмента крышки горшков и корчаги.

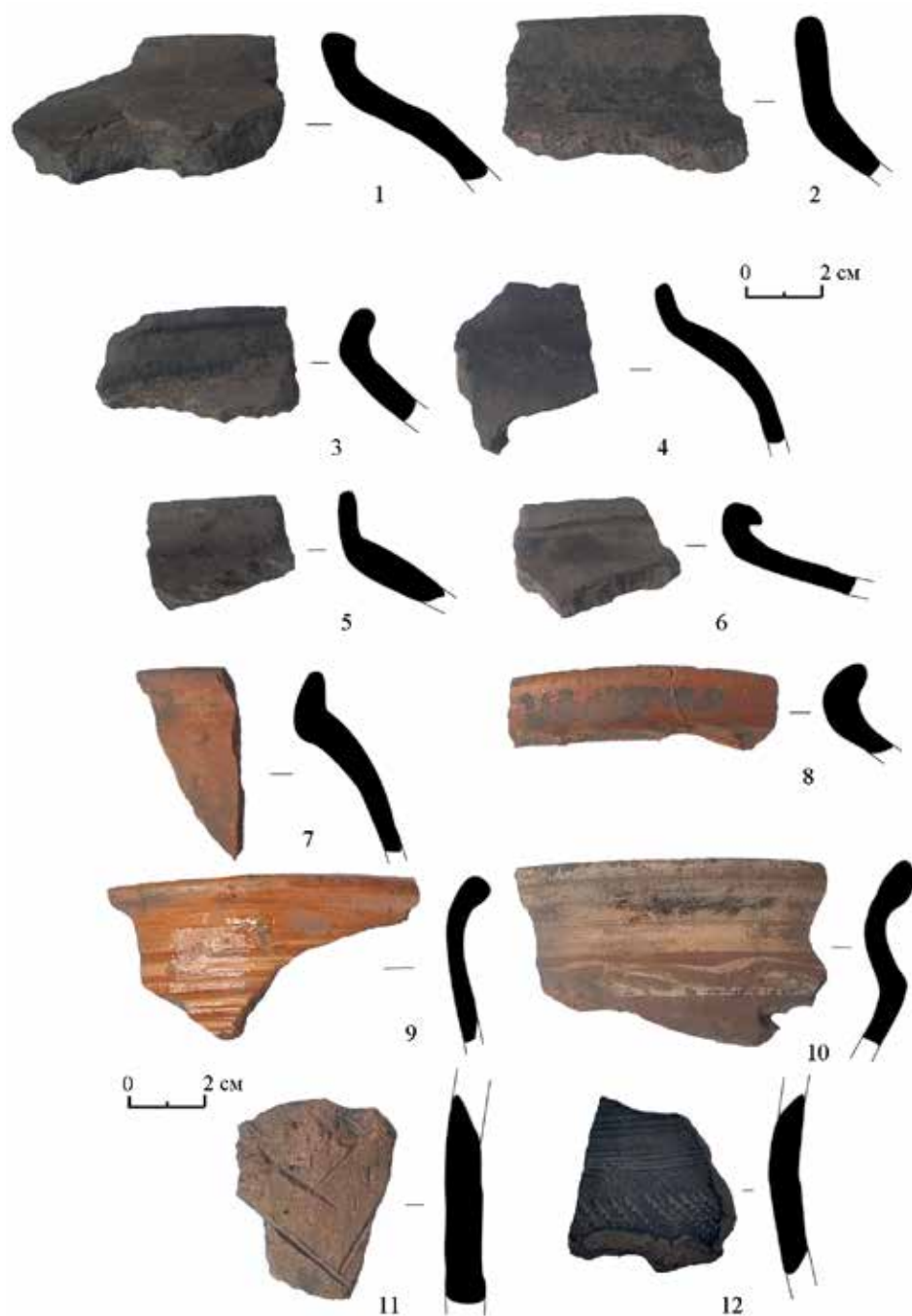

Рис. 3. Гончарная керамика восстановительного обжига: 1–6 – венчики горшков; 12 – фрагмент сосуда кушнаренковского облика. Гончарная керамика окислительного обжига: 7–8 – венчики горшков; 9 – фрагмент приземистой кринки; 10 – фрагмент миски. Лепная керамика: 11 – фрагмент сосуда срубной культуры

Горшки имеют округлое тулово с низкой, слабо выраженной шейкой и простым округлым краем (рис. 3.-1-5), который является преобладающим типом на большинстве исследованных укрепленных [Камалеев, 2018, с. 160–168] и неукрепленных [Камалеев, 2017, с. 25–30] поселениях Башкирии XVI–XX вв. Выявлены фрагменты с наклоненной внутрь шейкой сосуда и заворотом наружу приостренного края (рис. 3.-6), которая также встречается на территории Уфимской крепости XVIII–XX вв. [Камалеев и др., 2018, с. 37–41]. Фрагменты двух приземистых кринок имеют отогнутый наружу край в виде «kozyрька» под острым углом к оси венчика при диаметре края 14 и 18 см. Вполне вероятно, что данный тип кринок имеет локальное распространение. Диаметр восьми выявленных донных частей сосудов варьируется в диапазоне от 10 до 14 см. На трех фрагментах заметна характерная песчаная подсыпка при формировании сосуда на гончарном круге и следы горизонтального среза ножом.

На 11 фрагментах стенок керамики восстановительного обжига из хорошо отмученного теста присутствует лощение. Всего три лощеные стенки из 229 фрагментов восстановительного обжига имеют орнамент. На одной стенке присутствует орнамент в виде трех горизонтальных прочерченных полос, на второй стенке – мелкие волнообразные полосы прочерченной гребенки и оттиски гребенчатого штампа – на третьем фрагменте.

Гончарная керамика окислительного обжига (158 фр.) имеет красный цвет в изломе. К реконструируемым формам посуды относятся горшки с отогнутым наружу устьем и округлым краем (рис. 3.-7-8), полукруглые низкие блюда, в том числе горшковидные низкие миски высотой не более 10 см, с диаметром венчика 20–25 см (рис. 3.-10), низкие, с широким горлом кринки с диаметром венчика до 18 см (рис. 3.-9), а также кринки с узким горлом диаметром 5 см. Низкогорлые кринки имеют вертикальную шейку с округлым краем либо слегка отогнутый наружу венчик с округлым краем. Для гончарной посуды окислительного обжига характерны крышки (18 фр.) горшков и корчаг диаметром от 20 до 28 см. На керамике присутствует красная, зеленая и коричневая полива. Элементами декорирования указанной посуды является подглазурный ангоб в виде полос горизонтальной ротации в сочетании с волной либо без нее (рис. 3.-9-10). Аналогичный декор встречается на посуде с. Николо-Березовка XVII–XVIII вв. [Камалеев, 2017, с. 26].

Интерес представляет лощеный фрагмент стенки кругового сосуда с оттисками гребенчатого штампа. Аналогичный орнамент был выявлен в с. Нагадак в 13 км к север–северо-западу от с. Табынское. Судя по всему, указанный декор имеет локальное распространение. Происхождение указанного орнамента на гончарной посуде может быть связано с лепной керамикой гафурийского типа раннего железного века, на которой кроме прочего присутствует орнамент гребенчатого штампа. Дальнейшее распространение гончарной посуды с таким орнаментом на близлежащие населенные пункты осуществлялось, видимо, через ярмарку, которая действовала десять дней с 20 февраля и впервые были открыта в 1824 г. [НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Т. 1. Д. 498].

Важной находкой является фрагмент лепного сосуда кушнарниковского облика эпохи средневековья, найденного в огороде в предполагаемом центре крепости (рис. 3.-12). Фрагмент сосуда из запесоченной глины восстановительного обжига черного цвета в изломе с характерным орнаментом в виде оттисков мелкозубчатого гребенчатого штампа и прочерченных горизонтальных линий толщиной 0,5 см аналогичен керамике городища Уфа-II [Сунгатов и др., 2018, с. 94–95, рис. 51].

Разведочные работы сопровождались закладкой трех рекогносцировочных шурфов практически на краю террасы правого берега р. Белой. Шурф №1 был заложен в 260 м северо-западнее Вознесенского храма на территории личного приусадебного участка жителя села Табынское. Общая глубина шурфа составила 1,3 м. Стратиграфию шурфа можно охарактеризовать следующим образом:

1. Пахотный слой гумуса черного оттенка мощностью 0,25–0,3 м.
2. Рыхлый пластовый слой перегнившего навоза коричневого оттенка мощностью 0,2–0,25 м.
3. Рыхлый навозный слой с золой серого оттенка мощностью 0,2 м с включениями кусочков угля и комков обожженной глины.
4. Зольная прослойка бело-серого оттенка мощностью 0,05 м.
5. Рыхлый гумусовый слой серо-коричневого оттенка мощностью 0,1 м.
6. Слой рыхлого коричневого перегноя с линзами коричневого оттенка мощностью 0,2 м.
7. Плотный гумусовый слой темно-серого оттенка мощностью 0,25 м.

Верхний горизонт представляет собой рыхлый пахотный слой черного гумуса, который перекрывает пластовый перегнивший слой навоза коричневого оттенка. В нижней части слой навоза смешан с золой серого оттенка. Особенно сильно это проявилось у восточной стенки, где зольный слой содержал фрагменты кирпича, угля и значительное количество фрагментов гончарной посуды.

Под зольной прослойкой в 5 см от восточной стенки у нивелировочной отметки (-80) сохранился фрагмент бревна толщиной около 20 см, ориентированный по линии Ю–С. Остатки второго сгнившего бревна были выявлены на отметке (-70). Бревно, вероятно, было уложено поверх первого, так как располагалось перпендикулярно ему у южной стенки. Какие-либо фрагменты конструкций в последующих слоях отсутствовали. Подстилающий слой представлял собой плотный гумус, в котором отсутствовала примесь угля и золы.

Всего в шурфе были выявлены 77 предметов и 81 фрагмент костей мелкого рогатого скота и домашней птицы. Распределение находок по горизонтам представлено следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение находок в шурфе 1 по пластам

Наименование находок	Типы	Пласты					
		1	2	3	4	5	6
Керамика окислительного обжига		2	1	–	–	–	–
Керамика восстановительного обжига	Без видимых примесей	–	4	3	2	1	–
	С примесью мелкого песка	–	13	38	6	2	–
Индивидуальные предметы		–	1	3	–	1	–
Кости		–	10	52	14	5	–

Керамика окислительного обжига выявлена в верхнем горизонте. Наибольшая концентрация находок выявлена в зольной прослойке, которая, судя по заполнению и количеству собранного материала, является частью хозяйственной ямы. Среди восстановительной керамики (67 фр.) следует отметить преобладание посуды из формовочной массы с примесью мелкого песка в тесте (57 фр.) и уменьшение доли керамики без видимых примесей (10 фр.) в нижних горизонтах.

Во 2, 3 и 4-м горизонтах выявлено соответственно четыре, три и два фрагмента венчиков горшков и корчаг с простым вертикальным устьем с округлым краем. На одном фрагменте венчика присутствует прочерченная волна на месте изгиба устья. Индивидуальные находки представлены фрагментом оплавленного стеклянного предмета, железного гвоздя со сферической шляпкой, керамического изделия неопределенной формы, покрытого синей глазурью, и фрагментом фаянсовой посуды. Выявленные костные фрагменты принадлежат в основном козам, овцам. Также найдены кости коров, домашней птицы и собаки.

Шурф №2 был заложен в 397 м к запад–северо-западу от Вознесенского храма в 20 м от края террасы на ровной площадке. Мощность культурного слоя составила 0,6 м. Стратиграфия шурфа:

1. Пахотный, комковый гумус черного оттенка мощностью 0,2–0,25 м.

2. Рыхлый гумусовый слой серо-коричневого оттенка с примесью суглинка мощностью 0,35 м.

Всего в шурфе было выявлено 62 находки, в том числе четыре индивидуальных предмета и 25 костей мелкого рогатого скота (МРС) и домашней птицы. Из 1-го горизонта происходят 33 фрагмента неорнаментированных стенок гончарной посуды восстановительного обжига, где посуда из хорошо отмученного теста представлена 23 фрагментами (70%). Здесь были найдены также три стенки, красные в изломе, две из которых покрыты поливой и украшены ангобом. Из этого же горизонта происходит фрагмент сосуда, украшенный орнаментом в виде елочки, с примесью песка в тесте, вероятно, срубной культуры (рис. 3.-11).

В нижнем горизонте найдены 22 фрагмента неорнаментированных стенок, где керамика из хорошо отмученного теста представлена 12 фрагментами (54%). Данная территория, видимо, использовалась под сельскохозяйственные нужды, практически однородный культурный слой содержал находки со средними размерами 2–3 см.

Шурф №3 был заложен в 294 м к западу от Вознесенского храма в 10 м от края террасы на ровной площадке. Мощность культурного слоя составляет 0,9 м. Стратиграфия шурфа:

1. Пахотный слой гумуса черного оттенка мощностью 0,2–0,25 м.

2. Рыхлый гумусовый слой серого оттенка мощностью 0,5 м.

3. Рыхлый перегнивший навоз серо-желтого оттенка мощностью 0,25 м.

4. Плотный гумусовый слой темного оттенка мощностью 0,35 м.

На уровне 3 пласта у нивелировочной отметки (-60) у южной стенки слой навоза был перекрыт зольной линзой мощностью 0,5–0,1 м.

Всего в шурфе было выявлено 148 предметов и 38 фрагментов костей МРС и домашней птицы. Распределение находок по горизонтам представлено следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Распределение находок в шурфе №3 по горизонтам

Наименование находок	Типы	Горизонт			
		1	2	3	4
Керамика окислительного обжига		11	10	2	1
Керамика восстановительного обжига	Без видимых примесей	12	7	3	1
	С примесью мелкого песка	47	29	3	10
Индивидуальные предметы		4	8	–	–
Кости		12	16	2	8

Керамика окислительного обжига сконцентрирована в верхних слоях. Среди указанной посуды необходимо выделить горшки с простым вертикальным устьем и округлым краем, а также фрагменты поливного кувшина с ручкой. Среди многочисленных фрагментов керамической посуды были выявлены два фрагмента со следами брака при формировании венчика сосуда, что свидетельствует о местном производстве гончарной посуды. К индивидуальным находкам относятся фрагмент фарфоровой чашечки, фрагменты фаянсовой посуды, железные гвозди и фрагмент чугунного котелка.

Заключение

Анализ фрагментов гончарной посуды Табынской крепости свидетельствует о наличии общих форм и типов посуды на аналогичных памятниках на территории Башкирии с выявлением локальных особенностей. Условное разделение фрагментов гончарной посуды на керамику окислительного и восстановительного обжига, где для последнего типа были еще учтены и примеси в формовочной массе, на данном этапе имеет эмпирический характер.

Керамика восстановительного обжига с примесью песка в тесте, на наш взгляд, является характерным маркером раннего периода истории села. Однако не исключено одновременное бытование посуды окислительного и восстановительного обжига. Оба аргумента требуют дополнительных масштабных исследований. В то же время на территории Ельдякской крепости бытовала керамическая посуда окислительного обжига со значительной примесью песка, выявленная в нижних пластах, и без видимых примесей, сконцентрированная в верхнем пласте и на поверхности [Камалеев, 2018, с. 163]. Видимо, гончарство в Башкирии развивалось в русле общероссийских тенденций. Так, например, в Самарском Поволжье использование песка в формовочной массе сосуда, характерное для конца XVII–XVIII вв., в дальнейшем вытесняется традицией производства керамической посуды без видимых примесей [Кирсанов, 2001, с. 215–223].

Таким образом, учитывая разведочный характер исследований и фрагментарность выявленных находок, можно сделать вывод, что территория села Табынского первоначально была заселена в эпоху бронзы (срубная культура), а также в средневековье (кушнаренковская культура). Дальнейшая история связана с периодом Нового времени, когда до момента строительства Табынской крепости в 1735 г. указанная территория, которая именовалась в различных источниках как «пристанская поляна», видимо, имела не только складские помещения для хранения соли, но и постоянное население. Разработка соли в регионе была начата еще в XVI в., в этой связи стоит предполагать наличие культурного слоя указанного периода [Камалеев и др., 2017, с. 20–28].

Библиографический список

- Ахатов А.Т., Камалеев Э.В. Изучение поселенческих памятников XVI–XIX вв. на территории Республики Башкортостан: проблемы и перспективы развития археологии нового времени в регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №4 (60). Т. 1. С. 17–21.
- Дело об открытии ярмарки в крепости Табынской Стерлитамакского уезда // НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Т. 1. Д. 498.
- Камалеев Э.В. Культурный слой конца XVI–XVII в. села Никольское (ныне село Николо-Березовка Краснокамского района Башкортостана) // Проблемы Востоковедения. 2017. №2 (76). С. 25–30.
- Камалеев Э.В. Археологический комплекс «Ельдякская крепость» первой половины XVIII – нач. XX вв. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. №1. С. 160–168.

Камалеев Э.В., Ахатов А.Т. Русская крепость Табынск и его окрестности: к вопросу о колонизации центральной части Башкирии в XVI–XVIII вв. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2017. Т. 22. №1 (85). С. 20–28.

Камалеев Э.В., Колонских А.Г., Антонов И.В. Керамика Нового времени городища Уфа-III (по материалам раскопок М.Х. Садыковой 1969 г.) // Манускрипт. 2018. №12(98). Ч. 1. С. 37–41.

Кирсанов Р.С. Гончарное производство населения Самарского Поволжья как источник историко-культурной информации // Самарский край в истории России : материалы юбилейной научной конференции. Самара : Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2001. С. 215–223.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 72 с.

Насретдинов Р.Р. Документация, содержащая результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, отводимых для реализации проектов в Архангельском, Аургазинском, Буздякском, Гафурийском, Дюртюлинском, Ишимбайском, Кармаскалинском, Краснокамском, Кушнарковском, Кюргазинском, Мелеузовском, Стерлитамакском, Туймазинском, Федоровском, Шаранском и Янаульском районах Республики Башкортостан в 2018 году // Архив ГБУ НПЦ. 222 с.

Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа : Самрау, 2018. 335 с.

References

Ahatov A.T., Kamaleev E.V. Izuchenie poselencheskih pamjatnikov XVI–XIX vv. na territorii Respubliki Bashkortostan: problemy i perspektivy razvitiya arheologii novogo vremeni v regione [Study of the Sites of the XVIth – XIXth Centuries in the Territory of the Republic of Bashkortostan: Problems and Prospects for the Development of Archaeology of the New Time in the Region]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2014. №4 (60). Vol.1. Pp. 17–21.

Delo ob otkrytii jarmarki v kreposti Tabynskoj Sterlitamakskogo uezda [The Case of the Opening of the Fair in the Tabynsk Fortress in the Sterlitamak Ddistrict]. NA RB. F. I-1. Op. 1. T. 1 D. 498.

Kamaleev E.V. Kul'turnyj sloj konca XVI–XVII v. sela Nikol'skoe (nyne selo Nikolo-Berezovka Krasnokamskogo rajona Bashkortostana) [The Cultural Layer of the End of the XVIth – XVIIth Century. Nikolsk Village (now the village of Nikolo-Beryozovka, Krasnokamsky district of Bashkortostan)]. Problemy Vostokovedeniya [Problems of Oriental Studies]. 2017. №2 (76). Pp. 25–30.

Kamaleev E.V. Arheologicheskij kompleks «El'djajskaja krepost'» pervoj poloviny XVIII – nach. XX vv. [The Archaeological Complex “Eldyak Fortress” of the First Half of the XVIIIth – Beginning of the XXth Centuries]. Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii [Electronic Journal on Historical Sciences and Archaeology]. 2018. №1. Pp. 160–168.

Kamaleev E.V., Ahatov A.T. Russkaya krepost' Tabynsk i ego okrestnosti: k voprosu o kolonizacii central'noj chasti Bashkirii v XVI–XVIII vv. [Russian Tabynsk Fortress and its Neighbourhood: the Issue of the Central Part of Bashkiria Colonization in the XVIth – XVIIIth Centuries]. Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan [Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan]. 2017. T. 22. №1 (85). Pp. 20–28.

Kamaleev E.V., Kolonskih A.G., Antonov I.V. Kерамика Нового времени городища Уфа-III (по материалам раскопок М.Х. Садыковой 1969 г.) [Ceramics of the New Age of the Ufa-III Ancient Settlement (according to the excavations of M.Kh. Sadykov, 1969)]. Manuscript [Manuscript]. 2018. №12(98). Part 1. Pp. 37–41.

Kirsanov R.S. Goncharnoe proizvodstvo naselenija Samarskogo Povolzh'ja kak istochnik istoriko-kul'turnoj informacii [Pottery Production of the Population of the Samara Volga Region as a Source of Historical and Cultural Information]. Samarskij kraj v istorii Rossii: Materialy jubilejnoj nauchnoj konferencii [The Samara Region in the History of Russia: Materials of the Jubilee Scientific Conference]. Samarskij oblastnoj istoriko-kraevedcheskij muzej im. P.V. Alabina [P.V. Alabin Regional Museum of Local History]. Samara, 2001. Pp. 215–223.

Lepekhin I.I. Dnevnye zapiski puteshestviya po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva [Daily Travel Notes for Different Provinces of the Russian State]. Ufa: IYal URC RAS, 2007. 72 p.

Nasretidinov R.R. Dokumentacija, sodержashhaja rezul'taty issledovanij, v sootvetstvii s kotorym opredeljaetsja nalichie ili otsutstvie ob#ektov, obladajushhiih priznakami ob#ektov kul'turnogo nasledija, na zemel'nyh uchastkah, podlezhashhiih vozdejstviyu zemljanyh, stroitel'nyh, meliorativnyh, hozjajstvennyh rabot, otvodimyh dlja realizacii proektov v Arhangel'skom, Aurgazinskom, Buzdjakskom, Gafurijskom, Djurtjulinskom, Ishimbajskom, Karmaskalinskom, Krasnokamskom, Kushnarenkovskom, Kujurgazinskom, Meleuzovskom, Sterlitamaskom, Tujmazinskom, Fedorovskom, Sharanskom i Janaul'skom rajonah Respubliki Bashkortostan v 2018 godu [Documentation Containing Research Results, according to Which the Presence or Absence of Objects with Features of Cultural Heritage Objects on Land Plots, Subject to the Impact of Earthwork, Construction, Ameliorative, Economic Activities Allocated for the Implementation of Projects in Arkhangelsk, Aurgazinsky, Buzdyak, Gafuriysk, Dyurtyulinsky, Ishimbay, Karmaskalinsky, Krasnokamsky, Kushnarenkovsky, Kuyurgazinsky, Meleuzovsky, Sterlitamasky, Tuymazinsky, Fedorovsky, Sharansky and Yanaul Districts of the Republic of Bashkortostan in 2018]. Arhiv GBU NPC [Archive GBU SPC]. 222 p.

Sungatov F.A., Sultanova A.N., Bahshieva A.K., Muhametdinov V.I., Ruslanova R.R., Ruslanov E.V. K probleme gorodov Yuzhnogo Urala jepohi srednevekov'ja [To the Problem of the Cities of the Southern Urals of the Middle Ages]. Ufa: Samrau, 2018. 335 p.

E.V. Kamaleev

*R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies-Subdivision of the Ufa Federal
Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia*

ARCHAEOLOGICAL STUDY IN THE TERRITORY OF THE TABYNSK FORTRESS OF THE XVIIITH – XXTH CENTURIES IN CENTRAL BASHKIRIA

Exploratory research in the territory of one of the largest fortified settlements in the territory of Bashkiria revealed numerous finds from the period of the existence of the Tabynsk Fortress in the period of the XVIII – early XX centuries, as well as materials of the Bronze Age (Srubnaya culture) and the Middle Ages (Kushnarenkovo culture). Historical and archival research indicates the problems of the early history of the central part of Bashkiria, the fortification and configuration of the Tabynsk Fortress within the modern village boundaries. The fortress was the largest fortified settlement in the Orenburg Region with as many as 400 Cossacks and exiles in service. However, until 2016, no archaeological research was carried out on such a significant fortification site of the New Age.

In the course of archaeological research in the territory of Tabynsk, numerous fragments of pottery cookware were found, the forms and types of which are found in similar settlements of Bashkortostan. At the same time local features of pottery were revealed. Conducted research documents general information about the territory of the cultural layer distribution, pottery traditions, categories and types of ceramics, molding mass, ornamental motifs and traditions of additional pottery surface treatment.

Key words: modern time, Tabynsk fortress, fortification, cultural layer, pottery.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ Г. ХЛЫНОВА-ВЯТКИ

Статья посвящена рассмотрению истории изучения могильников позднего Средневековья и Нового времени на территории г. Хлынова-Вятки (современный город Киров) и определению перспектив их дальнейшего исследования. В ней рассматриваются особенности погребальных памятников этого времени, их информативная ценность и приводятся результаты их археологического изучения в сочетании с данными письменных источников. В частности, исследованы следующие могильники на исторической территории г. Хлынова-Вятки: Хлыновский I могильник, Хлыновский II могильник, кладбище при Воскресенском соборе, кладбище при Покровской церкви, кладбище при Вознесенской церкви, Иоанно-Богословское кладбище, Ахтырское кладбище. Эти некрополи подвергались изучению в разное время и в различной степени, но все они имеют большую ценность для исследования духовной культуры, антропологических и демографических характеристик населения г. Хлынова-Вятки в период позднего Средневековья и Нового времени. В итоге делается вывод о высокой степени перспективности дальнейшего изучения подобных археологических памятников и необходимости их целенаправленного исследования.

Ключевые слова: археология, позднее Средневековье, Новое время, могильники, погребения, церкви, г. Хлынов-Вятка, строительство.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-13

Введение

Исследование погребальных памятников дает ученым важную информацию о материальной и духовной культуре людей прошлого, антропологической характеристике населения и различных демографических и даже этнических аспектах общества в целом. При этом изучение могильников позднего Средневековья и Нового времени имеет свои важные особенности. В первую очередь они состоят в возможности использования данных письменных источников в совокупности с методами собственно археологической науки. Зачастую, приступая к исследованиям, археологи уже имеют информацию о примерных или точных границах распространения погребений, времени функционирования некрополя и иногда даже имеют возможность установить личность умершего, обнаруженного в той или иной могиле. Но вместе с тем невозможно заранее узнать все детали погребального обряда и антропологические особенности умерших, даже если то или иное кладбище подробно описано в письменных источниках своего времени. Именно поэтому археологические исследования поздних могильников постоянно приносят нам все новую информацию, подчас довольно неожиданную.

Погребения позднего Средневековья и Нового времени на территории современного г. Кирова, безусловно, совершены по христианскому обряду. Однако в ходе археологического изучения христианских могильников этого времени на территории Кировской области в целом неоднократно выявлялись отклонения от православного погребального канона, которые можно объяснить элементами народного православия, бытовавшими среди населения Вятской земли и частично восходящими к языческим

верованиям финно-угорских и русского этносов. Эти особенности погребального обряда могут быть обнаружены и в некрополях г. Хлынова-Вятки. При этом бассейн среднего течения р. Вятки изначально являлся контактной зоной между русским и финно-угорским населением, вследствие чего обнаруженный в погребениях на территории современного г. Кирова антропологический материал может послужить основой для выводов об этническом составе населения города, в том числе с привлечением методов сравнительно-генетического анализа.

В данной статье рассматриваются могильники позднего Средневековья и Нового времени, расположенные на исторической территории г. Хлынова-Вятки (совр. г. Кирова). За рамками изучения остались погребальные памятники, расположенные в населенных пунктах, располагавшихся вблизи города и впоследствии вошедших в состав г. Кирова.

Материалы и методы

В рассматриваемый период захоронения производились главным образом при церквях и монастырях. На настоящий момент имеются основания предполагать наличие кладбищ при 15 церквях, существовавших в разное время в г. Хлынове-Вятке. За основной критерий в данном случае принято время основания храма – до издания указа 1771 г. о запрете погребения умерших на кладбищах при церквях, расположенных в населенных пунктах. Учитывая тот факт, что многие церкви основывались на месте или вблизи ранее существовавших храмов, кладбища при этих церквях в случае такой преобладанности считались за один памятник. В список церквей, при которых предполагается наличие захоронений, входят:

1. Церковь Рождества Иоанна Предтечи, 1714 г. постройки.
2. Спасский собор, 1763–1770 гг. постройки (выстроен на месте нескольких предшествующих церквей).
3. Успенский собор (1684–1689); 4. Благовещенская (1728); 5. Николаевская (1690–1695); 6. Трехсвятительская (1714) церкви Вятского Успенского Трифонова монастыря.
7. Троицкий кафедральный собор, 1760–1772 гг. постройки (выстроен на месте нескольких предшествующих церквей).
8. Воскресенский собор, 1695–1700 гг. постройки.
9. Церковь Донской иконы Божией Матери, 1746–1763 гг. постройки.
10. Владимирская церковь, 1707–1718 гг. постройки.
11. Сретенская церковь, 1705–1711 гг. постройки.
12. Покровская церковь, 1709 г. постройки.
13. Богоявленский собор, 1698–1710 гг. постройки.
14. Преображенская церковь Спасо-Преображенского монастыря, 1696 г. постройки.
15. Царево-Константиновская Знаменская церковь, 1697–1699 гг. постройки.

Эти данные можно дополнить сведениями «Материалов к русскому провинциальному некрополю», изданных великим князем Николаем Михайловичем в 1914 г. В них публиковались надгробные надписи погребений кладбищ по всей России. Данные по Вятской губернии не публиковались, но сохранились в РГИА и РГАДА. В этих «Материалах...» содержатся указания на наличие погребений при следующих вятских церквях и монастырях:

1. Ахтырская церковь.
2. Воскресенский собор.

3. Донская Богородицкая церковь.
4. Знаменская церковь.
5. Преображенский женский монастырь.
6. Свято-Троицкий кафедральный собор.
7. Успенский Трифонов монастырь.
8. Иоанно-Богословская церковь [Шилов, 2004, с. 86–90].

По сравнению с предыдущим списком добавились Ахтырская (1795 г. постройки) и Иоанно-Богословская (1784–1794 гг. постройки) церкви, которые изначально строились при вновь устраиваемых кладбищах. Таким образом, в предполагаемый список погребальных памятников эпохи позднего Средневековья и Нового времени г. Хлынова-Вятки входит 17 объектов. В данной статье рассматриваются некрополи, в отношении которых кроме информации письменных источников имеются данные о находках на их территории погребений в ходе археологических или строительных работ.

Обсуждение результатов

На основании обозначенных критериев можно выделить следующие могильники эпохи позднего Средневековья и Нового времени на территории г. Хлынова-Вятки:

1. Хлыновский-I могильник. Располагается на территории Вятского Успенского Трифонова монастыря, который был основан на месте старого городского кладбища на т. н. «Семеновской пустоши» в 1580 г. Некрополь занимал часть мыса второй надпойменной террасы р. Вятки высотой 4–5 м и с севера был ограничен оврагом Засора. Этот глубокий овраг отделял территорию города от могильника. Общее количество погребений, выявленных в разное время на могильнике, составляет более 60.

Первые погребения на памятнике были зафиксированы в 1981 г. Л.Д. Макаровым во время осмотра траншеи, пересекавшей двор монастыря от Успенского собора к Братскому корпусу. При этом в ней выявлен разрез могильных ям, имевших глубину от 1,2 до 2 м. Тогда же была вскрыта нижняя часть одного из костяков с остатками гроба [Кряжевских, 2011, с. 143].

В 1989–1991 гг. на территории монастыря проводились масштабные реставрационные работы, в ходе которых сотрудники сектора археологии Кировского областного краеведческого музея под руководством Л.А. Сенниковой осуществляли археологические наблюдения за земляными работами.

Особенностью выявленных захоронений являются повсеместные взаимные нарушения могильных ям, которые были изучены лишь частично в разрезах коммуникационных траншей.

По размерам можно выделить несколько групп погребений. Основную группу составляют погребения глубиной 25–45 см. Четыре ямы имеют глубину 65–85 см. Длина могильных ям, где удалось ее зафиксировать, укладывается в пределы 110–150 см, три могильные ямы имеют длину 195–230 см. По ширине могильные ямы разделяются на две примерно равные группы: шириной 40–55 и 65–70 см. В некоторых погребениях обнаружены остатки гробовищ, причем стенки погребальных сооружений, вероятно, скреплялись деревянными штырями, так как железные гвозди не найдены. В погребениях могильника не было обнаружено нательных крестиков. Также выявлены два вида ориентации захоронений (запад–восток и север–юг), которые, вероятно, связаны с погребением различных этнических групп (русского и финно-угорского населения), которые одновременно обитали в городе [Сенникова, 2009, с. 149–150].

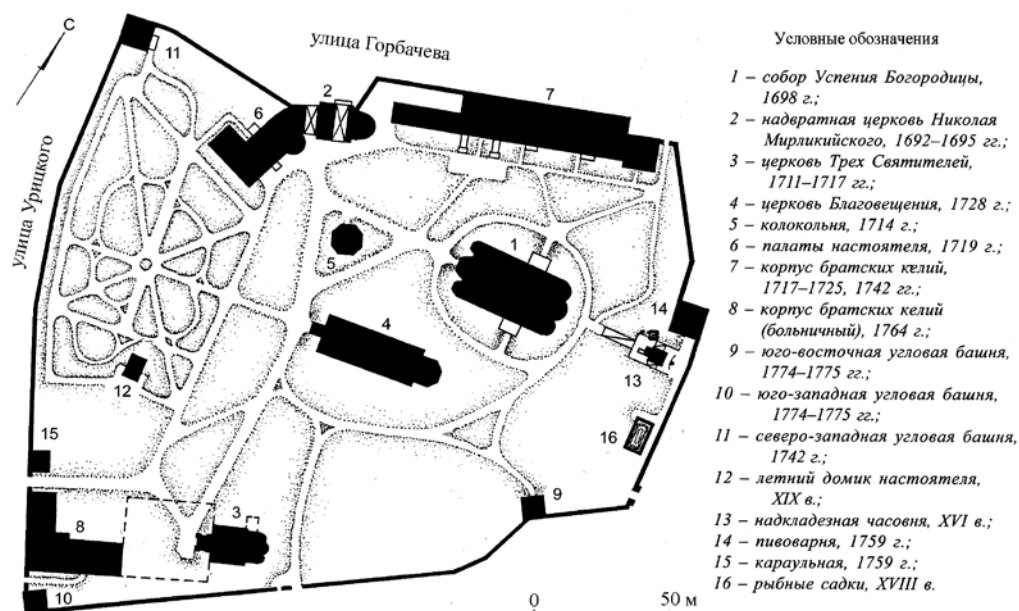

Рис. 1. План Вятского Успенского Трифонова монастыря

В ходе археологического надзора были обследованы шесть траншей под подземные коммуникации и шурфы вдоль стен Братского корпуса.

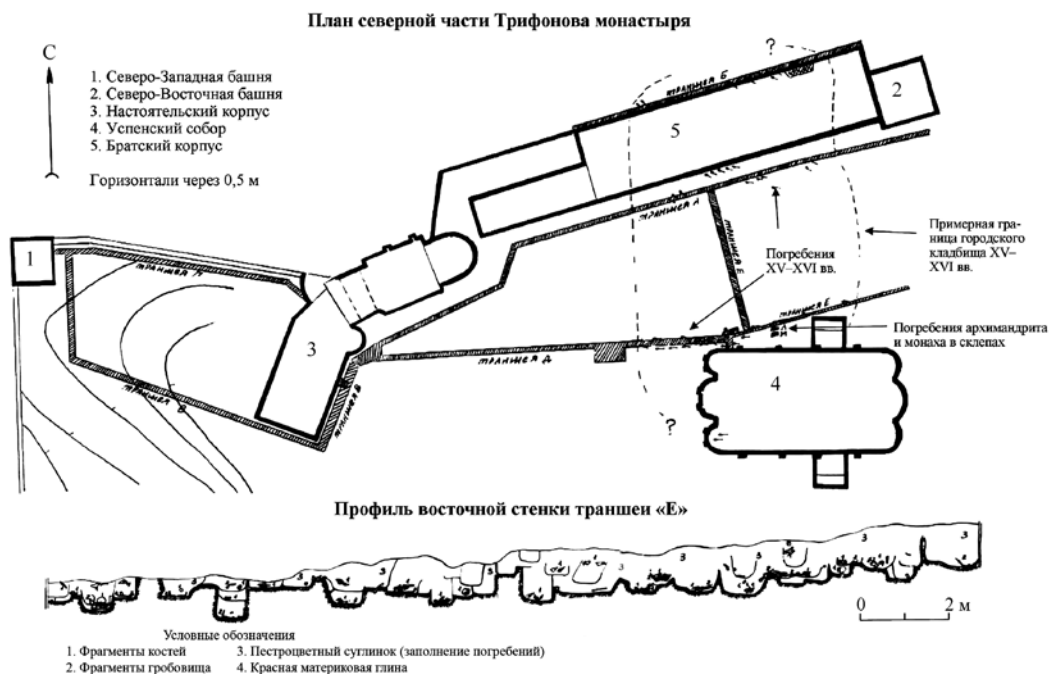

Рис. 2. План северной части Вятского Успенского монастыря с указанием обследованных траншей и стратиграфии одной из них (по: [Сенникова и др., 2018, с. 70])

Кроме погребений городского кладбища, во время археологических надзорных работ обнаружено два погребальных сооружения (склепа), связанных с деятельностью монастыря. Склепы располагались возле северной стены Успенского собора. Первый склеп имел подпрямоугольную форму, размеры 225×70 см, длинными сторонами ориентирован по направлению запад–восток. Красным кирпичом размером 26×10×7 см были выложены только стенки склепа, кирпичи между собой не скреплены. Внутренняя поверхность стенок от основания до середины покрыта известковым раствором. По верху склеп был перекрыт настилом из досок. Доски, уложенные по периметру конструкции, дополнительно укреплены однослойной кирпичной кладкой. Дно в склепе грунтовое. Внутри были зафиксированы мумифицированные останки священнослужителя (архимандрита), уложенные в гроб. Достаточно хорошо сохранилось священническое облачение и погребальный инвентарь (Евангелие, напестольный крест, четки, восковая свеча, бутылочка-слезница, наперсный крест). Предположительно данное захоронение принадлежит архимандриту Амвросию (Александру Ивановичу Красовскому), настоятелю монастыря в 1840–1868 гг., скончавшемуся 28 мая 1870 г. в возрасте 69 лет и погребенному на территории монастыря.

Рядом с первым склепом, почти соприкасаясь с ним, немного ближе к стене Успенского собора располагался аналогичный каменный склеп. В нем удалось зафиксировать лишь изголовье монаха, умершего в преклонном возрасте. Это погребение полностью не обследовано из-за опасности обвала края траншеи, склеп был заново заложен [Сенникова и др., 2018, с. 66–67].

В 2002 г. при строительстве колодца для слива воды между Успенским собором и Благовещенским храмом был обнаружен еще один склеп. По имеющейся информации, он был выложен кирпичом, в нем сохранились фрагменты гробовища, металлические предметы (ручки от гроба?) и останки погребенного. Фрагментов одежды обнаружено не было, вследствие чего сложно определить принадлежность умершего к священническому сану. Возможно, склеп относился к тому же временному отрезку, что и погребение архимандрита. Осмотр и обследование этого склепа производились без участия археологов, поэтому подробная информация о нем отсутствует [Сенникова и др., 2018, с. 67].

В «Материалах к “Русскому провинциальному некрополю”» содержится информация о 120 погребенных на кладбище при Вятском Успенском Трифоновом монастыре, среди которых преобладают священнослужители, хотя встречаются также купцы и известные общественные деятели Вятской губернии [РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 8. Л. 54–60]. Все эти захоронения были сделаны уже в период существования монастыря.

Вероятнее всего, большая часть прослеженных на Хлыновском I могильнике погребений является частью городского кладбища, начало функционирования которого относится ко времени основания города Вятки в конце XIV в. По мнению Л.А. Сенниковой, оно перестало использоваться в начале XVI в. [Сенникова и др., 2018, с. 66]. После основания Вятского Успенского монастыря в 1580 г. захоронения на некрополе возобновляются, причем хоронили главным образом монахов, священников, церковных иерархов и известных людей Вятки. Погребение умерших здесь продолжалось по крайней мере до начала XX в.

2. Хлыновский II могильник. Располагается на территории кремля г. Хлынова-Вятки к югу и юго-западу от бывшего Богоявленского собора. Этот участок в настоящее время находится внутри квартала, ограниченного с юга ул. Московской, с востока – вы-

соким коренным берегом р. Вятки, с севера – оградой Преображенского женского монастыря, с запада – Динамовским проездом. Погребения были обнаружены Л.П. Гуссаковским во время его исследований на территории Хлыновского кремля в 1956–1958 гг.

Рис. 3. Рабочий момент археологических раскопок на территории Хлыновского кремля под руководством Л.П. Гуссаковского в 1957 г.

В ходе работ Л.П. Гуссаковского были выявлены 25 погребений, пять из них – детские. Обнаруженные костяки ориентированы головой на запад–юго-запад и запад–северо-запад, во всех случаях присутствуют остатки деревянных гробов. Умершие лежали вытянуто на спине, глубина могильных ям варьировалась от 0,5 до 1 м. Л.П. Гуссаковский объясняет небольшую глубину захоронений работами по нивелировке местности, проводившимися на участках его изысканий в разное время. В пяти детских погребениях выявлены медные нательные крестики конца XVI–XVII вв. [Кряжевских, 2011, с. 143]. Еще в двух детских захоронениях выявлено по два железных гвоздя, которые Л.А. Сенникова [2009, с. 150–151] относит к погребальному (жертвенному) комплексу.

В 1983 г. во время исследования траншеи водопровода, проложенной в том числе по территории Хлыновского кремля, Л.Д. Макаров зафиксировал следы еще шести погребений глубиной от 0,25 до 1 м. Погребенные в них располагались головой на запад [Макаров, 1999, с. 54].

Вероятнее всего, Хлыновский II могильник представляет собой церковное кладбище, возникшее еще при деревянной Богоявленской церкви XVI в. и продолжавшее функционировать после постройки в 1698–1710 гг. каменного Богоявленского собора. Завершается использование этого кладбища после издания Екатериной II в 1771 г. указа о запрете хоронить умерших при церквях, расположенных в черте населенных пунктов.

3. Кладбище при Воскресенском соборе. В 1615 г. на высоком холме в центральной части г. Хлынова была выстроена деревянная Воскресенская церковь. В настоящее время этот участок находится внутри квартала, ограниченного ул. Ленина, Гостиным пер., ул. Казанской и ул. Московской. В 1695–1700 гг. Воскресенский храм был возведен в каменном исполнении, и вплоть до середины XIX в. достраивались его отдельные элементы. В 1935 г. собор разобрали и на его месте в течение 1935–1937 гг. выстроили Центральную гостиницу [Вятка, 2002, с. 162].

Во время археологических наблюдений за ходом строительства гостиницы известный советский археолог М.П. Грязнов, находившийся в ссылке в г. Кирове, выявил большое количество погребений. После проведения половозрастного определения умерших, изучения их физических параметров и краниометрического анализа черепов исследователь сделал вывод о наличии в составе вятчан финского компонента. На это указывало преобладание брахикранных черепов в сочетании с низкорослостью умерших [Макаров, 1987, с. 30–31]. М.П. Грязнов совместно с ленинградским антропологом Д.Г. Рохлиным провел предварительный патолого-анатомический анализ костей, результаты которого впоследствии вошли в монографию последнего. В ней указывалось на достаточно высокий процент серьезных заболеваний и механических травм у вятчан XVII–XVIII вв., при этом одновременно отмечалось наличие большого количества физически крепких людей [Рохлин, 1965, с. 211–215]. В более позднее время погребения из исследованного М. П. Грязновым кладбища более не изучались.

В «Материалах к “Русскому провинциальному некрополю”» указаны сведения о четырех погребениях при Воскресенском соборе, имевших надгробные надписи [РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 9. Л. 111].

Кладбище при Воскресенском соборе можно датировать XVII–XVIII вв. Оно возникает еще при деревянной церкви и существует, очевидно, до указа Екатерины II 1771 г.

4. Кладбище при Покровской церкви. В 1709 г. в непосредственной близости от Воскресенского собора вместо двух деревянных храмов была выстроена каменная Покровская церковь. В соответствии с современной планировкой этот участок располагается к юго-востоку от перекрестка ул. Ленина и ул. Московской. В 1935 г. церковь была закрыта ВЦИК по ходатайству Кировского горсовета и крайисполкома, а в 1936 г. разобрана. На ее месте был разбит небольшой сквер [Вятка, 2002, с. 164]. Во время устройства сквера неоднократно обнаруживались захоронения кладбища при Покровской церкви, часть из которых была изучена М.П. Грязновым и наряду с материалами некрополя при Воскресенском соборе послужила основанием для уже упоминавшихся выводов Д.Г. Рохлина [1965, с. 211–215].

В 2012 г. во время благоустройства территории сквера рабочими были обнаружены отдельные разрозненные человеческие кости, которые впоследствии были переданы археологам.

Некрополь при Покровской церкви, как и захоронения Воскресенского собора, можно датировать XVII–XVIII вв. В качестве его верхней даты можно рассматривать время издания Екатериной II указа о запрете погребений при церквях в населенных пунктах – 1771 г.

5. Кладбище при Вознесенской церкви. В конце августа 2011 г. во время выборки котлована будущего здания в г. Кирове по ул. Дрелевского, 15 (совр. ул. Спасская) строителями были обнаружены человеческие останки. После получения информации об этом

на место находки выехали специалисты департамента культуры Кировской области и Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области. В результате осмотра места находок было принято решение приостановить земляные работы в этом районе и провести археологическое обследование котлована.

В ходе исследований под руководством А.Л. Кряжевских удалось проследить разрезы четырех могильных ям и обнаружить останки девяти-десяти человек (включая кости, найденные строителями). Археологические работы включали в себя лишь зачистку стенок котлована и фиксацию находок в них, так как границы нового строительства лишь незначительно выходили за пределы старого фундамента торговых лавок XIX в. Погребения ориентированы по линии восток–запад и фиксируются на глубине 2,4–2,7 м от уровня современной дневной поверхности. При этом они пререзают темно-коричневый гумусированный культурный слой, образовавшийся на месте городского торгового квартала. Заполнение могильных ям также имеет насыщенную черную окраску. В одном из захоронений обнаружены фрагменты медного крестика, в другом – остатки одежды, покрывающей кости, наподобие грубого холста.

Исследованные могильные ямы являются частью церковного кладбища XVII–XVIII вв., существовавшего при Вознесенской церкви, которая располагалась в глубине современного квартала, ограниченного улицами Спасской, Казанской, Московской и Кооперативным переулком. Церковь располагалась в западном конце хлыновского торгового квартала, где сходились Никитская и Московская улицы и Покровский переулок. Первые упоминания о деревянной Вознесенской церкви в указанном районе относятся еще к 1615 г., а в 1748 г. она была выполнена в каменном исполнении. До наших дней этот храм не сохранился: он сильно пострадал в результате пожара 1798 г. и вскоре был разобран. После этого пожара в 1799–1812 гг. вятские купцы застроили торговую площадь каменными лавками, протянувшимися от улицы Вознесенской до Спасского спуска. Место бывшей Вознесенской церкви было застроено в последнюю очередь – только в 1819 г. наследники купца П.Г. Аршаулова с И. Репиным и И. Ермолиным возвели здесь свои торговые ряды [Балыбердин, История...]. Незадолго до этого, в 1813–1816 гг. на углу улиц Спасской и Вознесенской (совр. ул. Ленина) был построен двухэтажный дом купца П.Г. Аршаулова [Вятка, 2002, с. 80].

Вероятнее всего, кладбище при Вознесенской церкви могло функционировать до указа Екатерины II 1771 г.

6. Иоанно-Богословское кладбище. После издания указа Екатерины II 1771 г. о запрете хоронить умерших при церквях в черте населенных пунктов старые кладбища г. Хлынова были закрыты, а захоронения стали выносить за пределы города. Одним из новых кладбищ стало Иоанно-Богословское, открытое для погребения умерших с 1772 г. и располагавшееся вблизи бывшего Богословского Подгородного Хлыновского монастыря, основанного в 1723 г. и упраздненного в 1764 г. [Сычев, 1999, с. 217]. В 1784–1794 гг. на средства вятского купца С.Я. Машковцева на нем была построена Иоанно-Богословская кладбищенская церковь. Первоначально территория кладбища располагалась за пределами города, но с течением времени жилая застройка достигла и района его расположения.

В «Материалах к “Русскому провинциальному некрополю”» содержится информация о 743 захоронениях на этом кладбище, разбитых на разряды и кварталы [РГАДА. Ф. 337. Оп. 10. Д. 10009. Л. 75–96].

Постановлением президиума Кировского горсовета №78 от 1937 г. кладбище было закрыто, однако отдельные захоронения продолжали производиться до 1955 г. В разное время его территория была застроена зданиями средней школы №48, Дворца культуры машиностроительного завода им. 1 Мая (современного областного Дома народного творчества), стадионом, жилыми домами и рядом других сооружений. Во время строительных работ и планировки территории кладбища неоднократно обнаруживалось большое количество погребений, однако археологическим исследованиям они не подвергались. До нашего времени сохранились лишь два надгробных камня – первого председателя Вятского комитета РСДРП В.А. Горбачева и купца М.Д. Лаптева, причем, вероятнее всего, они располагаются не на своих первоначальных местах.

7. Ахтырское кладбище. Вторым городским кладбищем после Богословского, которое было открыто в рамках реализации указа Екатерины II 1771 г., стало Ахтырское кладбище. Оно было открыто южнее Семеновской улицы г. Хлынова и располагалось к юго-западу от городской застройки. В 1795 г. по проекту губернского архитектора Ф.М. Рослякова на территории кладбища была построена каменная Ахтырская церковь. Строительство велось на средства коллежского советника Иоанна Безрукого и его жены Параскевы [Вятка, 2002, с. 68].

В «Материалах к “Русскому провинциальному некрополю”» приводятся сведения о 36 погребенных на Ахтырском кладбище, в том числе многих видных общественных деятелях и меценатах Вятки. Примечателен тот факт, что первое погребение на этом некрополе, согласно указанным «Материалам...», было произведено еще в 1713 г., то есть задолго до

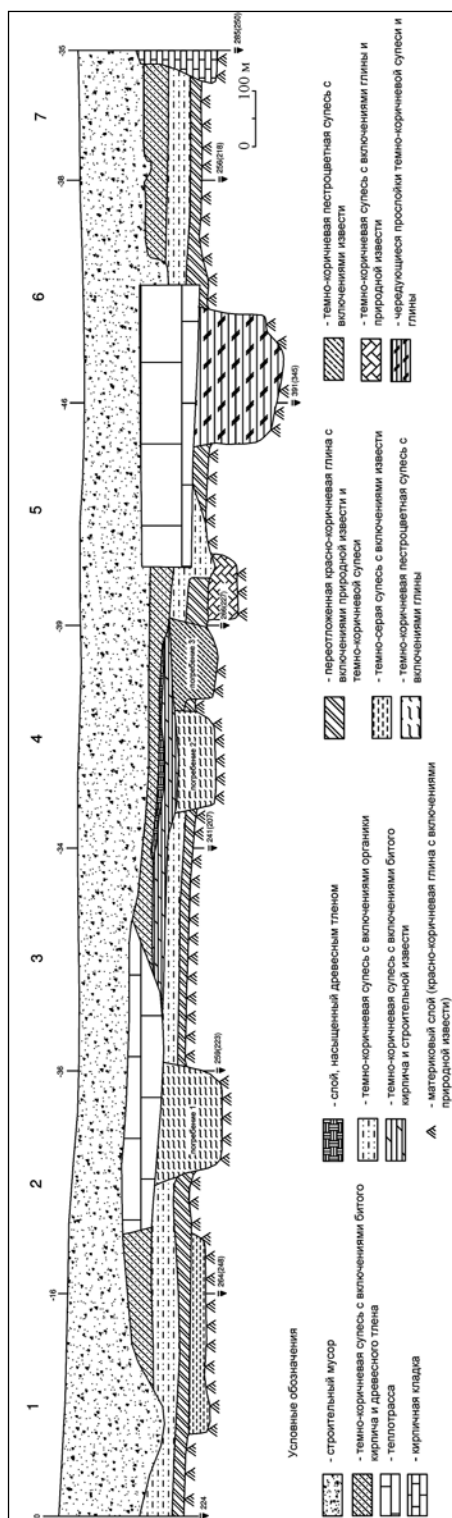

Рис. 4. Профиль северной стенки котлована в г. Кирове по ул. Дрелевского, 15

официального открытия кладбища. Вероятнее всего, в данном районе до строительства каменного храма могла существовать деревянная церковь, на что указывают некоторые источники [РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 10. Л. 167–168].

Ахтырская кладбищенская церковь была закрыта в 1928–1929 гг., тогда же прекращены захоронения на кладбище. В 1930-е и 1940-е гг. существовали планы создания ботанического сада на месте некрополя и вокруг близлежащего оврага, однако они не были реализованы. В начале 1950-х гг. Ахтырское кладбище было снесено, а на его месте к 1958 г. построен больничный городок [Вятка, 2002, с. 68]. Во время проведения строительных работ и планировки территории массово встречались захоронения и отдельные разрозненные кости. При этом полноценных археологических работ там не проводилось. К настоящему времени практически вся его площадь занята постройками областной больницы, лесопромышленным колледжем, детской соматической больницей и жилыми домами. Ахтырская церковь в сильно перестроенном виде сохранилась, в настоящий момент там находится магазин «Медтехника».

Заключение

В качестве заключения можно констатировать, что ни один из погребальных памятников позднего Средневековья и Нового времени г. Хлынова-Вятки не сохранился в своем первоначальном виде. Подавляющее их большинство в настоящее время застроено различными городскими постройками и сооружениями, а некоторые почти полностью уничтожены в процессе целенаправленной ликвидации, как это произошло с Богословским и Ахтырским кладбищами. При этом лишь на территории Хлыновского II могильника проводились полноценные археологические раскопки, а на остальных рассмотренных объектах – в лучшем случае археологические наблюдения. С этим фактом связана достаточно высокая степень фрагментарности наших знаний об особенностях погребального обряда, антропологических и демографических характеристиках населения Хлынова-Вятки в XIV–XIX вв. Из этого же вытекают и перспективы дальнейшего изучения могильников указанного периода. Из 17 объектов, намеченных в качестве предполагаемых погребальных памятников, имеются данные о наличии сохранившихся захоронений и результатах их изучения различной степени полноты лишь в отношении семи. Нужна целенаправленная программа археологического изучения поздних могильников на территории г. Кирова, которая позволила бы выявить все сохранившиеся объекты и накопить необходимый объем информации для характеристики такой важной стороны жизни общества, как погребение умерших. Лишь в этом случае можно ликвидировать этот пробел в наших знаниях о прошлом Вятской земли.

Библиографический список

Балыбердин А.Г. История улицы Вознесенской // Наша Вятка. URL : <http://www.nashavyatka.ru/projects/streets/14.html>.

Ведомость о лицах, погребенных в храме и на кладбище при Вятском Успенском Трифоновом монастыре, составленная на основании указа Вятской духовной консистории от 30 апреля 1910 года за №13 // РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 8. Л. 54–60.

Вятка. Памятники и памятные места / сост. М.Н. Бойчук. Киров : ГИПП «Вятка», 2002. 255 с.

Кряжевских А.Л. История изучения археологических памятников в черте современного г. Кирова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. История и юридические науки. 2011. №2 (5). С. 137–146.

Макаров Л.Д. Вклад М.П. Грязнова в изучение исторического прошлого Вятской земли // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : ОмГУ, 1987. С. 30–32.

Макаров Л.Д. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова) : материалы междунар. конф. Киров : Кировская областная типография, 1999. С. 48–57.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М. ; Л. : Наука, 1965. 303 с.

Сведения о лицах, погребенных на кладбище при Ахтырской церкви города Вятки // РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 10. Л. 167–168.

Сведения о лицах, погребенных на кладбище при Иоанно-Богословской церкви города Вятки // РГАДА. Ф. 337. Оп. 10. Д. 10009. Л. 75–96.

Сведения о лицах, погребенных при Вятском Воскресенском соборе // РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 9. Л. 111.

Сенникова Л.А. Захоронения позднего средневековья на Вятской земле // Музеи – хранители культурного наследия : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Киров, 2009. С. 145–154.

Сенникова Л.А., Кайсин А.О., Онуфриенко Ю.А., Жилина М.В., Борисова А.М. Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря // Вестник гуманитарного образования. 2018. №1. С. 64–75.

Сычев В.И. Вятские монастыри в конце XVI – начале XX века (историко-географическое описание) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию города Кирова) : материалы междунар. конф. Киров : Кировская областная типография, 1999. С. 214–227.

Шилов Д.Н. Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» по Вятской епархии // Герценка: Вятские записки. Вып. 6. Киров, 2004. С. 86–90.

References

Balyberdin A.G. Istorija ulicy Voznesenskoj [History of Voznesenskaya Street]. Nasha Vyatka [Our Vyatka]. Jelektronnyj resurs: <http://www.nashavyatka.ru/projects/streets/14.html>.

Vedomost' o licah, pogrebennyh v hrame i na kladbishhe pri Vjatskom Uspenskom Trifonovom monastyre, sostavlenaja na osnovanii ukaza Vjatskoj duhovnoj konsistorii ot 30 aprelja 1910 goda za №13 [The Chronicle about the Persons Buried in the Church and in the Cemetery at the Vyatka Uspensky Trifonov Monastery, Compiled on the Basis of the Decree of the Vyatka Spiritual Consistory of April 30, 1910 for Number 13]. RGIA. F. 549. Op. 2. D. 8. L. 54–60.

Vjatka. Pamjatniki i pamjatnye mesta (sost. M.N. Bojchuk) [Monuments and Memorable Places (comp. by M.N. Boychuk)]. Киров : GIPP «Vjatka», 2002. 255 p.

Krjazhevskih A.L. Istorija izuchenija arheologicheskikh pamjatnikov v cherte sovremennogo g. Kirova [The History of the Study of Archaeological Site within the Limits of the Modern City of Kirov]. Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Istorija i juridicheskie nauki [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. History and Law]. 2011. №2 (5). Pp. 137–146.

Makarov L.D. Vklad M.P. Grjaznova v izuchenie istoricheskogo proshlogo Vjatskoj zemli [The Contribution of M.P. Gryaznov in the Study of the Historical Past of the Vyatka Land]. Istoricheskie chtenija pamjati M.P. Grjaznova: tez. dokl. obl. nauch. konf. [Historical Readings in Memory of M.P. Gryaznov: Reports of the Scientific Conference]. Омск : ОмГУ, 1987. Pp. 30–32.

Makarov L.D. Istorija arheologicheskogo izuchenija g. Vjatki (Hlynova) [History of the Archaeological Study of the City of Vyatka (Khlynova)]. Evropejskij Sever v kul'turno-istoricheskom processe (K 625-letiju goroda Kirova): materialy mezhdunar. konf.). [European North in the Cultural and Historical Process (To the 625th Anniversary of the City of Kirov): Materials of the Intern. Conf.] Киров : Kirovskaja oblastnaja tipografija, 1999. Pp. 48–57.

Rohlin D.G. Bolezni drevnih ljudej (kosti ljudej razlichnyh jepoh – normal'nye i patologicheski izmenennye) [Diseases of Ancient People (the Bones of People of Different Eras – Normal and Pathologically Changed)]. М., Л. : Nauka, 1965. 303 p.

Svedenija o licah, pogrebennyh na kladbishhe pri Ahtyrskoj cerkvi goroda Vjatki [Information about the Persons Buried in the Cemetery at the Akhtyrskaya Church of the City of Vyatka]. RGIA. F. 549. Op. 2. D. 10. L. 167–168.

Svedenija o licah, pogrebennyh na kladbishhe pri Ioanno-Bogoslovskoj cerkvi goroda Vjatki [Information about the Persons Buried in the Cemetery at the John the Theological Church of the City of Vyatka]. RGADA. F. 337. Op. 10. D. 10009. L. 7–96.

Svedenija o licah, pogrebennyh pri Vjatskom Voskresenskom sobore [Information about the persons buried at the Vyatka Resurrection Cathedral [Information about the Persons Buried at the Vyatka Resurrection Cathedral]. RGIA. F. 549. Op. 2. D. 9. L. 111.

Sennikova L.A. Zahoronenija pozdnego srednevekov'ja na Vjatskoj zemle [Burials of the Late Middle Ages on the Vyatka Land]. Muzei – hraniteli kul'turnogo nasledija : materialy Mezhhreg. nauch.-prakt. konf. [Museums – Guardians of Cultural Heritage: Materials of Interregional Scientific and Practical Conference]. Kirov, 2009. Pp. 145–154.

Sennikova L.A., Kajsins A.O., Onufrienko Ju.A., Zhilina M.V., Borisova A.M. Arheologicheskie raboty na territorii Uspenskogo Trifonova monastyrja [Archaeological Work in the Territory of the Assumption Trifonov Monastery]. Vestnik gumanitarnogo obrazovanija [Bulletin of Humanitarian Education]. 2018. №1. Pp. 64–75.

Sychev V.I. Vjatskie monastyri v konce XVI – nachale XX veka (istoriko-geograficheskoe opisanie) [Vyatka Monasteries at the End of the XVIth – Early 20th Century (Historical and Geographical Description)]. Evropejskij Sever v kul'turno-istoricheskom processe (k 625-letiju goroda Kirova) : Mat-ly mezhdunar. konf. [European North in the Cultural and Historical Process (to the 625th Anniversary of the City of Kirov) : materials of the Intern. Conf.]. Kirov : Kirovskaja oblastnaja tipografija, 1999. Pp. 214–227.

Shilov D.N. Materialy k «Russkomu provincial'nomu nekropolju» po Vjatskoj eparhii [Materials to the “Russian Provincial Necropolis” on the Vyatka Diocese]. Gercenka : Vjatskie zapiski. Vyp. 6 [Herzenka: Vyatka Notes. Issue 6]. Kirov, 2004. Pp. 86–90.

A.L. Krjazhevskih

Kirov State Regional Government Institution “Research and Production Center on Protection of Object of Cultural Heritage in the Kirov Region”, Kirov, Russia

THE HISTORY AND THE PROSPECTS OF STUDYING THE BURIAL MOUNDS OF THE LATE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES IN THE TERRITORY OF HLYNOV-VYATKA

This article is devoted to the history of the study of burial grounds of the late Middle Ages and Modern Times in the territory of Hlynov-Vyatka and identifying prospects for their research. The article discusses the features of the burial monuments of that era and their informative value and presents the results of their archaeological study in conjunction with information from written sources. In particular, the following burial grounds in the historical territory of Khlynov-Vyatka were investigated: Khlynovsky-I burial ground, Khlynovsky-II burial ground, cemetery at the Resurrection Cathedral, cemetery at the Intercession Church, cemetery at the Ascension Church, John-Theological Cemetery, Akhtyrsky Cemetery. These necropolises were studied at different times and to varying degree, but all of them are of great value for the study of spiritual culture, anthropological and demographic characteristics of the population of Khlynov-Vyatka in the late Middle Ages and Modern times. As a result, it is concluded that there are great prospects for the further study of such archaeological sites and the need for their targeted research.

Key words: archaeology, late Middle Ages, Modern Times, burial grounds, burials, churches, Khlynov-Vyatka, construction.

«ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ» КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

По мнению автора статьи, «церковная археология» является одним из тематических направлений «исторической археологии», занимающихся культовыми и погребальными сооружениями исторического периода. Эти выводы сделаны на основании исследований культурного слоя Николаевского мужского монастыря в г. Верхотурье и поисков останков Василиска Сибирского и Константина Меркушинского, признанных Русской православной церковью святыми. В методах поиска, раскопок и реконструкции археологических памятников письменной эпохи имеются существенные отличия от традиционных процедур исследования «доисторической археологии». В первую очередь это синтез данных письменных и археологических источников. Основной рабочий материал доисторических эпох – орнаментированная керамика – нередко отсутствует. Нет необходимости в выделении археологических культур, определении этнической и культурной принадлежности создателей памятников. Имена строителей и период существования объектов с высокой для археологии точностью можно узнать из письменных источников. Исследования на стыке истории и археологии предполагают также работу над единой периодизацией наук и обоснованием поздних хронологических границ археологии.

Ключевые слова: историко-археологические методы, культовые сооружения, церковная археология.

DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-14

Введение

Термин «церковная археология» использовался еще в XIX в. для обозначения ее как области научного знания, изучающей историю и культуру православных народов. Церковная археология имела литургическую и материализованную составляющие. Православные объекты исследовались и традиционными археологическими методами. По мнению В.М. Массона [1995, с. 8], «при таком подходе эти группы объектов полностью вливаются в общее русло археологической науки как одно из ее достаточно существенных направлений».

Начало ширококомасштабных реставрационных работ в православных храмах связано с возвращением в конце 1980-х гг. большого числа объектов Русской православной церкви. Археологические раскопки автора во время реставрации Николаевского мужского монастыря в г. Верхотурье (1989–1990 гг.), поиск и обретение мощей Василиска Сибирского (2000 г.) и Константина Меркушинского (2004 г.) дали практический материал для изучения культовых памятников исторического периода и определения объекта исследований «церковной археологии».

Возрождение интереса к Николаевскому мужскому монастырю в Верхотурье было связано с двумя событиями: возвращением его Русской православной церкви и подготовкой к празднованию 400-летия со дня основания города. Летом 1989 г., впервые после закрытия находившейся здесь детской колонии, появилась возможность проведения исследований внутри ограды монастыря. В 1988–1990 гг. студенческим отрядом Свердловского архитектурного института под руководством В.И. Симиненко проводились реставрационные работы ограды монастыря. Они сопровождались значительными земляными работами, связанными с укладкой дренажа, выравниванием юго-западной башни и укреплением фундамента южного и западного участков стены, к востоку

и западу от надвратной Симеоно-Анненской церкви. В этих работах принимал участие и автор, проводя археологические исследования планировки, хозяйственной и культурной деятельности монастыря [Курлаев, 1998, с. 92–109].

Один из старейших в Зауралье Николаевский мужской монастырь был основан в 1604 г. иеромонахом Ионой Пошехонцем у источника вблизи г. Верхотурье. О ранней истории обители известно немного, так как большая часть монастырских архивов погибла в неоднократных пожарах. Сохранившиеся относительно поздние описания монастыря освещают основные этапы строительства и различные события в его истории, значимые при проведении археологических исследований. Известно, что в монастыре были возведены Николаевская (1738 г.), Преображенская (1834), Симеоно-Анненская (1856) церкви и Крестовоздвиженский собор (1913). В 1752 г. вокруг монастыря установили каменную ограду. Внутри ограды построили настоятельский корпус (1774), братские корпуса (1808 и 1856), трапезную (1855), гостиницу (1889) [Баранов, 1910]. В конце 1920-х гг. в монастыре разместили детскую исправительную колонию. С 1989 г. обитель была возвращена православной церкви.

Материалы и методы

Всего за 1989–1990 гг. на территории монастыря было заложено три раскопа общей площадью 160 кв. м и несколько разведочных шурфов. В практическом плане для последующей деятельности обители, успешного начала реставрационных работ и планомерных раскопок у южной стены монастыря было очищена территория от заградительных и осветительных сооружений колонии и полутораметрового навала земли и строительного мусора, разрушающих стену. Была обнаружена старая система водоотвода и выявлены причины подтопления фундаментов. Еще в 1860 г. настоятель монастыря Гавриил сообщал архиепископу Неофиту о том, что в Николаевском храме из-за грунтовой и дождевой воды потрескались стены и подмыло фундамент, «...и под полом вода в большом количестве; прорытою же недавно из-под притвора того за ограду монастыря канавою вся не вытекает...» [Баранов, 1910, с. 70]. Открытие системы дренажных канав и причин появления провалов в грунте развеяло легенды о монастырских подземельях, уходящих в сторону верхотурского кремля и женского монастыря [Слукин, 1988, с. 51–54]. Удалось также обнаружить водопроводную трубу, проложенную от «Святого источника» до трапезной в 1898 г. Позже по трубе был найден и сам источник.

В научном плане эти работы дополнили скудные сведения о планировке и материальной культуре монастыря в первые века его существования. В его юго-западной части внутри и за пределами ограды, построенной в 1752 г., находилось обширное кладбище. Даже в XIX в. о нем уже не сохранилось никаких сведений и следов. В 1855 г. при рытье рвов в юго-западном углу ограды под фундамент трапезной «на саженной глубине было открыто много полуистлевших человеческих костей и гробов. Едва ли это было не первое монастырское кладбище. Оно так древне, что в 1855 г. о нем не сохранилось никаких преданий» [Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1894, №22. С. 532]. Трудно сказать, знали строители или нет о его существовании, но, закладывая фундамент ограды, сохраняли останки погребенных. При раскопках было обнаружено 14 могил. Все погребенные похоронены по православному обычаю. Инвентарь погребений беден. Среди находок можно упомянуть только серьгу, остатки кожаной обуви – поршней и два медных литых нательных

креста, датированных XVII в. В первое столетие существования обители территория монастыря была значительно меньше, и, очевидно, на кладбище хоронили не только монахов, но и жителей Верхотурья. Следует отметить находку могильной каменной плиты размером 114×86×20 см. Полностью расчистить и установить ее длину не удалось. Могила не вскрывалась. Возможно, здесь лежит основатель монастыря Иона Пошехонец.

В раскопе 3, заложенном к востоку от надвратной церкви, были расчищены остатки жилой и хозяйственной построек XVII – начала XVIII в., а также большое количество гончарной керамики XVII в. и изразцов XVIII в. В 1624 г. Михаил Тюхин, перечисляя кельи живущих в монастыре старцев, не забыл упомянуть, что тут же находился двор, где жили монастырские половники. Очевидно, постройки сгорели в большом пожаре 1716 г. Следует также отметить, что под современным дорожным покрытием у юго-западной башни сохранились деревянные плахи – единственные зримые остатки знаменитой Бабиновской дороги.

В 1997 г. по инициативе настоятеля Верхотурского Николаевского монастыря о. Тихона была предпринята попытка обнаружить останки преподобного старца Василиска, похороненного в 1824 г. в Свято-Николаевском монастыре г. Туринска. До возвращения объектов монастыря РПЦ в 1996 г. на территории монастыря размещался гараж. В то время поиск проводили школьники из военно-патриотического центра «Тайфун-42». Раскопки проводились непрофессионально и без оформления соответствующей документации. При вскрытии бетонного пола в одном из гаражных боксов на месте разрушенного храма Вознесения Господня на глубине около 120 см был обнаружен человеческий скелет, находящийся в кирпичной обкладке («склепе») и гробе длиной около 1 м. Останки ошибочно определили как мощи старца Василиска и передали настоятельнице Туринского Свято-Николаевского монастыря игуменье Елизавете.

В 2000 г. для поиска истинного захоронения преподобного старца Василиска археологическими методами по инициативе духовника Ново-Тихвинского монастыря игумена Авраама и по благословению епископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия был привлечен автор статьи [Курлаев, 2010, с. 19–24]. Раскопки проводились в июле-августе 2000 г. Контроль и координацию работ осуществлял игумен Авраам. Большую помощь в успешном проведении работ оказали настоятельница Свято-Николаевского монастыря игуменья Елизавета, руководители и работники ряда организаций г. Туринска. На заключительном этапе раскопок участвовали послушники мужского монастыря Всемилового Спаса г. Екатеринбургa Сергей, Леонид, Максим, Евгений и Георгий. Непосредственно при вскрытии погребений присутствовали игумен Авраам, наместник мужского монастыря Всемилового Спаса иеромонах Андроник, другие священнослужители. Для поиска останков старца Василиска производилась подборка фотографий и сведений из печатных источников и устных рассказов.

Туринский Свято-Николаевский мужской монастырь был основан в 1624 г. тобольским архиепископом Киприяном. Монастырь расположился в нагорной части г. Туринска. В 1775 г. в нем была заложена каменная церковь во имя Вознесения Господня с колокольной и двумя приделами. Кроме храма в монастыре имелись другие деревянные и каменные постройки. Среди них три каменных корпуса, построенные в 1846, 1852, 1900 гг.

В конце XVIII в. Зосима Верховский по совету своего учителя, пустынножителя старца Адриана, вместе с другим учеником старца – Василиском отправился в Сибирь. В 1821–1823 гг. Туринский Свято-Николаевский мужской монастырь был преобразован в женский при непосредственном участии Зосимы Верховского (1767–1835). 26 октября 1822 г. Зосима Верховский и старец Василиск с присоединившимися к ним сестрами прибыли в Туринский монастырь. 29 декабря 1824 г. старец Василиск скончался и был погребен в Свято-Николаевском женском монастыре с северной стороны соборного алтаря Вознесенской церкви. По преданию первоначально над могилой старца была положена плита с надписью [Записки..., 1849, с. 19–87]. Позднее над его могилой был установлен памятник, что заметно на одной из ранних фотографий монастыря. Впоследствии на месте могилы была установлена часовня, о чем говорится в «Ведомости о церкви Николаевского женского монастыря за 1915 г.». Из ведомости следует, что в монастыре «часовен одна, возле храма, во имя мученика Василиска, основана 13 августа 1913 г. Освящена 21 мая 1914 г. Зданием каменная, покрыта железом. Построена на добротные даяния тщанием послушниц сего монастыря Валентины и Людмилы» [Записки..., 1849, с. 80].

С приходом советской власти в 1922 г. был взорван храм во имя Вознесения Господня, разобрана каменная монастырская ограда, разорена часовня над могилой старца Василиска. В дальнейшем на территории обители располагались: детская колония для девочек из репрессированных семей, детский дом, автошкола ДОСААФ. В июле-августе 1994 г. Свято-Николаевский женский монастырь был вновь возрожден, настоятельницей его стала игуменья Елизавета. В марте 1996 г. состоялась передача прежней территории и зданий. К моменту поиска храм и часовня были разрушены, а на территории монастыря сохранилось три каменные и одна деревянная постройки, оставшиеся от существования обители в дореволюционный период, послужившие для нас ориентирами при поиске следов часовни. Были проведены приблизительные измерения на местности с соотнесением данных из текстовых описаний изображения на фотографиях. В итоге удалось примерно определить местонахождение алтаря храма и часовни под бетонным полом гаража.

С помощью небольшого экскаватора была прокопана траншея, перпендикулярная остаткам стен храма. В результате был выявлен край фундамента северного придела храма во имя Николая Чудотворца. Дальнейший поиск контуров стены храма и центрального алтаря не позволяли стены и бетонный пол стоящего гаража. После разборки гаража и вскрытия бетонного пола на глубине 0,8 м были обнаружены остатки стен и деревянных плах пола часовни. Используя их контуры, разбили раскоп площадью 36 кв. м, в который вошел весь фундамент часовни. Наличие остатков пола укрепило нас в мысли, что могилы в период советской власти не вскрывались. В то же время остатков упомянутой плиты и памятника найдено не было. Часовня имела восьмигранную форму, что соответствует ее облику на дореволюционных фотографиях. Размеры между внешними краями стен колебались от 5,20 до 5,50 м. Толщина стен составляла 0,80 м. Внутренние контуры имели форму креста.

Всего в пределах часовни были обнаружены семь погребений. Сведения еще об одной могиле (погребение №1), обнаруженной неподалеку от фундамента часовни при строительстве гаража в 1968 г., были сообщены нам местными жителями. На скелете взрослого человека тогда обнаружили лицевую часть вицмундира чиновника середи-

ны XIX в. с двумя рядами пуговиц. Погребением №2 в нашей классификации стал скелет ребенка, обнаруженный в 1997 г. и переданный игуменье Елизавете. Кости скелета имели светло-коричневую окраску. Судя по длине гроба (около 1 м), а также по сохранившимся зубам (некоторые из них еще не прорезались), останки принадлежали подростку. При расчистке выяснилось, что кирпичная обкладка, или так называемый «склеп», в котором находилось погребение №2, являлась частью стены часовни. Аналогичное отношение к покойникам при строительстве стены в Николаевском монастыре в Верхотурье мы уже упоминали выше. При закладке фундамента часовни гроб также не вскрывали и не переносили, а обкладывали кирпичом и оставляли внутри сооружения. Погребения №3–6 детские, гробики имели длину 30–80 см. Они находились внутри контуров часовни, но не вскрывались. Погребение №4, как и погребение №2, частично находилось в стене.

В центре пространства фундамента часовни было расчищено еще два погребения: №7 и №8. Расчистка погребений началась 2 августа 2000 г. с погребения №7. На ход работы повлияли следующие обстоятельства. К вечеру этого дня после двухмесячной жары начиналась сильная гроза. Поэтому гроб не вскрывался, а был извлечен вместе с подстилающим грунтом, помещен в новый гроб и доставлен в Екатеринбург, где был расчищен в помещении мужского монастыря Всемилоственного Спаса. Размеры гроба 1,8×0,5 м. Умерший, ростом 160–165 см, был похоронен по православному обычаю: на спине, головой на запад, руки сложены на груди. Череп скелета лежал на левой височной части на поперечной доске, подложенной под голову. В области лица сохранились остатки ткани черного цвета, очевидно, покрывала, вышитого золотыми и серебряными нитками. По всей длине скелета и под ним были обнаружены фрагменты серой или выцветшей ткани, возможно, от савана. Погребенный был обут в кожаную обувь, от которой остались отдельные фрагменты. Сохранился также фрагмент кожаных четок.

Погребение №8 обнаружено в 90 см от погребения №7 с некоторым смещением к северу относительно центра фундамента часовни. Захоронение расчищалось 3 августа 2000 г. после ливня на месте находки. Гроб размером 2×0,7 м заметно отличался своей массивностью, толщиной и сохранностью досок. Умерший был ростом 150–155 см. В области груди погребенного был обнаружен параманный крест из дерева с вырезанным изображением восьмиконечного креста. На груди в области кисти левой руки находилась россыпь из семи одинаковых бусин из стекла синего цвета и 38 шариков бисера черного цвета, очевидно, от четок. Под запястьем правой руки находилось скопление шести различных бусин, напоминающих форму креста. Среди них обращают на себя внимание одна крупная ограненная бусина диаметром 15 мм, выполненная из дымчатого хрусталя, две одинаковые бусины коричнево-желтого цвета из янтаря и четыре мелких бусины, сделанные из различных материалов. Под затылком сохранилось несколько узких кожаных полосок, являвшихся, очевидно, элементами крепления клобука. У голени левой ноги были обнаружены фрагменты кожаной обуви черного цвета без каблука.

В результате организованной в июле-августе 2000 г. экспедиции на территории Свято-Николаевского женского монастыря в г. Туринске после разборки гаража и проведенных на его месте археологических раскопок были найдены остатки часовни, поставленной на могиле старца Василиска. Находка фундамента часовни, его размеры и форма, аналогичные изображенным на фотографии, а также соответствие местонахождения относительно соборного алтаря не вызывают сомнения в том, что нами было обнаружено

место захоронения старца Василиска. При раскопках часовни мы убедились, что ее подземная часть с захоронениями не была разорена. Гаражные опоры благополучно расположились по внешнему контуру часовни. Всего там были найдены семь погребений, выполненных по православному обряду. Пять из этих погребений определены как детские.

Наличие значительного количества детских погребений внутри часовни нашло объяснение после ее полного вскрытия. Строительство часовни началось практически через столетие после смерти старца Василиска в месте, где ранее длительное время было кладбище, и вблизи алтарной части производились захоронения. При закладке фундамента часть этих захоронений оказалась внутри часовенного фундамента.

Помимо детских погребений в центре часовни были обнаружены два взрослых погребения. В погребениях №7 и 8 были обнаружены прямые свидетельства принадлежности к монашеству: параманный крест, остатки четок. На основании экспресс-исследования, проведенного антропологом Института истории и археологии УрО РАН Д.И. Ражевым, удалось установить, что останки из погребения №8 принадлежали женщине старше 50 лет.

Погребение №7 внешне выглядело более скромным. На основании того же экспресс-исследования было определено, что эти останки принадлежали мужчине старше 50 лет. Таким образом, на основании результатов проведенного археологического поиска, раскопок и антропологического заключения можно уверенно утверждать, что погребение №7 и является захоронением останков старца Василиска.

Продолжая тему обнаруженных погребений при строительных и реставрационных работах, отметим и наши раскопки в с. Меркушино. 3 июня 2004 г. при планировке поверхности грунта в районе алтарной части вновь построенного Михайловского храма в с. Меркушино было обнаружено захоронение священника. Обнаруженная могила мешала дальнейшему продвижению строительных работ. По приглашению представителей РПЦ автор 5–6 июня 2004 г. производил в Меркушино расчистку останков [Курлаев, 2010, с. 23–24].

Захоронение обнаружено у южного придела храма в 140 см к востоку от стены алтаря. Оно находилось на глубине 30–40 см от уровня вымостки. Гроб находился в выдолбленном в слое камня углублении. В некоторых местах сохранилась фрагменты обивки гроба в виде полос золотистой ткани, сотканых из медных нитей. К моменту приезда погребение было вскрыто и частично нарушено. По рассказам строителей в момент обнаружения могилы и снятия верхних досок гроба ткани погребальных одеяний были в относительной целостности и имели яркие цвета, но к моменту приезда на открытом воздухе остатки одежды разрушились и практически потеряли цвет. Все работы на погребении производились при непосредственном присутствии священнослужителей. Они же давали ценные советы по погребальному облачению покойного.

По их оценке погребенный был священником. В районе живота-груди находились Евангелие и напестольный крест, вложенный в правую руку. Из одеяний были обнаружены остатки епитрахили и фелони. От епитрахили в районе бедренной части сохранились небольшие фрагменты ткани золотисто-зеленого цвета, четыре ажурных крестика из медной проволоки (размером 7×7 см), один аналогичный крестик поменьше (4×4 см), а также пять бронзовых литых ажурных пустотелых пуговиц диаметром до 12 мм (всего шесть пуговиц). От фелони остались куски двухслойной ткани: верхний слой золотисто-зеленого цвета, нижний, более грубый, – сиреневого цвета.

В районе макушки был обнаружен фрагмент головного убора (камилавки?), сплетенный из ниток кружев. Нательного и наперсного крестов обнаружено не было. По мнению о. Михаила, в то время наперсный крест в могилу не клали. Без наперсного креста были обнаружены и останки новомученика о. Константина. Нательный же крест мог быть деревянным и не сохранился.

В захоронении были обнаружены две наиболее заметные вещи: напрестольный крест и Евангелие. Напрестольный крест был размером 30×23×3 см, пустотелый, изготовлен из листовой меди толщиной 1 мм. На лицевой части находились пять эмалевых вставок с иконографическими сюжетами. Евангелие – размером 23×16×5 см. На лицевой части книги, покрытой тонкими серебряными пластинками, сохранились изображения евангелистов. Евангелие имело кожаный переплет, на тыльной стороне для прочности использовались медные пластины. Книга сильно обветшала, страницы отсырели и слежались, поэтому попытки открыть и выяснить дату ее издания не предпринимались. Под Евангелием были обнаружены обрывки истлевшей бумаги. По мнению о. Георгия, это был текст молитвы, положенный на тело покойника. Судя по останкам, священнику к моменту смерти было 30–40 лет. Точное время захоронения установить затруднительно, но по степени сохранности останков это произошло 100–150 лет назад. После расчистки погребения останки, а также все вещи, найденные с покойным, доски, весь прах и тлен из заполнения могилы были тщательно переложены в новый гроб, закрыты и переданы о. Михаилу для последующего перезахоронения на этом же месте после окончания строительных и земляных работ.

Обсуждение результатов

Расчищая монастырские слои XVII–XIX вв., мы вплотную столкнулись с проблемой неизученности материальной культуры последних столетий. То, что является обычным при исследовании древних эпох: коллекции находок и на их основе классификация и датировка вещей – пока неприменимо для поздних памятников. Эти коллекции еще предстоит собрать.

Надежда на письменные источники заканчивается тогда, когда начинаешь с ними работать, поскольку они фиксировали лишь отдельные стороны человеческой деятельности. Да и тем немногим документам, что мы сейчас можем увидеть, пока просто повезло миновать пожары и чистки, в которых уже погибли многими столетиями собиравшиеся архивы. Нелишне напомнить, что и архив Николаевского мужского монастыря в Верхотурье сгорел, а его большая библиотека пропала в годы революции.

Во время историко-археологических полевых изысканий сформировалось представление о последовательности работы на разрушенных объектах исторического периода. Говоря о методике исследования, необходимо отметить тот факт, что многие ключевые методы, применяемые в доисторической археологии, перестают работать. Более всего это становится заметным при обработке и интерпретации материала. Основной рабочий материал доисторических эпох – орнаментированная керамика – отсутствует. Нет необходимости в выделении археологических культур, определении этнической и культурной принадлежности создателей памятников. Имена строителей и период существования объектов с высокой для археологии точностью можно узнать из письменных источников.

Вместе с тем в изучении объектов исторического периода реально использование традиционной процедуры археологического исследования: полевых работ и камераль-

но-кабинетной обработки и обобщения данных. Возможно применение стратиграфического, планиграфического методов, а также одного из наиболее важных в археологии – типологического метода. Но в исследовании решающую роль начинают играть письменные источники. В методах поиска, раскопок и реконструкции памятников появляются существенные особенности, которые изменяют традиционную процедуру исследования. В первую очередь комплексный характер исследования – органичный синтез сведений письменных источников, методов и результатов археологических исследований. Увеличение объемов информации из письменных источников делает ее решающей, а данные археологических исследований – вспомогательными.

В археологической разведке поиск следов и остатков памятников исторической эпохи осуществляется по письменным источникам (описаниям, картам). На их основе нередко можно точно выявить время деятельности объекта, название объекта, язык, этническую принадлежность его создателей, что чаще всего невозможно для памятников доисторической эпохи. Разведки, проведенные с использованием архивных данных, позволяют устранить спорные точки зрения, выявить местонахождение объектов для дальнейшей работы с их остатками, уточнить окружающую историческую топономику. Одна из задач и проблем – установление доказательной связи между обнаруженными остатками и сведениями из письменных источников, а также соотнесение старинных планов с современной топографией местности. Существует и техническая проблема – это масштабные объемы работ при археологическом обследовании следов и остатков эпохи промышленного освоения.

При исследовании скрытых в земле остатков археолог становится ключевой фигурой, без которой не может проводиться полноценная работа других специалистов. Изучение культурного слоя – трудоемкий и дорогостоящий процесс, поэтому невозможно уделить равное внимание всем памятникам; необходимо выявлять наиболее уникальные и пытаться сохранить некоторые из них. Раскопки памятников пополняют сведения о планировке, архитектуре, этапах перестройки. В процессе исследования собираются образцы изделий, полуфабрикаты, отходы производства для последующего изучения их методами естественных наук, составления типологических рядов предметов и формирования музейных коллекций.

Обычно в земле на месте объектов сохраняются мощные фундаменты, поэтому раскопки «под снос» невозможны. Выходом из такой ситуации может быть консервация остатков или создание музея под открытым небом. В авторской практике имели место установка памятных знаков на разрушенных промышленных памятниках и создание анимированной 3D модели сооружения XVIII в. [Курлаев, 2008, с. 9–17]. Не так далеко то время, когда будет исчерпана традиционная источниковая база, основанная только на письменных или вещественных источниках. За областью исследований, находящейся на стыке и во взаимодополнении этих источников, по мнению автора, будущее и истории, и археологии. И раскопки в монастырях – не только посильное участие в реставрационных работах, но и небольшой вклад в копилку изучения культовых и погребальных памятников исторического периода, или, в просторечии – «церковной археологии». Целенаправленный поиск захоронений останков, признанных мощами святых, в итоге может стать совместной многолетней научной программой, подкрепленной имеющимся опытом и разработанной методикой комплексных историко-археологических исследований.

Заключение

В традиционной (доисторической) археологии принято выделять памятники производственной деятельности, культовые и погребальные сооружения, поселения. По нашему мнению, в исторической археологии будут аналогичные типы памятников и направления их исследования: «промышленная археология», «церковная археология», «городская археология», а также «военная археология». Такие названия уже используются в разговорной речи, а схема структурирования исследования памятников исторического периода уже рассматривалась автором ранее [Курлаев, 1999, с. 90–92].

Библиографический список

- Баранов В.С. Летопись Верхотурского общежитского монастыря в связи с историей сказания о жизни Святого праведника Симеона Верхотурского. Нижний Новгород, 1910. 235 с.
- Баранов В.С. Верхотурский монастырь. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1894. №22. С. 532.
- Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска. М. : Издательство Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1849. 274 с.
- Курлаев Е.А. Церковная археология: раскопки в Николаевском монастыре г. Верхотурья в 1989–1991 гг. // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. С. 92–109.
- Курлаев Е.А. Церковная археология в изучении и сохранении историко-культурного наследия Православие в судьбе Урала и России: история и современность // Материалы всероссийской науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург : ИИА УрО РАН ; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 19–24.
- Курлаев Е.А. Историческая археология на Урале // III Берсовские чтения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. С. 90–92.
- Курлаев Е.А. Реконструкция облика металлургического завода XVIII в. в виде компьютерной модели // Информационно-аналитический бюллетень научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. 2008. №6. С. 9–17.
- Массон В.М. Церковная археология как научное направление российской археологической науки // Церковная археология : материалы Первой Всероссийской конференции. СПб. ; Псков, 1995. С. 7–9.
- Слукин В.М. Тайны уральских подземелий. Свердловск : Среднеуральское кн. изд-во, 1988. 212 с.

References

- Baranov V.S. Letopis' Verhoturskogo obshhezhit'skogo monastyrja v svjazi s istoriej skazanija o zhizni Svjatogo pravednika Simeona Verhoturskogo [Chronicle of the Verkhotur'sky Hostel Monastery in Connection with the History of the Tale about the Life of Holy Righteous Simeon of Verkhotur'sk]. Nizhnij Novgorod, 1910. 235 p.
- Baranov V.S. Verhoturskij monastyr' [Verkhotur'sky Monastery]. Ekaterinburgskie eparhial'nye vedomosti [Yekaterinburg Diocesan Bulletin]. 1894. №22. 532 p.
- Zapiski o zhizni i podvigah Petra Alekseevicha Michurina, monaha i pustynnozhitelja Vasiliska [Notes on the Life and Exploits of Pyotr Alekseevich Michurin, a Monk and Basilisk Deserter]. M. : Izdatel'stvo Kozel'skoj Vvedenskoj Optinoj pustyni. 1849. 274 p.
- Kurlaev E.A. Cerkovnaya arheologiya v izuchenii i sohranении istoriko-kul'turnogo naslediya Pravoslavia v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost' [Church Archaeology in the Study and Preservation of Historical and Cultural Heritage of Orthodoxy in the Fate of the Urals and Russia: History and Modernity]. Materialy vserossijskoj nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 18–20 aprelya 2010 g.) [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical. Conf. (Ekaterinburg, April 18–20, 2010)]. Ekaterinburg : IA UrO RAN ; Izd-vo Ekaterinburgskoj eparhii, 2010. Pp. 19–24.

Kurlaev E.A. Istoricheskaja arheologija na Urale [Historical Archaeology in the Urals]. III Bersovskie chtenija [III Bersovskie Readings]. Ekaterinburg : Bank kul'turnoj informacii, 1999. Pp. 90–92.

Kurlaev E.A. Rekonstrukcija oblika metallurgicheskogo zavoda XVIII v. v vide komp'juternoj modeli [Reconstruction of the Appearance of the Metallurgical Plant of the XVIIIth Century in the Form of a Computer Model]. Informacionno-analiticheskij bjulleten' nauchnogo soveta RAN po problemam rossijskoj i mirovoj jekonomicheskoi istorii [Informational and Analytical Bulletin of the Scientific Council of the RAS on the Problems of Russian and World Economic History]. 2008. №6. Pp. 9–17.

Masson V.M. Cerkovnaja arheologija kak nauchnoe napravlenie rossijskoj arheologicheskoi nauki [Church Archaeology as a Scientific Direction of the Russian Archaeological Science]. Cerkovnaja arheologija : materialy Pervoi Vserossijskoj konferencii [Church Archaeology: Materials of the First All-Russian Conference]. Pskov. 20–24 nojabrja 1995 g. SPb. ; Pskov, 1995. S. 7–9.

Slukin V.M. Tajny ural'skih podzemel'ij [Mysteries of the Ural Dungeons]. Sverdlovsk : Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 1988. 212 p.

E.A. Kurlaev

*Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
Ural Branch Ekaterinburg, Russia*

«CHURCH ARCHEOLOGY» AS A DIRECTION OF RESEARCH

In our opinion, “church archaeology” is one of the thematic areas of “historical archaeology” that deals with religious and funeral structures. These conclusions were made on the basis of studies of the cultural layer of the Nikolaev monastery in the city of Verkhoturje and the search for the remains of the Basilisk of Siberia and Konstantin Merkushinsky, recognized by the Russian Orthodox Church as saints. In the methods of searching, excavating and reconstructing archaeological monuments of the written epoch there are significant differences from the traditional research procedures of “prehistoric archaeology”. First of all, it is the synthesis of data from written and archaeological sources. The main working material of prehistoric eras – ornamented ceramics – is often absent. There is no need to isolate archaeological cultures, determine the ethnic and cultural identity of the creators of the monuments. The names of the builders and the period of existence of objects with high accuracy for archeology can be obtained from written sources. Research at the intersection of history and archaeology also implies work on a unified periodization of the sciences and the substantiation of the late chronological borders of archeology.

Key words: historical and archaeological methods, religious buildings, church archaeology.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию.
АН – Академия наук.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
БГПИ (БГПУ) – Барнаульский государственный педагогический институт.
ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГИПП – Государственное издательско-полиграфическое предприятие.
ГМВ – Государственный музей востока.
ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы.
ГУ – Государственный университет.
ГУГК – Главное управление геодезии и картографии.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
ИФ – Исторический факультет.
КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области» – Кировское областное государственное автономное учреждение «Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области».
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук.
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НИИ – Научно-исследовательский институт.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
РАН – Российская академия наук.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РОССПЭН – Российская политическая энциклопедия.
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия.
РТ – Республика Таджикистан.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина.
ТГСПА – Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева.
ТКНС – Тобольская комплексная научная станция.
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно исследовательский институт языка, литературы и истории.
ТюмГУ – Тюменский государственный университет.
УрО – Уральское отделение.
УФИЦ РАН – Уфимский федеральный исследовательский центр РАН.
ФАНО – Федеральное агентство научных организаций.
ФНИ – фундаментальные научные исследования.
ЦЧКИ – Центрально-Черноземное книжное издательство.
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет.
GRVL – Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury.
IAET SB RAS – Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Science.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алишер кызы Салтанат, аспирант Новосибирского государственного университета; 630060, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН; saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Alisher Kyzy Saltanat, Graduate Student of Novosibirsk State University; 630060, Novosibirsk, ul. Pirogov, 1; Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Блохин Егор Константинович, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН; 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18; jegor.bloch@gmail.com

Blokhin Egor Konstantinovich, Junior Researcher, Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; 191186, St. Petersburg, Dvortsovaya Emb., 18; jegor.bloch@gmail.com

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета; 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1; avvarenov@mail.ru

Varenov Andrey Vasilyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Studies, Novosibirsk State University; 630090, Novosibirsk, Pirogova str., 1; avvarenov@mail.ru

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета; 650000, Кемерово, ул. Красная, 6; vasutin2012@list.ru

Vasyutin Sergey Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and Social and Political Sciences of the Institute of History and International Relations of Kemerovo State University; 650000, Kemerovo, Krasnaya str.; vasutin2012@list.ru

Грушин Сергей Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; gsp142@mail.ru

Grushin Sergey Petrovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Altai State University; 656049, Barnaul, Lenin Str., 61; gsp142@mail.ru

Загваздин Евгений Петрович, младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН; 626152, Тобольск, ул. им. ак. Юрия Осипова, 15; kulay_arx@mail.ru

Zagvazdin Evgeny Petrovich, Junior Researcher of the Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 626152, Tobolsk, Academic Yuri Osipov str., 15; kulay_arx@mail.ru

Иванов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына; 720033, Кыргызстан, Бишкек, ул. Фрунзе, 547; sak@yandex.ru

Ivanov Sergey Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Faculty of International Relations and Oriental Studies, Kyrgyz National University. J. Balasagyn; 720033, Kyrgyzstan, Bishkek, Frunze, 547; sak@yandex.ru

Камалеев Эльвир Винерович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; 450077, Уфа, ул. Карла Маркса, 6; kamaleev-ilvir@mail.ru

Kamaleev Elvir Vinerovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Department of Archaeological Heritage of the Southern Urals, R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies – a Separate Structural Unit of the Federal State Budgetary Scientific Institution of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; 450077, Ufa, Karl Marx str., 6; kamaleev-ilvir@mail.ru

Каспари Джинно, PhD, ассоциированный исследователь Института археологических исследований Бернского университета; 3012 Bern, Switzerland, Mittelstrasse, 43; gino.caspari@iaw.unibe.ch

Caspari Gino, PhD, Associate Researcher of the Institute of Archaeological Research, University of Bern; 3012 Bern, Switzerland, Mittelstrasse, 43; gino.caspari@iaw.unibe.ch

Козликин Максим Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; kmb777@yandex.ru

Kozlikin Maxim Borisovich, Candidate of Historical Sciences, Research Associate of the Stone Age Archaeology Department, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 630090, Novosibirsk, Lavrentiev str., 17; kmb777@yandex.ru

Колобова Ксения Анатольевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; kolobovak@yandex.ru

Kolobova Ksenia Anatolyevna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, Lavrentiev str., 17; kolobovak@yandex.ru

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич, доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета; krivoshapkin@mail.ru

Krivoshapkin Andrei Innokentevich, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director, Leading Researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, pr. Lavrentieva, 17; Head of the Department of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University; krivoshapkin@mail.ru

Кряжевских Андрей Леонидович, директор Кировского областного государственного автономного учреждения «Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области»; 610017, Киров, ул. Герцена, 64; suna1649@mail.ru

Kryazhevskikh Andrei Leonidovich, Director of the Kirov Regional State Autonomous Institution “Scientific and Production Center for the Protection of Objects of Cultural Heritage of the Kirov Region”; 610017, Kirov, Herzen str., 64; suna1649@mail.ru

Кунгуров Артур Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, инженер Отдела сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; artur.kungurov@mail.ru

Kungurov Artur Leonidovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Engineer of the Department of Support of Research, Developmental and Technological Works of Altai State University; 656049, Barnaul, Lenin str., 61, room. 211; artur.kungurov@mail.ru

Кунгурова Ольга Фридриховна, кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных наук и межкультурных коммуникаций Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при правительстве Российской Федерации» Барнаульский филиал; 656038, Барнаул, пр-т Ленина, 54; kungurovaof@mail.ru

Kungurova Olga Fridrikhovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of General Humanitarian Sciences and Intercultural Communications, Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education, Financial University under the Government of the Russian Federation, Barnaul branch; 656038, Barnaul, Lenin Prospect, 54; kungurovaof@mail.ru

Курлаев Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; kurlaev@e1.ru

Kurlaev Evgeny Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 620990, Yekaterinburg, S. Kovalevskaya str., 16; kurlaev@e1.ru

Мерц Виктор Карлович, кандидат исторических наук, доцент, директор Центра археологических исследований им. А.Х. Маргулана, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова; 140008, Павлодар, ул. Ломова, 64, каб. 102; v_mertz@mail.ru

Merts Victor Karlovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the O.H. Margulan Center for Archaeological Research, Pavlodar State University. S. Toraigyrov; 140008, Pavlodar, Lomov str., 64, room. 102; v_mertz@mail.ru

Мерц Илья Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра археологических исследований им. А.Х. Маргулана, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова; 140008, Павлодар, ул. Ломова, 64, каб. 102; barnaulkz@mail.ru

Merts Ilya Victorovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Center for Archaeological Research. O.H. Margulan, S. Toraigyrov Pavlodar State University; 140008, Pavlodar, Lomov str., 64, room. 102; barnaulkz@mail.ru

Михиенко Валерия Алексеевна, магистрант первого курса Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; volnavvv@mail.ru

Mihienko Valeria Alekseevna, first-year undergraduate student of the Humanitarian Institute of the Novosibirsk State University; 630090, Novosibirsk, ul. Pirogov, 1; volnavvv@mail.ru

Нурмуханбетов Бекмуханбет Нурмуханбетович, ведущий научный сотрудник Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык»; 040400, Казахстан, Алматинская область, Енбекшиказахский р-н, Рахатский с.о., трасса Алматы-Кокпек-Коктал, подъезд Есик – 6,6 км.

Bekmukhanbet Nurmukhanbetovich Nurmukhanbetov, Leading Researcher, State Historical and Cultural Reserve-Museum “Issyk”; 040400, Kazakhstan, Almaty Region, Enbekshikazakhstan District, Rakhat s.o., Almaty-Kokpek-Koktal highway, Esik entrance – 6.6 km.

Нямдорж Дагвадорж, бакалавр искусств, реставратор, Национальный центр культурного наследия; 210620а, Монголия, Улаанбаатар, площадь Сухбаатар, 21; nimad42@gmail.com

Nyamdorj Dagvadorj, Bachelor of Arts, Restorer, National Center of Cultural Heritage; 210620a, Mongolia, Ulaanbaatar, Sukhbaatar square, 21; nimad42@gmail.com

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, доцент Казанского государственного института культуры, профессор; 420059, Казань, Оренбургский тракт, 3; murziha@mail.ru

Rudenko Konstantin Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Kazan State Institute of Culture, Professor; 420059, Kazan, Orenburg tract, 3, KazGIK; murziha@mail.ru

Садьков Тимур Рашитович, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН; 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18; tim.sadykov@gmail.com

Sadykov Timur Rashitovich, Junior Researcher, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 191186, St. Petersburg, Dvortsovaya Emb., 18; tim.sadykov@gmail.com

Саран Солонго, PhD, заведующий отделом Физико-технического института Монгольской академии наук; 13330, Монголия, Улаанбаатар, Энхтайван, просп. 54b; sarans@mas.ac.mn

Saran Solongo, PhD, Head of Department, Institute of Physics and Technology, Mongolian Academy of Sciences; 13330, Mongolia, Ulaanbaatar, Enkhtaivan, ave. 54b; sarans@mas.ac.mn

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая; докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; nikolay-seregin@mail.ru

Seregin Nikolay Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Interdisciplinary Archaeology of Western Siberia and Altai; Doctoral Student, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61; nikolay-seregin@mail.ru

Тенгис Саран, магистр, научный сотрудник Физико-технического института Монгольской академии наук; 13330, Монголия, Улаанбаатар, Энхтайван, просп. 54b; tengiss@mas.ac.mn

Tengis Saran, Master of Sciences, Research assistant, Institute of Physics and Technology, Mongolian Academy of Sciences; 13330, Mongolia, Ulaanbaatar, Enkhtaivan, ave. 54b; tengiss@mas.ac.mn

Тулегенов Турали Жаксылыкович, старший научный сотрудник Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык»; 040400, Казахстан, Алматинская область, Енбекшиказахский р-н, Рахатский с.о., трасса Алматы-Кокпек-Коктал, подъезд Есик – 6,6 км; tur4ik_kz@mail.ru

Tulegenov Turali Zhaksylykovich, Senior Researcher of the State Historical and Cultural Reserve-Museum “Issyk”; 040400, Kazakhstan, Almaty Region, Enbekshikazakhstan District, Rakhat s.o., Almaty-Kokpek-Koktal Highway, Esik Entrance - 6.6 km; tur4ik_kz@mail.ru

Турбат Цагаан, PhD, ассистент профессора, заведующий отделом Института истории и археологии Академии наук Монголии; 13330, Монголия, Улаанбаатар, Жукова, ул. 51; turbatts@mas.ac.mn

Turbat Tsagaan, PhD, Ass.Prof. Head of Department, Institute of History and Archaeology, Mongolian Academy of Sciences; 13330, Mongolia, Ulaanbaatar, Zhucov, str. 51; turbatts@mas.ac.mn

Филимонова Татьяна Германовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Рудаки, 33; tatjanafilimonova@mail.ru

Filimonova Tatyana Germanovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan; 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki str., 33; tatjanafilimonova@mail.ru

Фрибус Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии Кемеровского государственного университета; 650000, Кемерово, ул. Красная, 6; fribus@list.ru

Fribus Aleksey Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology, Kemerovo State University; 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6; fribus@list.ru

Шнайдер Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; младший научный сотрудник, Алтайский государственный университет; sveta.shnayder@gmail.com

Schneider Svetlana Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, Lavrentieva str., 17; Junior Researcher, Altai State University; sveta.shnayder@gmail.com

Шуньков Михаил Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; shunkov77@gmail.com

Shunkov Mikhail Vasilyevich, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 630090, Novosibirsk, Lavrentiev str. 17; shunkov77@gmail.com

Энхбат Галбадрах, PhD, директор Национального центра культурного наследия; 210620a, Монголия, Улаанбаатар, площадь Сухбаатар, 21; enkhbatcch@gmail.com

Enkhbat Galbadrakh, PhD, Director, National Center of Cultural Heritage; 210620a, Mongolia, Ulaanbaatar, Sukhbaatar square, 21; enkhbatcch@gmail.com

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№1 (25) • 2019

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Россинская

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»

Подписной индекс П4317

Цена свободная

Подписано в печать 11.03.2019. Печать офсетная

Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ 105.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Дата выхода 15.03.2019.